

Красавица Леночка: Психопаты не унимаются!

Дорогой читатель! Данная книга представляет собой часть авторского проекта «Хищники и жертвы среди нас» и продолжает историю героев книги «Красавица Леночка и другие психопаты». В ней на примерах конкретных жизненных ситуаций раскрывается необычный внутренний мир людей со специфической аномалией личности. Благодаря этой своей особенности они обладают, в частности, удивительной способностью манипулировать психикой других людей, во многом фактически подчиняя себе их волю. Речь здесь идёт и о тех (например, организаторах тоталитарных сект и различных шарлатанах), кто, не имея клинически выраженной патологии характера, демонстрирует сходное деструктивное поведение. На конкретных примерах анализируются также факторы уязвимости людей в отношении таких приёмов. Хотелось бы надеяться, что данный труд не только расширит психологический кругозор читателя, но и вооружит его полезными практическими знаниями на случай контакта с упомянутыми деструктивными личностями, сталкиваться с которыми приходится очень многим.

Пролог: психология душителя

Когда «душитель» Кен Бианки понял, что полиция располагает неопровержимыми свидетельствами его причастности к убийству нескольких девушек, у него возникла интересная идея. Очевидно, он решил, что временное пребывание в психиатрической больнице всё же лучше смертной казни или пожизненного заключения. Ему удалось убедить экспертов по психиатрии в том, что он одержим диссоциативным расстройством идентичности (тем, что в народе называют «раздвоение личности»). В результате чего время от времени из него вылезает агрессивная оборотная сторона его личности по имени Стив, которая и совершала убийства.

Говорит Джон Уоткинс, профессор психологии университета штата Монтана: «после беседы с Бианки... я заключил, что он определённо был истинным случаем множественной личности. На самом деле, одним из наиболее явных из тех, что я видел, сталкиваясь с этой проблемой на протяжении многих лет».

Судья города Беллингхэма назначил своего эксперта, независимо от защиты и обвинения. Им стал психиатр из Калифорнии Ральф Эллисон. Согласно «обдуманному профессиональному мнению» последнего, Кен Бианки был невменяем по причине множественной личности.

И лишь блестящее профессиональное мастерство Мартина Орна и Маргарет Сингер, приглашённых в качестве экспертов в области клинической психологии/психиатрии, позволили вывести К. Бианки на чистую воду. В результате, в его недалёком будущем замаячил электрический стул. Тогда, согласно циничному замечанию известной писательницы ужасиков, а заодно эксперта по криминалистике, Кэтрин Рамсленд, «мы увидели раскаяние Кена Бианки. Он любил плакать!»

Кен Бианки отозвал своё заявление о «невиновности по причине безумия» и поспешил вступить в сделку с правосудием штата Вашингтон. Он доносил на своего сообщника, а по совместительству двоюродного брата, Анджело Боно, в обмен на сохранение своей жизни. Кен Бианки рыдал на протяжении большей части часа, что длилось заседание суда. Когда его спросили о том, есть ли ему что сказать перед вынесением приговора, он ответил: «Ваша честь, я не могу найти слова, чтобы выразить свою печаль по поводу содеянного мною. Я никак не могу унять боль, причинённую мною другим, и никоим образом не могу ожидать прощения ни от кого (всхлип)... Я должен принять на себя ответственность за содеянное, и сделать всё, что я могу, чтобы наказать Анджело Боно. И посвятить всю свою жизнь тому, чтобы никто, как хотелось бы надеяться, не последовал моему примеру (всхлип)».

Продолжает Кэтрин Рамсленд: «Выйдя из зала суда, Кен Бианки улыбается и шутит... Он разыграл раскаяние. У психопатов очень хорошо получается смотреть по сторонам и замечать, какие эмоции уместны, и имитировать их». Роберт Надсен, полиция Беллингхэма: «В первые три минуты после того, как мы покинули зал суда, я, детектив Нолти и ещё один офицер контактировали с мистером Бианки. Бианки сидел за столом, положив ноги на стол и скрестив их. Он курил, откинувшись на спинку кресла, и смеялся. А всего за три минуты до этого слёзы катились у него из глаз в зале суда, и у него был очень опечаленный вид».

М. Сингер: Начиная с детских лет, история мистера Бианки – это история типичного психопата. Даже его мать сказала, что он «лгал, лгал, лгал». Вся его жизнь – это история практически бессмысленной лжи, которая является характерной чертой привычного психопатического вранья, когда легче соврать, нежели сказать правду. И враньё обычно совершается просто с тем, чтобы убедить другого человека, или чтобы психопат лучше себя чувствовал в данный момент.

Журналист: Когда Бианки уже был в тюрьме, он написал почти 50 любовных писем молодой женщине, которую он знал в Беллингхэме. Доктор Сингер видела в этих письмах свидетельство лжи и манипулятивного обаяния психопата. Они были адресованы парикмахерше Энджи Кинберг. Наивно полагавшей, что Кен Бианки «очень искренний, добрый. Он обладал определённым магнетизмом, притягивавшим к нему всех женщин... Я не совсем понимаю то, что касается множественной личности, но личность, которую я знала, не могла совершить это» (имелись в виду убийства – Д.П.). Примечательно, как

ей в этом вторит Келли Бойд – девушка Кена Бианки, у которой от него был ребёнок: «Кен, которого я знала, не мог сделать никому больно, тем более кого-то убить».

Говорит Энджи: Он интересовался мной. Был честен со мной, беспокоился за меня, и был очень убедителен даже в своих письмах. Я верила всему, что он говорил, и он сказал мне, что невиновен. Он сказал как-то, что хотел бы, чтобы как в кино, в конце кто-то встал в зале суда и сказал, что был с ним в тот вечер. Тем временем, после того как его арестовали, я получала от него письма наподобие того, в котором он пишет: «Я не могу объяснить, где я находился с 8.10 до 9.50. Вероятно, я умру в газовой камере за содеянное кем-то другим. Если бы я тогда встретился с тобой, у меня было бы алиби, которое спасло бы мою жизнь». Я читала между строчек, и решила, что он хотел, чтобы я написала алиби для него, что я и сделала, и отправила ему в тюрьму.

Журналист: что при этом было у Вас на уме?

Энджи: Вначале я подумала: как такой человек может сделать что-то плохое?.. Последний раз, когда у меня получилось с ним увидеться, я сказала ему, что я решила не делать этого (имелось в виду предоставление ему алиби – Д.П.), и он ответил: «поступай, как считаешь, что будет лучше».

Из разговора Кена Бианки с Доном Лундом, психиатром с медицинского факультета Стэнфорда:

Кен Бианки: Энджи по-прежнему пишет мне время от времени, и у неё в голове этот волшебный роман со мной, хотя между нами никогда ничего не было.

Лунд: как Вы объясняете это? Я имею в виду, Вы когда-нибудь... Хорошо, давайте вернёмся.

-Проявлял ли я когда-либо инициативу или давал ей причину, чтобы...

-Да.

-Нет.

-Вы когда-нибудь спали с ней?

-Нет. Никогда.

-Никогда?

-Никогда не спал с ней, никогда не встречался с ней, никогда не целовался с ней, никогда не держал её за руку.

-Но Вы ведь действительно как-то прислали ей цветы, не правда ли?

-Ей и Кэти. И причиной тому...

-Да, причина есть. Я имею в виду, такие вещи производят большое впечатление на девушек. Я имею в виду, может, дело было в этом, а?

-Это было... я... они пришли ко мне в офис и плакали.

-Да, я помню это... пытаюсь сообразить... Я хочу сказать, может быть, причина именно в этом.

-Она думала... она думала, что это самое замечательное, что кто-либо когда-либо сделал по отношению к ней... Это было что-то такое (имелось в виду чувство Энджи к Кену – Д.П.), что становилось всё сильнее и сильнее... Я хочу сказать, я дам Вам почитать кое-что... У меня не все её письма, я уничтожил многие из них, потому что они были всего лишь... Но я хочу сказать, что оно (чувство – Д.П.) становилось всё сильнее и сильнее – это просто был такой односторонний волшебный роман. Она просто безумно влюблена. Она теперь подписывает свои письма: «я очень тебя люблю».

М. Сингер: Энджи была лишь одна из. У него было 12 других алиби. Психопаты никогда не унимаются. Например, он попросил свою мать напечатать письмо с алиби для него, надев резиновые перчатки, чтобы не оставлять отпечатки пальцев. И не могла бы она слетать в Сиэтл, штат Вашингтон, с резиновыми перчатками, чтобы отправить письмо, которое обеспечило бы ему алиби. Он также пытался свалить убийства в Вашингтоне на Грега, погибшего мотоциклиста, о котором Кен знал, что тот мёртв. Он также склонил одну женщину попытаться повторить его убийства, чтобы обеспечить ему алиби. Он убедил другую женщину сознаться в его преступлениях. Психопаты просто не останавливаются. Они не прекращают попыток. Они продолжают в том же стиле.

Журналист: он в своём уме?

М. Сингер: Да, он в своём уме. Он знал разницу между добром и злом, был в состоянии сформировать намерение убивать, и это были тщательно спланированные и организованные убийства как до, так и после. Он вменяем в глазах закона. Широкая публика может думать, что это безумное поведение. Это возмутительное поведение, но в глазах закона он вменяем.

Журналист: Маргарет Сингер получила неожиданную поддержку своего мнения. В ночь перед слушанием касательно вменяемости Бианки, доктор Ральф Эллисон, который оставил частную практику и стал тюремным психиатром, сказал, что передумал насчёт Бианки.

Р. Эллисон: Что ж, я быстро понял, работая здесь с заключёнными, что у меня нет причины верить чему бы то ни было из того, что они говорят. Это было шоком для меня, потому что я привык верить тому, что мои пациенты мне говорили, и работать, отталкиваясь от этого. Но здесь я встречаю человека, который пытался выйти досрочно, и выясняю, что он рассказал одну историю полиции, когда его арестовывали, другую своему адвокату, третью историю в суде, четвёртую офицеру по досрочным освобождениям, а пятую – мне. И знаете, нет никакого способа сказать, где правда на самом деле, когда эта история постоянно меняется.

Журналист: И каков окончательный диагноз Кена Бианки?

Мартин Орн: Мистер Бианки – сексуальный психопат. Что с ним не так, так это что сексуальный порыв становится извращённым и сплавленным с насилием, так что индивид получает сексуальное удовлетворение от насилия, сопровождающего убийство.

Журналист: Откуда же берутся такие психопаты?

М. Сингер: Возможно, это смешение генетических факторов и влияния среды. Мы не знаем наверняка. Он может быть просто злым человеком.

(по материалам телепередач каналов BBC, PBS и Discovery Channel)

Моральный инвалид

Первые дни после того, как Леночка закинула ему на телефон остатки его денег, Джонни не находил себе места. В теории он прекрасно понимал, что ключом к избавлению от этого наваждения было бы, скажем, найти себе девушку. И не просто кого-то, а действительно близкого человека. Однако на практике это были лишь бесплодные мечты. Продолжая упорно сидеть по вечерам на сайте знакомств Кобра, Джонни всё больше терял надежду. Он просматривал вереницу этих в большинстве своём совершенно нормальных женщин, глядел с отвращением на их списки требований к кандидатам, и приходил в отчаяние. Джонни всё сильнее понимал, что ему в тот момент нужна была одна. Ненормальная. Леночка. Примечательно, что Джонни в тот момент не верил, что она решила прекратить с ним контакты насовсем. Она не стала бы кидать ему те две тысячи на телефон, если бы не надеялась получить от него в итоге гораздо больше. Очевидно, она просто считала, что нужно ему придать нужный тонус, чтобы он был готов общаться с ней на ещё более унижительных условиях. Хотя, казалось бы, куда уж более! Его размышления об этом стали особенно мучительными к вечеру пятницы, когда Джонни понял, что в эти выходные он Леночку не увидит. И вообще неизвестно когда увидит. И увидит ли? Неожиданно цепь его печальных мыслей прервал звук пришедшей смс. Абонент с до боли знакомого номера интересовался: как мама? Конечно, для Джонни было совершенно ясно, что на самом деле Леночке было совершенно наплевать на него как человека. Не то, что искренне интересоваться, как там дела у его мамы. Скорее, Леночка просто решила полубопытствовать, не созрел ли Джонни попросить у неё прощения за своё «жлобство и жмотство» и выразить готовность отдать ей всё за возможность лицезреть её снова. На смс Джонни ответил: «спасибо, плохо». На что получил реплику Леночки: «за такое не благодарят».

Ещё задолго до того, как ему открылась правда о Леночкиной психопатии, он не мог не обратить внимания на одно существенное обстоятельство. Желая сформулировать моральную позицию по тому или иному вопросу, Леночка заявляла: так не говорят, или: так не делают. Хотя в определённых обстоятельствах так говорят многие нормальные, социально конформные люди, Джонни понимал, что это не Леночкин случай. Она была словно морально слепа. И в то же время Леночке важно было произвести на окружающих нужное впечатление, что она делает такой же моральный выбор, как и другие.

Поскольку в ту пятницу Джонни ничего больше не писал Леночке, ещё неделю между ними не было никаких контактов. Однако в воскресенье, 18 декабря, Леночка написала ему на почту: «Мусенечка, я так соскучилась!!!». Прекрасно понимая лживый, манипулятивный характер её заявления, Джонни не придумал ничего лучше, чем искренне признаться ей в том, что он-то как соскучился!

А ещё почти через неделю, 24 декабря, Леночка написала ему по почте: «Муся, у меня кокнулась записная книга в телефоне, больше нет нигде твоего номера. Хочу встретиться – позвони сам. Или пришли номер моб.» Не обошлось безо лжи и здесь. Первое, что сказала Леночка, ответив на его звонок, было: «привет, мой милый друг». Из чего следовало, что либо она называла своим милым другом каждого звонившего ей мужчину, либо она на самом деле не теряла его номер телефона. Джонни понял, что она просто хотела соблюсти «субординацию», чтобы он звонил ей, а не она ему. В этом ему должна была помочь уверенность, что она ему сама не позвонит – у неё якобы уже нет его номера телефона. Джонни видел в этом проявление характерного для психопатов стремления доминировать над другими людьми.

Они поговорили по телефону. Договорились встретиться. На следующий день, в воскресенье, перед встречей с Леночкой Джонни зачем-то решил проверить электронную почту. Только чтобы почувствовать, как к нему был применён, пожалуй, самый эффектный приём психической атаки за весь период общения с Леночкой. В её письме не было текста. Была только ссылка на короткий, всего полторы минуты, клип на YouTube. В клипе, на широкой улице европейского города прохожие по очереди обнимали очаровательную зверюшку, получая заряд хорошего настроения. Однако в конце клипа зритель видит печальное лицо инвалида, снимающего костюм зверюшки. Картину органично дополняет подпись под клипом, в которой рассказывается, что место в автобусе рядом с Фабианом (очевидно, главным героем клипа) часто пустует.

Джонни не знал, что на самом деле хотела сказать ему Леночка этим клипом. Учитывая её склонность к патологической лжи, он на самом деле и не имел шанса это узнать. Но он не мог не признать, что клип произвёл на него неизгладимое впечатление. Этот короткий ролик дал ему пищу для долгих непростых размышлений. Джонни думал о том, что Леночка моральный инвалид. По-видимому, от рождения или уж точно с детства. И она, скорее всего, ничего не может с этим поделать, даже если бы очень

захотела. Да она ещё и скорее всего не хочет, и это нежелание тоже представляет собой существенную составляющую её инвалидности. А Джонни, который с юных лет так пафосно разглагольствовал о том, что для него главное в женщине – её внутренний мир... Конечно же, он, наверное, с удовольствием обнимался бы с Леночкиной внешней, телесной оболочкой, предоставь она ему такую возможность. Но при этом он чувствовал, что чем больше он узнавал о реальной Леночке, тем больше её внутреннее содержание вызывало у него злость, обиду и отвращение.

Вот и в этот раз по мере приближения к месту их встречи, всё более навязчивой становилась в его мозгу мысль о том, зачем она на самом деле встретилась с ним в тот день. Что всё, что ей реально нужно было от него – это купить ей шмотки. Чтобы красоваться перед другими, в отличие от Джонни, полноценными мужиками. С которыми она потом будет...

Под влиянием этих мыслей к моменту их встречи настрой у Джонни был весьма негативным. Он принялся ворчать, что не настолько богат, чтобы покупать ей вещи, которые она наденет два раза и выкинет. В ответ на это Леночка сказала сердито: повторяй за мной: «жлобство и жмотство это плохо! Я куплю Леночке то, что ей нужно». Джонни даже попытался машинально это повторить. Однако тут же осёкся, заметив, как губы его непроизвольно складывались для совсем другой фразы: да пошла ты на ХХХ!

Настрой Джонни был в те минуты настолько злым, что его не могла не заметить даже Леночка, слепая от природы к эмоциональным состояниям других людей. И решила сменить тактику: ну ладно, почему ты такой злой? Не сердись! Ты же знаешь, что я тебя люблю. Последнее утверждение показалось Джонни настолько абсурдным в своей неуместной лживости, что он сначала просто растерялся, а затем хотел переспросить: что ты сказала?! Но промолчал. Потому что из опыта слишком хорошо знал, каков будет ответ: уши надо мыть или купить слуховой аппарат! А я повторять не собираюсь! Джонни потребовалось продолжительное время, чтобы понять, что даже его недостаток слуха был эффективным инструментом психической атаки в руках Леночки. И проявлялся такой недостаток, кстати, почему-то именно с ней. Очевидно, ей было выгодно, чтобы он чувствовал себя ущербным.

Так или иначе, это Леночкино заявление о любви показалось ему настолько глумливо-лживым, что сильно разозлило его. Ему почему-то сразу захотелось и ей сделать что-то неприятное, как-то обломать её. Хотя бы, как минимум, не покупать ей шмотки. Однако, в отличие от Леночки, которая, с её склонностью к инструментальной агрессии, могла легко наехать на человека с низкого старта, ему нужно было сначала разозлиться на неё. Нужен был повод. И он нашёлся. Джонни сообразил, как можно легко спровоцировать конфликт с Леночкой. Он обратил внимание, что мужья заходят в примерочные кабинки о своими жёнами, а парни со своими девушками. И прекрасно понимал, что Леночка ни за что не станет раздеваться в его присутствии. Ему просто было обидно, что она где-то будет раздеваться, снимать купленные им сейчас шмотки, перед другим мужиком, ещё, небось, и женатым. И не просто раздеваться, а с тем, чтобы совершить вполне определённый процесс. А его, Джонни, которому этот процесс совершить совершенно не с кем, она просто использует как лоха последнего. Да ещё и глумится над ним, как хочет. Нет, пришла пора поставить эту сучку на место! Когда Леночка не позволила ему войти за ней следом, он пожелал ей удачного шоппинга. После чего демонстративно изобразил, что сейчас направится к выходу из магазина. Естественно, такое поведение его не могло не взбесить Леночку. Она стала шипеть, что Джонни ведёт себя, словно в кино «такая, знаешь, девочка – целочка», которая всё время обижается. И принялась гримасничать, передразнивая его.

Однако настрой Джонни в те минуты был настолько негативным, что даже Леночка это заметила и вынуждена была пойти на попятную. На удивление Джонни, она согласилась с ним, что не стоит покупать ей юбку, не вызывающую у неё восторга, просто так, «чтоб была». И что пусть она лучше в другой раз себе купит что-нибудь такое, что ей действительно понравится. На этом они довольно холодно расстались. А Джонни всю дорогу домой думал о том, что же вдруг заставило Леночку проявить такую склонность к компромиссу. Очевидно, у него не было совершенно никакой возможности узнать правду в этом вопросе. Поэтому он склонился к интерпретации, представлявшей ему наиболее вероятной. Она состояла в том, что Леночка не хотела сейчас портить ему настроение, дабы получить от него более ценный подарок на Новый год. Кроме того, она рассчитывала, несомненно, заняться шоппингом в первые дни Нового года. На средства Джонни, разумеется.

Джонни оказался прав в своих предсказаниях. Ещё как прав! Через пару дней ему позвонила Леночка и принялась мечтательно описывать, как в дни новогодних каникул они будут ходить по магазинам и покупать ей шмотки. Джонни ничего ей на это не ответил, однако настроение его заметно испортилось. А под Новый год оно стало ещё хуже. Джонни знал, что в Новый год его даже никто не поздравит. Кроме его мамы, у которой были плохи дела со здоровьем, и которой жить оставалось совсем недолго. А он ей ничем даже не мог помочь толком, потому что она его не слушала, а слушала людей, которые её постоянно обманывали, выманивая у неё последние деньги в обмен на ложную надежду на выздоровление, реабилитацию и т.д.

А ещё его поздравит Леночка, у которой были совершенно очевидные мотивы. Она принесёт ему копеечный подарок, который Джонни потом поместит у себя дома на видном месте в спальне, чтобы он напоминал ему о Леночке. Расчувствовавшийся же Джонни подарит ей что-нибудь ценное, а потом, чтобы Леночке не было скучно в дни новогодних каникул, будет ходить с ней по магазинам, покупая ей на свои деньги всё новые и новые тряпки. В те же дни, когда Леночка не будет заниматься шоппингом, она будет

доставать из шкафа и выбрасывать на помойку всего 4-5 раз ношенные тряпки. Потому что знает, тварь, что всегда найдётся наивный влюблённый юноша, не совсем юноша, или далеко уже не юноша, который купит ещё. И с ним ей даже спать не надо – он просто будет стремиться сделать ей что-то приятное. То ли на что-то надеюсь сдуру, то ли просто так. А потом к ней приедет её любовник, и она будет с ним обниматься. И как-нибудь, в ответ на немой... или не совсем немой... вопрос любовника, откуда у неё каждый раз обновки, скажет что-то вроде: да есть тут один лох... Он ко мне равнодушен, поэтому старается мне угодить. Но ты можешь не беспокоиться. У меня с ним ничего нет, не было и не будет! Он мне противен! Я вижусь с ним только затем, чтобы он купил мне шмотки! Ты же не хочешь сам мне всё это покупать вместо него? И с этим словами она прильнёт к нему...

Слишком живо и болезненно представив себе эту картину, Джонни подумал: обломись, сука! И с этой мыслью выключил телефон. 31 декабря днём, очевидно, позвонив и удостоверившись, что его телефон был выключен, Леночка написала ему по электронной почте: Мусь, ты там выходи из подполья! :) Я тебе подарок купила! :) Предлагаю завтра или 2 встретиться, я хочу тебя поздравить))))

Разумеется, Джонни прекрасно понимал реальную причину такой её фальшивой приветливости. И зачем на самом деле она хочет его поздравить. Ей нужен от него ценный подарок. Несравнимо более ценный, нежели та чисто символическая дребедень, что она подарит ему.

Немного остыв после своих эмоциональных фантазий относительно Леночкиной встречи с её хахалем, Джонни подумал о том, что любовнику-то она, вероятно, не станет хвалиться тем, как она разводит Джонни. Она вообще, пожалуй, не станет его упоминать. В крайнем случае, сойдёт, как и маме своей, что на работе дали премию. Нет-нет, не за отсос у начальника. За работу. Она же хорошая девочка, правда?

В самом деле, рассказывать любовнику про развод Джонни было не в её интересах. Ибо это представило бы её в его глазах ещё большей сукой и стервой. Да, суку и стерву трахать, конечно, круто. Это повышает статус в мужском сообществе. Особенно если у тебя при этом где-то в фоновом режиме ещё есть жена или вообще постоянная женщина. Но состариться рядом с сукой или стервой... Растить с ней детей... Наверное, даже Леночка могла видеть эту оборотную сторону, а потому не стремилась развивать такую репутацию для себя в глазах любовника, удовлетворявшего её в разных смыслах, и с которым поэтому она предполагала продолжать встречаться. Видимо, в данном случае Джонни, как и подобает уважающему себя невротнику, несколько преувеличил негатив.

По мере приближения боя курантов настроение Джонни, одиноко сидевшего за своим компом, становилось всё более подавленным. Он почему-то вспомнил, какую радость приносил ему этот праздник в детстве. Как он наряжал ёлочку, бережно вешая на неё блестящие игрушки. А теперь у него и ёлки-то не было. И ему было так противно! А ещё, как назло, почему-то всё время вспоминалась Леночка и обретенное им в уходящем году понимание того, как она на самом деле к нему относилась и как с ним поступала. Одолеваемый такими мыслями, Джонни не в силах был более сдерживать своё мстительное стремление сказать Леночке что-нибудь «приятное». А потому, в 0 часов 7 минут 1 января 2012 года, когда нормальные обыватели поднимали бокалы с шампанским за счастье и любовь в наступающем году, Джонни написал Леночке по электронной почте:

Если тебе нужен лох, который будет покупать тебе шубы и машины, чтобы быть удостоенным чести на тебя посмотреть, поищи на сайте знакомств или на одноклассниках. Заодно можешь использовать свой подарок в качестве приманки. А я потрачу свои средства на женщину, которая оценит меня как человека и с которой у меня будут полноценные отношения. Удачи.

Вечером 1 января он получил её ответ:

«Мусенька, сколько агрессии в мой адрес, чем же я тебя так снова обидела? Тем, что захотела тебя поздравить с Новым годом? Извини, я не знала, что за это можно так обижаться. Мне не нужен лох и я хочу с тобой общаться. Но если ты не хочешь, как бы мне ни было неприятно, я не буду настаивать. Знаешь, я конечно понимаю и признаю, что иногда то, что ты мне писал раньше... В твоих словах была доля истины. Но не теперь. Да и давай откровенно, ты же мне ничего не покупал? Какие шубы, какие машины? Не смехи меня. Ты не тот человек, который может себе это позволить. А если и позволит, то ой, как не повезет тому человеку, для кого ты это сделаешь. И это буду точно не я :) Мне также искренне жаль, что ты не можешь различать, понимать и принимать шутки. И неужели ты думаешь, что если мне это все это тебя было бы нужно, то я вела себя так, как это делаю,- ты ошибаешься.

Знаешь, я так тебе доверяю, все рассказываю, как дура названиваю уже 2 дня, а ты меня поливаешь грязью. Очень странно, неужели вам, мужчинам, доставляет удовольствие так унижать женщин. Чем же мы вас так обидели, что вы себя ведете таким образом?

Что же, муся, как ты уже понял, я думаю, я очень хочу с тобой общаться. Но только, если это будет нормальное общение. Вот эту грязь и все свое хамство, злость и обиду, оставь для той, кому ты купишь шубу и машину и т.д.

Предлагаю сходить в кино. Но ни на чем не настаиваю.

Еще раз с наступившим... а знаешь, я тебе сегодня смску отправила, хотела попросить немного места у тебя, там в твоём углу...

Ну да ладно, тебе это не важно, тебя не интересуют чувства и эмоции других людей. Только ты сам. Прости. »

Джонни не мог этого себе объяснить, но он был сильно тронут этими декларациями эмоций и чувств со стороны эмоционального робота Леночки. В чём ей нельзя было отказать, так это в умении манипулировать сознанием других людей. Вот только её заявление «ты же мне ничего не покупал» его бесило. И в самом деле, почему он был таким наивным дураком? Зачем он ей покупал все эти тряпки? Отдавал свои последние деньги, когда она врала ему, что ей не платят зарплату. Пусть лучше бы неблагодарная сука «честно» лизала у начальника за эти деньги!

Разозлённый при этой мысли Джонни сначала больше не хотел ей ни писать больше, ни звонить, однако потом у него возникла другая идея. Созвучная тому, что посоветовал бы в такой ситуации Боб Чалдини. Который, согласно собственному признанию, свою жизнь был лохом. А теперь наставлял других, как не быть столь наивными. Мол, если к тебе в аэропорту подошла Харя Кришны и подарила цветочек, то не нужно сразу переполняться благодарными чувствами и отваливать кучу денег на развитие секты. Нужно понимать манипулятивность сделанного тебе подарка и то, что он на самом деле ни к чему тебя не обязывает. А потому можно брать или не брать подарок у кришнаита, но вот давать ему в знак благодарности ничего не надо!

Признайся мне в любви или заболеешь

На следующий день встретились. Когда Леночка спросила, где её новогодний подарок, Джонни ответил, что подарка нету, т.к. он вообще больше не собирался с ней видеться. Пошли в кино на продолжение Леночкиного любимого фильма про разговоры мужчин.

Как только уселись в ресторане после окончания фильма и заказали себе еду, Джонни испытал на себе всю «прелесть» психической атаки эмоционального робота. Леночка словно специально говорила тихо. И Джонни был вынужден то и дело переспрашивать: что ты сказала? И слышать в ответ презрительное: я говорю, что уши надо мыть. Потом из одной из реплик Леночки следовало, что 4/5 своей жизни он уже прожил, так что оставалась ему лишь 1/5. Хотя Джонни был уверен, что ему с его здоровьем на самом деле оставалось ещё меньше, слышать такое от Леночки было крайне неприятно. Однако в следующей своей психической атаке она, можно сказать, даже сделала комплимент его возрасту. Это произошло, когда в ответ на упоминание ему реплики, о которой он явно слышал в первый раз, Джонни заявил Леночке, что не помнит, чтобы она ему об этом говорила. Он действительно не только не помнил, но и был уверен в том, что никакого разговора на эту тему на самом деле не было. Тогда Леночка встала и сказала ему: я сейчас отойду в туалет, а ты пока вспоминай, что я тебе тогда сказала. Потому что повторять я не собираюсь. Ты ещё не в том возрасте для такого маразма, чтобы этого не помнить!

Потом Леночка немного оттаяла и принялась извлекать из своей сумочки подарка для Джонни. Сначала она достала очаровательного зелёного дракончика. Такого же очаровательного, как она сама, - подумал Джонни. Затем она достала блокнотик, на обложке которого был изображён котёнок. Он был выполнен в виде рельефа с искусственным мехом, так что его можно было даже погладить. Джонни при этом сразу вспомнил о том, что Леночка любила кошек. Насколько она вообще могла любить что-то живое, то есть. Она иногда даже себя идентифицировала с кошкой. Что представлялось Джонни вполне логичным, т.к. кошка хотя и мелкое, но всё же хищное животное. И, что важнее всего, потом, до конца своих дней, глядя этого котёночка, Джонни не мог не восхищаться, как тонко эта эмоционально слепая девушка могла манипулировать его чувствами.

Теперь растроганному и смущённому Джонни уже было ужасно неловко и даже стыдно, что он ничего не подарил Леночке на Новый год. Ему захотелось хотя бы сказать ей что-то очень хорошее, доброе. И он принялся неуверенно бормотать о том, что то, что он последнее время так себя ведёт и даже старается избегать общения с Леночкой, вовсе не означает, что он к ней плохо относится. На самом деле она, возможно, даже не представляет, что он к ней чувствует. Потому что он старается скрыть это от неё.

На это Леночка ответила ему: не надо скрывать свои чувства. Дальнейшие её рассуждения Джонни нашёл весьма изящными с точки зрения манипулятивной хитрости. Леночка начала свой рассказ словами: мне тут подруга всё время ноет, жалуется... И Джонни сразу вспомнил, как год с небольшим назад Леночка рассказала ему про Верку. Это было ещё в те времена, когда Леночка, сидя на работе, писала каждый день ему в аську про своего любовника. Однажды Джонни по какому-то поводу сказал ей: у твоей подруги-то, наверное, на личном фронте ситуация спокойнее. Леночка, однако же, это отрицала, заявив, что Верке тоже «пока к тебе на консультацию записываться». Согласно Леночкиному рассказу, у Верки был постоянный мальчик, который в ней просто души не чаял, а потому окружил её всесторонней заботой. Джонни тогда ещё подумал о том, что для Леночки, привычной к паразитическому образу жизни, такого рода забота была главным мерилом любви. Однако, несмотря на всю эту заботу, Верке словно всё равно чего-то не хватало. В общем, так или иначе, был в жизни Верки ещё один мужчина, с которым было «всё сложно». Джонни уже тогда понял, что к тому мужчине Верку тянуло значительно сильнее, нежели к заботливому мальчику. Однако, будучи серьёзной и практичной девушкой, Верка, скорее всего, понимала, что это не тот человек, с которым можно связать свою судьбу, создать семью, растить детей и всё такое. Что же было о нём известно? Джонни смутно припоминал свою переписку по аське с Леночкой начала ноября 2010 года:

Мне тут подружка жалуется, и у нас вопрос: вот почему так получается? Смотри: возьмем мужчину лет 30-33, с достаточным жизненным опытом уже и (обязательно!) обязательно с не сложившимися когда-то личными отношениями... И Леночка ему рассказала тогда про Веркиного ловеласа: Женщина его бросила, это важно! Не он её, а она его! Так вот, почему, блин, это женщинам так нравится? Ведь если с мужиком так общаться, то он пошлет куда подальше и забудет на это дело!!!! А если с женщиной, то нас обязательно начнёт к нему тянуть, к эдакой загадке вселенной, нам нужно будет узнать, что, да как... Посмотри, милый, не все бабы такие дряни... А он в ответ ещё пуще... Ещё хуже с тобой общается. Так почему же так? Почему женщины не могут интересоваться нормальные мужчины? Почему чем хуже и запутаннее у них (т.е. у мужчин) всё в жизни, тем они больше нас привлекают??? И почему у мужчин все наоборот?

Конечно же, тогда Джонни ещё ничего не знал про Леночкину психопатию. И всё, что он мог понять из её рассказа, - это что она зачем-то проецирует Веркины страстные порывы на себя. Но уже тогда Джонни прекрасно понимал, что саму Леночку как раз интересовали вовсе не отражение загадок Вселенной в конкретном человеке, а всего лишь квартира в центре Москвы и забота. Но сказать про это открытым текстом он ей, разумеется, не мог. А потому ограничился тем, что в достаточно мягкой форме выразил несогласие, отметив, что нормальных женщин интересуют в первую очередь нормальные мужчины.

Однако Леночка не соглашалась: Ни фига, блин! Очень многих тянет на ненормальных! Вот мужик никогда с такой не свяжется. Ему нужна нормальная. Не прессующая его. И без драмы в прошлом. Чтобы не геморроиться. А нам? Почему нам нужны такие? Нас привлекают люди... как сказать... С душевной травмой, что ли. Вот встречаешь нормального мужика, а он тебе и говорит, что всё очень круто, вот я очень крутой такой, но вот женщины меня бросают. Ну или хотя бы два раза бросили. Не он, как обычно, а его. И вот тут уж начинается. Нам же надо узнать, что с ним не так. Почему бабы-то бросают? Почему это привлекает женщин?

Потом Леночка принялась говорить о том, что мужчин привлекают женщины не то чтобы ненормальные, но стервы. По поводу ненормальных женщин Джонни заявил, что мужчинам они нужны скорее для игр, нежели для жизни. Мол, мужчине интересно поиграть с ненормальной, как кошка с мышкой. Ты же знаешь, в офисной и рутинной семейной жизни так мало развлечений! Однако жить с такой, словно на американских горках, он не хочет. Для формирования прочного союза необходима со стороны партнёра достаточная предсказуемость.

- А если женщина играет с мужчиной? Где же тут предсказуемость? Наоборот, мужики от таких прутся, которые с ними играют. Которые держат их в напряжении.

- Мужики не прутся. Они просто сначала летят, словно мотыльки на огонь. А потом слишком поздно. Если он уже связался с такой, которая сама развела его на игру, то он уже вляпался. Матрица поймела тебя, Нео.

- И тогда если нас, женщин, цепляет то, что вот они такие бедные и несчастные, их нужно спасти, пожалеть и узнать, что же мужчин тогда привлекает, а? Уж точно не обычность и не хорошая девушка! Хороших много и они доступны. Они будут ждать, стирать носки, варить борщи, а ты попробуй стерву подцепить на крючок! Она же словно трофей, за который всю жизнь нужно бороться!

- Настоящий мужчина надрессирован на то, чтобы постоянно чего-то добиваться. Стерва – это вызов. Если он не примет брошенный ему вызов – значит, он не мужик!

- Почему так сложно? Почему можно сказать, какие придурки нам в основном нравятся, загадки природы, блин, и почему нельзя сказать, какие нравятся вам, так чтобы уж...

В этом воспоминании о том разговоре Джонни волновала уже даже не позиция Леночки. Ещё тогда, в конце 2010 года, он уже понимал, что Леночке нужно от мужчин. Они совершенно не интересовали её как люди, как индивидуальности. Разве что она видела, что одни просто успешнее других. И хотела найти универсальное средство, которое помогло бы ей заполучить одного или даже нескольких успешных и привлекательных себе в качестве комбинации банкомата и вибратора. Менее же успешные были нужны ей на роль безнадежно влюблённых в неё лохов, которых бы она обирала по мере накопления у них материальных средств.

Но теперь его заинтересовала ситуация Верки. Джонни знал, что прошлым летом Верка вышла замуж за того самого заботливого мальчика. Он сразу вспомнил, как покупали Леночке платье. Свою обиду, что Леночка его не позвала с собой. Как Леночка много говорила о том, что не хочет, чтобы Верка выходила замуж. Тем более за этого мальчика, который не нравился Леночке. Джонни понимал, что, выходя замуж, Верка совершала нечто такое, что было для самой Леночки проблематично. Так как Леночка, пусть нехотя и косвенно, но признавала, что длительный брачный союз был для неё практически нереален. Кроме того, теперь, когда Веркины деньги стали частью семейного бюджета, Леночке, очевидно, должно было стать труднее «одалживать» у Верки осязаемые суммы. Верке наверняка приходилось согласовывать каждый такой шаг с мужем, у которого могли быть серьёзные возражения против того, чтобы продолжать подкармливать социального паразита.

Не мог не вспомнить Джонни и о том, с каким презрением Леночка незадолго до Веркиной свадьбы вешала ему о том, что церемония обошлась жениху в миллион двести тысяч рублей. А Джонни, мол, в десять раз меньше на поездку в Италию найти не мог. Обиженный Джонни (для которого эта сумма была что-то вроде суммарного дохода за два года) тогда злорадно думал о том, что такие расходы ещё никоим образом не гарантируют будущему Веркиному мужу семейного счастья. И почему-то подумал при этом про

того самого мужчину «мужчину лет 30-33, с достаточным жизненным опытом уже и с не сложившимися когда-то личными отношениями...» Однако Джонни не догадывался, насколько такие его мысли окажутся пророческими. Леночка рассказывала ему, как Верка созналась ей, что уже после замужества не раз вспоминала того мужчину: где он? Как он там? А потом неожиданно написал Верке в одной из социальных сетей. Предложил встретиться. Такое предложение всколыхнуло у замужней Верки сильные, совершенно неуместные эмоции и желания. Она запаниковала и принялась скрываться, внося этого мужчину во всевозможные чёрные списки. Однако этот хищник романтического фронта был явно не промах, находя всё новые и новые способы напомнить Верке о себе. Верка же была явно к нему не равнодушна, так как иначе чувствовала бы и вела себя значительно спокойнее. А злорадная Леночка, словно стремясь торпедировать семейную жизнь подруги, подзуживала её отдаться своему влечению... и тому мужчине. И пугала Верку психосоматическими заболеваниями в случае, если та будет сдерживаться. Wow! Какие слова мы знаем!-цинично думал Джонни.

Но Джонни знал также, что слова эти были сказаны Леночкой не просто так. Очевидно, решив сказать ему это не прямо, а косвенно, она фактически пыталась донести до него: признайся мне в любви, или заболеешь! А если бы он действительно признался ей в любви, ему пришлось бы отвечать за свои слова. Что в её понимании означает заботу о любимом человеке. Иными словами, снова позволять ей всячески на себе паразитировать. Джонни осознал всё это, и... ничего не сказал.

Лишь примерно через неделю он написал Леночке письмо по электронной почте. Эти дни прошли у Джонни в тяжёлых раздумьях. Его воспалённая фантазия то и дело рисовала ему неприятные картинки. Джонни представлял себе, как в ответ на вопрос своего любовника или его друзей, откуда у неё всё время обновки при такой мизерной зарплате, Леночка гордо отвечала: надо уметь лохов разводить. Мол, посмотрите, какая я сучка! А сейчас ведь это так модно, быть сучкой. И они все ржут над тем, какие же где-то есть наивные лохи, что даже такая дура как Леночка может их развести.

И Джонни очень захотелось сказать Леночке что-нибудь очень «приятное». Настолько приятное, чтобы сразу обломать её гордость, её торжество. Причём что-нибудь такое, с чем бы она сама внутренне согласилась – именно такие вещи обычно доставляют людям много «приятных минут». Например, о том, что для нормального мужика она даже не человек, а просто дырка от человека. Потому что женщина без сердца – это даже не женщина в высоком смысле этого слова. Джонни почему-то при этом сразу вспомнилась последняя его встреча с Леночкой в ушедшем 2011 году. Тогда она сама спросила у него, почему он не интересуется, как у неё дела на работе. А Джонни неуверенно ответил, что сама, мол, расскажешь, если сочтёшь нужным. И Леночка рассказала, что дела у неё на работе плохо. Потому что, по её словам, она для них просто дырка. Дескать, мужиков она бесит тем, что никому не даёт. А женщин – тем, что они на фоне её просто страшные. Джонни, конечно же, сразу понял: Леночкино заявление про «не даёт» – полное враньё. Его, естественно, там никто свечку подержать не приглашал, однако он прекрасно понимал, что если бы там не было интима, то какая ещё от Леночки могла быть польза в рабочем процессе? Чтобы продемонстрировать, как коллеги - мужчины хотят заняться с ней сексом, она показала ему какую-то смс от своего директора. В которой, по её словам, он приглашал её прийти в его кабинет с этой самой целью. Ни про какой секс в сообщении, естественно, ничего не говорилось, зато было много мата. Джонни оставалось только догадываться, что же такого натворила эта милая с виду девушка, чтобы привести этого довольно образованного человека (судя по структуре его речи, если не считать мата) в такое бешенство.

Тем временем Леночка продолжала свой рассказ, говоря о том, что и женщины настроены по отношению к ней весьма негативно. Её объяснение этому факту было простым и прямолинейным: «они просто там все страшные и завидуют мне, что мужчины обращают внимание на меня, а не на них». Естественно, Джонни мог понять гнев этих женщин, которые вынуждены делать фактическую, неприятную, рутинную работу в организации за себя и за ту шлюшку, работающую, по большому счёту, в основном одним местом. Но Леночке он тогда, естественно, ничего не сказал,- просто сделал для себя определённые выводы.

В письме же, стараясь быть как можно более сдержанным в выражениях, дабы не выдать свою «обиду и злость», он решил откровенно написать Леночке о том, что её ждёт. Для придания большей убедительности своим словам, он начал письмо с того, что ей стоит прислушаться к его словам, т.к. он единственный человек в её жизни, которому удалось разобраться, что на самом деле с ней не так, и после него другого шанса у неё не будет. После чего написал о том, как ему становится не по себе от мысли о том, что будет с ней дальше, если она не будет вести себя разумнее. Леночка ответила кратко: а зачем ты мне это написал? Джонни в ответ поинтересовался, как она представляет своё дальнейшее общение с людьми, если даже у него, для которого она так много значила, пропала мотивация?

- Мотивация, пардон, чего? Меня не избегать? Да зачем она тебе нужна? Избегай. Спрячься в угол. Там удобнее. Без обид. Но ты меня очень поразил своим поведением на новый год. Реально.

Джонни попытался пояснить, что его избегание возникло не просто так. Если при всех его изначально исключительно добрых и светлых чувствах к ней в итоге всё пришло к этому...

-Ты меня совсем не понял. В том твоём письме ты не говорил о своих чувствах, а лишь говорил о том, что ты подумал, что меня ждет и т.д. А хочешь избежать – избегай, это дело только твое личное. Я ни на чем не настаиваю, как ты уже понял.

Такой ответ разозлил Джонни. Ему захотелось дать ей почувствовать, что он не просто так подумал, и это всё действительно её ждёт. И он написал её письмо, в котором уже не скрывал своего видения её будущего:

Леночка, мне очень жаль, если моё поведение в Новый год доставило тебе лёгкий дискомфорт. Конечно, это меня не оправдывает, но ты прими во внимание, что не только ты ненормальная, но и я. Причём не меньше, чем ты. И что же теперь делать? Что у меня действительно вызывает очень сильные сожаления, так это что у нас не получилось держаться вместе по жизни, хотя объективно это было в наших общих интересах.

Да, у меня, в отличие от тебя, есть определённые чувства. Но я также теперь знаю о тебе, о твоей личности то, чего, я уверен, о тебе больше никто не знает, включая тебя саму. Я в курсе, через какие этапы проходит твоё общение с людьми. И я прекрасно понимаю, в какой фазе нахожусь я, что никаких перспектив нет, и обратного пути не будет. Конечно, тебе проще всего сказать, что всё это мой бред, что я это всё придумал... Что ж, я могу промолчать и не возражать тебе. Только тогда, очень вероятно, тебе в итоге это всё скажет сама твоя жизнь посредством людей, которые пройдут через те же этапы. Но они, скорее всего, никогда не узнают того, что в итоге удалось узнать мне. И потому они тебе этого тем более не простят и будут с тобой столь же безжалостны, как и ты с ними. Это будет для тебя куда больнее, чем любые мои рассуждения.

Я откровенно признаю, что узнал о тебе далеко не всё из того, что хотел бы узнать. И что мне никто не интересен так, как ты. Но я также отдаю себе отчёт в том, что попытки наладить близкий и доверительный человеческий контакт с тобой зашли в непролазный тупик, а также что я в любом случае больше никогда не услышал бы от тебя ничего выходящего за рамки банальных бытовых сюжетов.

Поэтому, наверное, иногда лучше уйти в себя и там замкнуться, чем выполнять для дорогого тебе человека роль овцы, которую обстригли и поставили перед выбором: либо вали совсем, либо отрастай и жди с нетерпением, когда тебя будут стричь снова. А для чего ещё овца нужна, правильно?

Ладно, извини, если побеспокоил тебя очередным письмом. (Надо постараться больше этого не делать?) Хорошего настроения тебе и всех благ.

Ответ Леночки был таков:

Мусенька, ты меня не побеспокоил письмом. Можешь писать и дальше, я тебе буду отвечать. Мы можем с тобой общаться, встречаться, а уж на каком это уровне будет происходить, зависит только от тебя. Да и в чём-то ты прав. На счет меня. Но знаешь, вот эти все твои мысли и размышления, это твое личное дело. А я, я верю, что в мире все-таки ещё есть добро, дружба и любовь. И пусть меня обижают, как там по твоим прогнозам. Как говорится, мы будем убивать их своей добротой. А на счет НГ, ну проехали, давай? А? Это твое дело. Мое мнение – что это неправильно, но это только мое мнение. Правильно же? :) Насчет овцы... Мне жаль, что у тебя такое отношение, но опять-таки... Знаешь, был такой период, когда я перед тобой была готова отстаивать свою точку зрения. Но не теперь. Я просто научилась принимать твою позицию. И если ты пишешь так, то как тебе удобнее. Я спорить с тобой не буду. Ты такой человек, который все равно останется при своем мнении. Так зачем же? И общаться мы можем хорошо. Но опять-таки, если тебе удобнее прятаться - то дело твое.

Текст этого Леночкиного письма, как и многих других её посланий, Джонни запомнил чуть ли не на всю оставшуюся жизнь. И месяцы спустя, мысленно возвращаясь к нему, он не мог не отмечать для себя в нём характерную особенность психопатической речи: Леночка умудрялась противоречить самой себе на небольшом отрезке своего повествования. Мол, в чём-то ты прав, но я с тобой не согласна. Однако в первые минуты после прочтения письма Леночки Джонни было не до семантического анализа. Он мучительно размышлял о ситуации, в которой оказался. Зажравшаяся сучка, получив подарки и внимание от, как минимум, двух любовников, предлагала ему на выбор: хочешь – буду и дальше тебя использовать. А не хочешь – забейся в свой угол и сиди там безвылазно. Боль обиды стояла у него в горле удушливым комком, таким, что ни проглотить, ни выплюнуть. Растворить этот комок могла лишь успешная месть. Да-да, Джонни был очень мстительным невротиком. Он практически никогда не забывал серьёзные обиды. А поскольку у него, как правило, не было ни сил, ни ресурсов отомстить обидчику, и реализации его обширных планов мести в реальной жизни мешал страх, он то и дело проигрывал сцены актов возмездия в своей воспалённой фантазии. В мире своих грёз он мог почувствовать себя супергероем, спасающим человечество. Такие фантазии помогали ему сохранять остатки рассудка среди этого жестокого мира. Впрочем, они же время от времени толкали его и на попытки бегства из этого мира. Джонни ощущал это в течение нескольких лет, когда безуспешно боролся с зависимостью от компьютерных игр. Пока, наконец, не осознал, что бороться с этим так же глупо, как, скажем, с эротическими снами или онанизмом: зачем пытаться лишить себя того, что приносит столько удовольствия?! Это просто глупо!

Однако в этот раз Джонни почему-то болезненно ощущал, что фантазии фантазиями, а в реальной жизни эта сучка обвела его вокруг пальца, развела и использовала, как лоха последнего. А потому наказание она понесёт в реальной жизни. По полной программе. Чтобы ей нечем было гордиться. И чтобы другим сучкам неповадно было брать с неё пример. Злобно сжимая кулачки, он представлял себе, как несколько ударов с ноги по смазливой роже раз и навсегда приведут её в нетоварный вид. Бей бабу по е...! Однако, многократно и сладострастно представив себе такой акт мести, он вскоре ужаснулся собственной злобе, и до чего она могла его довести. И дело было даже не в том, смог ли бы он фактически реализовать такой план

мести. Не в тех неприятных последствиях, которые акт возмездия мог иметь для него со стороны «внутренних органов», судебно-правовой системы и т.д. Сама мысль о таком насилии над душевнобольной женщиной, каким бы морально омерзительным ни было её расстройство, ужасала его. Нет, нужно взять себя в руки и больше не выпускать,- подумал он.

Какое-то время Джонни сидел, глядя беспомощным взглядом на прощальное Леночкино письмо, и то наливался бессильной злобой, то пытался кое-как себя успокоить. И вдруг неожиданно его осенила гениальная идея. Впрочем, сходные мысли посещала его и раньше. Однако тогда ему хватило ума поделиться ею с товарищем, а тот лишь презрительно хмыкнул. И весь энтузиазм Джонни растворился в воздухе.

Теперь же он снова возвращался к этой идее, и она ему очень нравилась. А идея состояла в том, что он на самом деле был не лохом, которого развели и использовали, а учёным, исследователем, изучавшим субъекта с патологией личности.

Ещё в старших классах средней школы у Джонни возникла идея стать учёным. Он мечтал о том, как он сделает значительные открытия, которые изменят жизнь человечества. У него всегда были грандиозные замыслы. Однако в данном случае этим замыслам было суждено разбиться вдребезги, когда Джонни с нескольких попыток так в итоге и не поступил ни в один институт. Он помнил, как ему тогда было стыдно показываться на глаза своим бывшим одноклассникам, которые при встрече первым делом спрашивали: ну как, куда ты поступил? Это ещё больше усугубляло тогда его социальную изоляцию.

Теперь же, на старости лет, ему предстояло воскресить и претворить в жизнь нереализованные мечты юношества. И в этом ему поможет его лучший незаменимый друг – Интернет. А Леночка, раз не хотела к нему относиться по-хорошему, будет задним числом его любимой лабораторной мышкой. Или крыской. Он опубликует Леночкину историю болезни. Точнее, историю своего наблюдения за её расстройством личности. Разве что изменит имена, дабы всё это не выглядело как личная месть или что-то в этом роде. А чтобы Леночка не скучала, компанию ей в его исследовании составят Валенков и Туповский. Их истории болезни также будут опубликованы. Пусть поклонники творчества Валенкова порадуются, какие у их кумира есть ещё таланты! Чтобы Валенков и Туповский не считали, гады, что нашли лоха, которого могут безнаказанно на деньги разводить – пусть тоже поработают на благо науки! А то какая от них, паразитов по жизни, ещё польза?!

Джонни понимал, как важна обратная связь с читателями, а потому начал творческий процесс с того, что разместил несколько первых абзацев истории на своей страничке на сайте знакомств Кобра. Дабы те редкие девушки, что посещали его страничку, могли ознакомиться. Ему особенно хотелось, чтобы его творчество понравилось одной девушке по имени Ксения. Она была для него словно луч света в тёмном царстве. Ксения очень положительно, едва ли не восхищённо, отозвалась о мыслях об устройстве общества, которые Джонни выложил на своей страничке. Используя имя её странички, Джонни удалось нарыть в интернете даже коротенький блог Ксении. В нём она писала, что никак не может найти свою любовь, потому что люди вокруг такие злые и жестокие, видят друг в друге лишь инструменты удовлетворения своих эгоистических потребностей. И Джонни безумно захотелось сделать что-то приятное, хорошее и доброе для этой девушки. Чтобы она смогла поверить, что есть ещё в этом мире бескорыстное добро.

Ксения написала ему, что ей понравилось начало его истории, выложенное на сайте, и что она с нетерпением ждёт продолжения. Тогда Джонни понял, какую чудовищную и жестокую ошибку он совершил. Он вдруг осознал, что не хочет, точнее, просто не может рассказывать ей о Леночке. Ксения писала ему, что не может понять его решения, однако он был непреклонен. С тяжёлым чувством на сердце он вынужден был навсегда прекратить общение с Ксенией, и даже какое-то время не появлялся на этом сайте знакомств. Ещё несколько девушек выражали ему сильное сожаление о том, что не увидят продолжения, каким бы оно ни было. Джонни с благодарностью принял их отзывы, однако тяжелее всего он всё же переживал ситуацию с Ксенией. Он просто не мог позволить себе окунуть эту чистую, добрую, романтическую девушку во всю ту грязь, всё то насквозь лживое, манипулятивное дерьмо, которое составляло образ жизни Леночки и ей подобных. Джонни чувствовал, как ему хотелось подарить Ксении хорошую, добрую сказку. Но он также знал, что в данной ситуации не мог этого сделать. А потому принял нелёгкое решение уйти.

Теперь, когда в его жизни не было ни Леночки, ни даже казавшегося таким бесполезным сайта знакомств, его охватила беспросветная мгла отчаянного одиночества. Казалось бы, самое время было сосредоточиться на письменном изложении своих приключений с Леночкой. Но на душе у него было так погано, что не было никакого вдохновения. Душевное состояние Джонни в те дни наглядно демонстрирует следующая история. Однажды он был в гостях у Даши. Ему очень хотелось рассказать ей свою историю с Леночкой, просто выговориться. И в то же время было некомфортно грузить человека своими проблемами, а потому Джонни никак не мог решиться начать свой рассказ. Наконец, после какого уже по счёту уверения Даши, что ей тоже интересно, «ну давай уже, не томи», Джонни принялся рассказывать. Его рассказ длился несколько часов. После чего Даша, очевидно, находясь под впечатлением от рассказа, заверила его, что теперь он ещё пару лет не будет находить себе места, всё время думая о Леночке. На это Джонни бодро ответил, что нет, история закончена, надо двигаться дальше. Но при этом чувствовал, что не может думать больше ни о чём и ни о ком. Даже о Даше, принимавшей его в тот вечер у себя. Только о Леночке.

Когда Джонни возвращался домой, время уже было очень позднее. Поэтому Даша подвезла его на своей машине до метро. Как только сели в её автомобиль, Даша попросила: поддержи сумку. Потом Джонни

ехал на метро. И только уже подъезжая к своей станции, Джонни заметил, наконец, что его словно преследует звонок чужого телефона. И с ужасом понял, что у него в руках Дашина сумка. Которую она просила его подержать. И что это звонит её телефон. А она возвращалась домой без прав, без паспорта и т.д. Придя домой, ополоумевший от расстройств, какие неприятности он создал человеку, Джонни написал в аську: Даша, не убивай меня!.. Хорошо хоть, не выключила комп, а то что бы я тогда делал?- думал он. После чего взял такси, и, долго извиняясь, вручил заплаканной Даше около её дома так глупо унесённую им сумку с документами.

Теперь Джонни знал твёрдо: ему нельзя без необходимости общаться ни с кем. Потому что в таком состоянии, как он находился, он причинял серьёзные неудобства даже людям, которые желали ему добра. Например, Даше. Но провести остаток своей жизни в тотальном, отчаянном одиночестве ему тоже не хотелось. Однако чтобы найти, наконец, себе компанию, надо было изменить к лучшему своё внутреннее состояние. Но как его изменить без поддержки извне? Получался замкнутый круг.

Вываться из этого круга Джонни стал пытаться при помощи людей, которые достигли определённых высот в познании тайн человеческой психики. Особое восхищение у него тогда вызывал один дед с женским именем. Одно только имя и тот факт, что дед его не меняет, заставляло Джонни относиться к нему с пиететом. Джонни не мог не думать о том, что, будь у него самого такое имя, он был бы обречён на одиночество. Джонни живо представлял себе тревогу, которую он бы испытывал, ожидая каждый раз при знакомстве с новым человеком, что после первого вопроса «как тебя зовут?» второй будет «а не пидорок ли ты часом?»

Если же говорить о содержательной стороне учения деда, глубокое уважение у Джонни вызывало стремление деда научить людей бороться с мучавшей их депрессией. Когда кругом было столько деятелей, вещавших: у тебя проблемы! Приходи, и я тебе помогу... если денег хватит. Благородный дед же бескорыстно делился своими знаниями с людьми. Джонни просто поражался неблагодарности людей, которые писали в инете отзывы, что дед говорит долго, нудно и не по теме. Одна девка даже набралась наглости написать, что благодаря деду исцелилась от бессонницы – стала засыпать сразу, как только начинала его слушать. Однако такие негативные отзывы не убавили у Джонни восхищения дедом.

Напротив, его бесили успешные типы, слишком популярные, такие, которые нравятся многим. И в этом плане он считал деда подобным себе, неординарной личностью, которую могут по-настоящему оценить лишь немногие действительно продвинутые. Джонни тоже хотел однажды стать гуру наподобие деда. И дарить свои знания о психопатах и о чём-нибудь ещё всем нуждающимся, независимо от того, есть у них деньги, или нет. Однажды, когда Джонни смотрел на седые волосы деда, у него возникла мысль о том, что деда, наверное, уже нет в живых, а знания его по-прежнему служат людям. Лишь спустя более чем полгода Джонни случайно узнал из опубликованного в интернете некролога, что дед умер осенью 2010. Т.е. на момент, когда Джонни смотрел эти видео, деда уже действительно не было в живых.

Для Джонни же с его частыми мыслями о смерти и не оставлявшей его в покое экзистенциальной тревожностью было очень важно сделать что-то такое, что даже после его смерти будет жить и приносить пользу людям. И осознание того, что, уже прожив большую часть жизни, он ничего такого не сделал, ещё больше отравляло ему настроение.

Хотя просмотр выступлений деда по интернету не избавил Джонни от подавленного настроения, он позволял ему на какое-то время отвлечься от грустных мыслей. Дед даже сказал кое-что о психопатах. Главная идея, вынесенная Джонни из его рассказа, состояла в том, что в нас от рождения, от природы заложена некоторая конституция нашего душевного мира. А потому психопат умрёт психопатом. А невротик, такой как Джонни, - невротиком. Нам стоит принимать такие особенности других людей во внимание и общаться с другими людьми исходя из этого... или целенаправленно этих людей избегать. Разумеется, и психопаты, и невротики представляют собой крайние случаи. Подавляющее же большинство людей – нормальные офисные служащие, обычные «хомячки». Которые ищут компанию себе подобных среднестатистических людей и избегают психов. Такие размышления в очередной раз привели Джонни к выводу о том, что ему нельзя, не стоит даже пытаться налаживать общение с нормальными людьми. А искать тех, которые, подобно ему, были бы ненормальны. Только вот где их взять?

Я хочу, чтобы ты у меня был

Так или иначе, вдохновлённый историями деда, Джонни был теперь исполнен решимости детально описать для прогрессивного человечества историю своего общения с Леночкой, пока история эта ещё была свежа в памяти. Однако Джонни был не из тех людей, что долго запрягают, а потом очень быстро едут. Скорее, он был из тех, что очень долго запрягают, а потом ещё дольше тупят. И пока он сначала запрягал, а потом тупил, произошло нечто непредвиденное.

Вечером 30 января Джонни получил со знакомого ему наизусть адреса электронной почты коротенькое письмо: Мусечка, привет!!! Как твои дела? И был вынужден с позором для себя отметить, что был несказанно рад её письму. Чтобы скрыть свою неуместную радость, Джонни начал с негатива: Дома как всегда разгром, мама как всегда болеет. Однако потом не удержался, чтобы признаться: А в остальном у меня невиданный творческий подъём! Ну и спросил для вежливости: Как ты сама? Что у тебя новенького?

Леночка ответила: Как-то мало информации... :) У меня по-разному. И хорошо и не очень, вот соскучилась по тебе!!! Джонни попытался оправдаться: Я просто не думал, что тебе нужно больше информации обо мне. После чего спросил: А почему у тебя не очень хорошо? Леночка: много думаешь, как всегда. :) Писать долго как-то. Джонни был в замешательстве: зачем тогда писать, раз не хочешь о себе рассказывать?- внутренне недоумевал он. И ничего не ответил. На следующий день днём Леночка написала: Скучно. Скучно. Скучно!!! Джонни подумал про себя: лучше бы ты работала! И опять ничего не ответил. Через три часа, когда Леночка уже была дома, он получил ещё одно письмо: Муся, ау!!! Джонни понимал, что надо что-то ответить, но не придумал ничего, кроме того чтобы написать: Леночка, не скучай! Но Леночка, судя по всему, не удовлетворялась таким ответом. И продолжала настаивать: Муся!!! Ну расскажи мне что-нибудь, Муся!!! И через 40 минут ещё: Муся!!!

Тогда Джонни решил приколоться: Ладно, Леночка, постараюсь тебе что-нибудь рассказать, если руки дойдут. Просто сейчас я собираюсь менять... То есть фактически уже меняю ориентацию, и я очень увлечён этим процессом. А ещё мне надо-таки разобраться дома, потому что ко мне, наконец, собрался мальчик... И я не хочу, чтобы ему здесь сильно не понравилось. Тем более что он капризный такой...

На самом деле под ориентацией Джонни здесь понимал профессиональную ориентацию. Он хотел рассказать Леночке о своих планах прекратить ковыряться в железе и заниматься чем-нибудь более интеллектуальным и более прибыльным. Он уже упоминал Леночке о своих планах, на что она ответила ободряюще, что «может, если не будешь так работать, то другим делом займешься - своим». Джонни ещё тогда ответил ей: «У меня практически каждое дело, которым я занимаюсь, так или иначе моё. Просто со временем они меняются». И отметил для себя с восхищением, как она умеет найти нужные слова практически в любой речевой ситуации. Однако ему всё же было интересно, как Леночка в данном случае интерпретирует слово «ориентация». Леночка интерпретировала так, как и следовало ожидать: ты будешь педиком? Джонни сначала хотел пояснить, что он всё же имел в виду профессиональную ориентацию, но счёл более прикольным ответить так: Не педик, а человек нетрадиционной сексуальной ориентации! Слово “педик” неявно содержит в себе негативную оценку. Ответ Леночки поразил его: Муся, педик - это всего лишь название. Ты же знаешь, что ты для меня замечательный, и не важно, какой ты будешь ориентации! Раньше такой ответ очень польстил бы ему. В этот же раз такой ответ почему-то сильно покоробил Джонни как чудовищно лживый.

Он думал о том, как, вероятно, Леночкины любовники, весело проведя с ней часть новогодних каникул, теперь вернулись в лоно своих семей. А главное – именно туда они носят теперь свои деньги. Вот она и решила вспомнить про него, про Джонни. И ещё раз его использовать. Естественно, писать ей об этом было бессмысленно, а потому Джонни ничего и не написал. Вскоре Леночка напомнила о себе: Ну что ты молчишь?! Если ты не хочешь писать, то так и напиши, я не буду тебя беспокоить! А ещё чуть позже добавила: Ну, ок, я все поняла. Наконец, Джонни ответил: Леночка, а что ты хочешь, чтобы я тебе написал? Ты меня совсем не беспокоишь. И, возможно, я очень хочу тебе писать. Просто не вижу смысла, а потому стараюсь избавить тебя от своей писанины и вообще по мере возможности от своего присутствия в твоей жизни. А ещё я хотел пояснить, что я, наверное, неправильно сделал, что не уточнил, но я имел в виду свою профессиональную ориентацию. Сексуальная же ориентация, согласно современным представлениям, по большей части предопределена генетически. То есть если уж человеку на роду написано хотеть женщину, то он так и будет её хотеть по гроб жизни своей. Даже несмотря на то, что ему было бы более разумно и целесообразно обратить свой романтический интерес в сторону мужчин, особенно если с женщинами всё равно не судьба наладить отношения.

Леночка ответила, в этот раз необычно цитируя его письмо:

- А что ты хочешь, чтобы я тебе написал?
- Ну хочу, что бы ты мне отвечал на письма мои :) Я же их тебе пишу
- Ты меня совсем не беспокоишь, и, возможно, я очень хочу тебе писать,
- И пиши :)
- Просто не вижу смысла,
- Найди :)
- Поэтому стараюсь избавить тебя от своей писанины
- Не надо
- и вообще по мере возможности от своего присутствия в твоей жизни.
- А зачем?
- А ещё я хотел пояснить...
- Ну спасибо, что пояснил :)

А вообще, знаешь, наверное, это будет очень эгоистично с моей стороны, но я очень по тебе соскучилась и очень хочу, что бы ты у меня был. Я конечно не знаю, там, зачем и почему, но хочу. Мне тебя не хватает. Поэтому если ты не против, то...

Джонни был весь в недоумении: неужели она сама не понимает, насколько лживыми выглядят такие её заявления. И ничего удивительного. Ведь они на самом деле насквозь лживы!

Однако, так или иначе, Джонни в тот день испытал на себе неожиданное действие Леночкиного послания: весь вечер она не выходила у него из головы – то и дело он вспоминал про Леночку. А о том, что произошло ночью, он написал ей в письме на следующий день утром:

Не уверен, что это будет адекватным ответом на твоё последнее письмо, просто хотел поделиться, пока не забыл. Вчера весь вечер думал написать – не написать Леночке, в итоге так руки и не дошли. За что был наказан: всю ночь снилась Леночка. Не очень реалистично, зато как красочно и драматично!.. дедушка Фрейд был бы в восторге! Правильно, сам виноват, старый дурак: не надо было думать про Леночку! Как там, “не думай о белом медведе, не думай, не думай! Ой, что-то этот мишка у меня из головы не вылезает...”

Ответ был достаточно холоден: ну как бы Леночка хотела бы получить ответ всё-таки.

Джонни всегда изумлялся её приёмам психической атаки. Леночка хотела получить ответ, фактически не задав вопроса. А если бы Джонни попросил её уточнить, в чём же, собственно, состоял вопрос, она бы заявила ему, что он ещё не так стар, чтобы так тупить. И она ему напоминать не собирается. Мол, сам подумай и вспомни. Тогда Джонни решил поступить хитрее и вместо ответа на вопрос прокомментировать то, в чём вопрос мог состоять:

Леночка, ты не представляешь, как я по тебе соскучился и как мне тебя не хватает! Поэтому ты можешь считать, что я у тебя есть, где-то на заднем плане, как ты сама одно время выражалась, в ж*** мира.

Он понимал, чего она хочет: встретиться с ним, типа, в кино сходим, а там уже развести его на деньги – мол, шмотки ей не на что купить и всё такое. Как и следовало ожидать, Леночка написала в своём ответе: Ну, знаешь ли, в жопе мира – это где-то далековато. Территориально – это да, конечно, до тебя ехать и ехать. А так нет, конечно же. Тогда предлагаю встретиться в следующие выходные, как ты на это смотришь? И напиши, что там еще у тебя интересного происходит? А у меня, кстати, живот урчит, блин, достал уже. Уже месяц каждый день, на работе – жутко неудобно. Гы :) Целую Мусю!

Джонни почему-то стало невыносимо противно от её фальшивой нежности, и он ничего не ответил. Но Леночка напомнила о себе: Хорошо, это твое полное право мне ничего не отвечать, если ты не хочешь. Я постараюсь тебя не беспокоить больше. Очень жаль. Я хотела, как лучше.

Теперь Джонни уже не хотел сдерживаться в выражениях:

Леночка, привет!

Я хочу рассказать тебе много важных вещей, но всё никак не соберусь с мыслями. Мне нужно сейчас решать некоторые неприятные вопросы. И если я их не решу, то всё равно буду тебе бесполезен по простой причине, что тебе с меня нечего тогда будет взять. Попробую по порядку. Само собой, я всегда рад с тобой встретиться, так что я только за. Когда я говорил о своём положении в жопе мира, я имел в виду не территориальный аспект (я прекрасно понимаю, что ты никогда уже ко мне не поедешь – тебе просто это незачем,- тем более что здесь обстановка уже изменилась). Я говорил совсем о другом. А именно о своей значимости в твоей жизни. Точнее, об отсутствии этой значимости и о том, что когда меня в твоей жизни не будет, ты на самом деле особо не расстроишься. Но с этим давно всё понятно, поэтому не это главное из того, о чём я тебе хотел сегодня рассказать.

Теперь о том, почему урчит свой животик. Он урчит не просто так, а хочет что-то сказать своей хозяйке. Например: “Леночка, зачем ты в меня пихаешь столько ядохимикатов и прочей дряни? И всё ради какого-то сиюминутного удовольствия! Пора бы подумать о том, чтобы пища была не только вкусной, но и здоровой!” А на работе ты можешь рассказать своему начальству другую версию. Например, что твой животик урчит о том, что он нуждается в усиленном питании, а усиленное питание стоит недёшево, и потому тебе нужно поднять зря плату минимум в полтора – два раза, а то животик твой будет урчать, а сама ты будешь ворчать.

Ты просила написать, что у меня интересного происходит. Например, вчера я ходил в кино и смотрел потрясающий фильм, который произвёл на меня неизгладимое впечатление. Да, он хорошо смотрится как зрелище. Как ты говоришь: «посмотрела и забыла». Но не это поразило меня больше всего, а сколько на самом деле в этом фильме глубокого подтекста, того, что заставляет задуматься и понять многое. В общем, я был в восторге от фильма!

Таким образом, фактически в письме содержалось несколько завуалированных (а также не очень завуалированных) наездов. Сначала Джонни открыто говорил о том, что знает настоящую причину, по которой Леночка захотела снова с ним встретиться. И намекал, что для начала ему надо заработать денег. Потом упомянул, что Леночка питается ядохимикатами. Зная, что менять она в этом плане ничего не будет, т.к. еда для неё – одна из немногих радостей жизни, которые к тому же по необходимости носят в основном животный характер. И если она будет есть то, что полезно, а не то, что вкусно, что же тогда хорошего вообще у неё в жизни останется? Потом упомянул о зарплате. Конечно, по существу она там никакой содержательной работы фактически не выполняет, но... Раз ей зарплаты не хватает, а начальник её трахает, то пусть начальник и платит ей больше за доступ к телу. А то она здесь, видите ли, решила лоха найти на деньги разводить. Нет, так дело не пойдёт! Как Джонни уже говорил ей однажды, будучи на неё сильно обиженным: кто тебя е***, тот пусть и кормит! Наконец, даже в рассказе про кино тоже был скрытый наезд. Джонни прекрасно понимал, что ей даже в кино не с кем сходить. Потому что найти кого-то на сайте знакомств или в социальных сетях, чтобы просто разводить, требовало от неё слишком много усилий. А её любовники наверняка приглашали её исключительно в койку. Ну или заняться этим самым на какой-нибудь другой подходящей горизонтальной поверхности.

Джонни же тоже без Леночки очень редко ходил в кино. Потому что было не с кем. В прошедшие же выходные он с горем пополам договорился пойти в кино с одной девицей с сайта знакомств «Кобра». Девица была из области, зато с претензиями! Она словно исходила из модной ныне на Западе абсурдной

теории о том, что всякий, у кого нет учётной записи на фейсбуке – социопат. В её адаптации этой теории, правда, роль фейсбука играли контакт и одноклассники. Но Джонни понимал абсурдность такой точки зрения. Такой человек с тем же, дальше большим успехом может быть не социопатом, а социофобом. Скорее, было бы правильнее сказать о подобном человеке как социально не адаптированном. Джонни и сам был таким. Он искренне не понимал, что ему делать на одноклассниках. Писать письма лысым дядькам с пивными животами, которые когда-то вместе с ним учились? Чтобы они ему похвалились тем, чего они добились в жизни? А он чем может похвалиться? Чего он добился, пройдя уже, как он частенько болезненно осознавал, большую часть пути? Нет, социальные сети были не для него.

Так или иначе, когда Джонни встретился с этой девицей, они настолько не понравились друг другу, что всю обратную дорогу от кинотеатра до метро даже не разговаривали толком. Но Джонни, как он честно и написал Леночке, не жалел об этом походе в кино, т.к. фильм ему очень понравился.

Леночка ответила довольно враждебно: Хорошо, я рада, что тебе понравился фильм, пусть хоть у кого-то всё будет хорошо. Ты этого заслуживаешь. Правда, продолжения я так и не дождалась. Ну да ладно, видимо, зря. Ты знаешь, я хочу перед тобой извиниться. Я тебе зря написала. Не в том плане, что зря вообще, а в том, что я надеялась, что ты захочешь общаться, а ты не хочешь. Но это твое право. Просто написать тебе письмо, а потом упрашивать тебя на него же и отвечать, поверь, у меня просто нет сил моральных. Поэтому извини за беспокойство.

Как обычно, Леночка пыталась здесь играть роль Бога, решающего, кто достоин, чтобы у него было «всё хорошо», а кто нет. Но главное было даже не в этом. Леночка очень показательно проговорила о том, что она его «побеспокоила». Для Джонни было совершенно очевидно теперь, что её главной задачей в этом диалоге было обеспокоить его в достаточной степени для того, чтобы он почувствовал, как сильно она ему нужна, испытал сильную эмоциональную зависимость от неё. Тогда она сможет снова его использовать.

Джонни же был настроен так, что он не хочет идти у неё на поводу:

Леночка, да что с тобой такое? Ты чего такая злая? Кто тебя обидел? То ты делаешь вид, что соскучилась. То потом говоришь: зря написала. О себе что-то существенное рассказать тебе, конечно же, лень. Продолжения я пока не написал потому, что до вчерашнего дня сам толком не знал, что у меня дальше будет на ближайшее время. Тем более обратной связи, какой-то реакции на уже написанное мною я не увидел, хотя бы пары слов “пиши ещё”. Теперь ты за меня решила, что я не хочу с тобой общаться. Ладно, что поделать, раз ты уверена, что я тебе больше не нужен, отправляйся навсегда в архив. Там за окном так холодно, надеюсь, ты не мёрзнешь. Одевайся теплее и не болей...

В призыве одеваться теплее Джонни видел некую символическую месть: он тем самым как бы напоминал ей о том, что ей так и не удалось развести его на покупку ей дублёнки. Без которой, согласно её лживым заявлениям, она просто замерзала заживо.

Слово «архив» также имело для Джонни особый смысл применительно к Леночке. Каждый раз, когда их контакты прекращались подобной бурной размолвкой, он перемещал всё её письма в отдельную папку у себя на компьютере. Он просто не мог и не хотел в такие моменты видеть письма от Неё. Чтобы они ему о ней напоминали. И тем не менее каждый раз, получая почту, он с замиранием сердца ждал, что ему придёт письмо от Леночки.

К несказанному изумлению Джонни, в этот раз Леночка отозвалась:

Знаешь, это не я решила, а ты. И живых людей обычно в архив не отправляют. Ты очень жестокий. Просто чё, я пишу, пишу, а ты мне ничего не отвечаешь. Или неизвестно, через сколько. И что? Мне продолжать упрашивать тебя мне писать? Зачем? Я очень, очень хотела нормально пообщаться, но ты не захотел. Ну что ж, правильно. Кто я такая-то? Меня в архив, так сказать, за ненадобностью. Я просто в шоке!

Джонни даже почувствовал себя виноватым. И ответил миролюбивым письмом, озаглавленным «ладно, я сам виноват»:

Леночка, Ну что я такого сделал? Не ответил сразу – значит, не хочешь общаться. Значит, пошёл на фиг! И кто кого в архив на самом деле отправил, получается? Нет бы, написать: Муся, ты же знаешь, какая я нетерпеливая. Так что давай, пиши быстрее, а то ты меня обижаешь своим невниманием! А впрочем... Ведь я же знал, что ты нетерпеливая и мог предвидеть, как ты будешь реагировать. И мог бы постараться тебе написать, даже если нет нужных мыслей и настроения (заметь, не желания, которое есть всегда, а именно мыслей и настроения, это не одно и то же!). Ладно, похоже, получается, я сам был неправ. Единственное, с чем я категорически не согласен, так это что я очень жестокий. Не стану с этим спорить, просто думаю, у тебя самой будет возможность сравнить со временем, кто был с тобой добр и кто был с тобой жесток...

Леночка ответила коротко: Мир? -Да, мир!!! - Ну тогда как дела? :) Пиши дальше. Давай, пиши – жду! Я не замерзаю, да что-то у меня с болит и отваливается, а еще я превратилась в снежную королеву. И хочу уйти в монастырь.

Джонни так и не понял, что там у Леночки была за часть тела, начинавшаяся на букву с, спина или ещё что. Однако он хорошо понял, что такая загадочность её послания была мстью в ответ на загадочность его письма, где было написано про смену ориентации. Так или иначе, он ответил:

Привет, Леночка! Дела у меня ><, и если бы я поменьше тупил, были бы ещё лучше. Дома два раза в неделю теперь встречаюсь с мальчиком. Уж не знаю, насколько он удовлетворён мною, но, судя по тому, что он регулярно ездит на другой конец города в такой мороз, видимо, ему сам процесс нравится. Или, по крайней мере, не так уж неприятен.

Ещё я, когда кушаю, то смотрю деда, который мне очень нравится. Не ожидал, что в селе Кукуево, где он выступает со своими просветительскими лекциями, такие приятные, заботливые люди. Просто я привык к тому, что, скажем, если в городе Мухосранске кто-нибудь из зала скажет что-нибудь, то все ржут, а я сижу, как дурак, и не могу понять, почему ржут. Иногда, конечно, выступающий повторяет в микрофон. Но обычно нет. А в Кукуево каждому на стол по микрофону поставили, так что люди, которые потом слушают запись в интернете, как я, тоже могут поржать. Даже независимо от ситуации с микрофонами, мне сам по себе этот дед очень нравится. Прямо хочется ему письмо написать, от всей души сказать спасибо. Хотя, если это не в этом году записывали, возможно, его уже нет в живых. Что у тебя новенького? Ты там не замерзаешь в такую погоду по дороге на работу? Сейчас освобожусь немного, хочу рассказать ещё про один странный прикол, что у меня здесь происходит...

Джонни не дождался ответа про новенькое, а получил следующее:

Где мое дальше?! Ну что же это такое! Почему всегда нужен тебе волшебный пендаль-то?! Я ведь вот так и обижусь всерьез и надолго!!!

Джонни ответил:

Привет, моя Снежная Королева!

Ладно, пишу тебе дальше, пока ты от меня в монастырь свой ещё не сбежала. Только не бей меня. Муся хороший! Сначала расскажу про телефонный прикол. Первая часть прикола: Звонит мне в субботу какой-то дебил, и говорит (одно приветствие чего стоит): “Здорово, чувак! Ты на колёсах?” Я отвечаю: нет, блин, я под колёсами! Он говорит: “жаль”. И начинает своей невнятной речью рассказывать, что его надо откуда-то то ли забрать, то ли его тачку отбуксировать то ли ХЗ. Мне стало неинтересно его слушать – я сбрасываю. И что ты думаешь? Через три минуты этот крендель перезванивает! К счастью для него, правда, я в это время общался с другим дебилоидом. Ладно, думаю, теперь хоть отвалит. Нет, какое там! Вечером он снова звонит. Я думаю брать – не брать. Наконец беру. Так он мне начинает своим то ли пьяным, то ли обдолбанным голосом рассказывать, как он застрял в каком-то городе, который вроде вообще не в России, а на Украине, кажется, и что я непременно должен ему помочь. Главное, мне ещё почему-то всю дорогу стало чудиться, что его голос мне до боли знаком, и уж как-то слишком сильно напоминает одного из моих главных попрошаек. При этой мысли я опять сбросил. И что ты думаешь? Этот дебил опять перезванивает!.. Но к тому моменту меня уже это порядком утомило, и в этот раз я сбрасываю, не отвечая на звонок. Теперь вот думаю: может, я зря так поступил с человеком? Может, надо срочно покупать автомобиль и ехать за ним в этот украинский город, как там его?..

Продолжаю прикол со звонками. На Новый год, когда, как ты помнишь, я ушёл в подполье, мне кто-то прислал целую кучу пустых смс-ок. Я так никогда и не узнал, кто это был, т.к. никто не сознался. А теперь пару недель назад мне снова пару раз приходили пустые смс-ки, вроде даже с того же самого номера, что на НГ (тот новогодний номер у меня, конечно же, не сохранился). А в субботу мне даже позвонили с того же самого номера, на том конце провода доносились какие-то звуки, но так никто не отозвался. Конечно, можно сказать, что всё это фигня, но мне очень любопытно. Я уж даже думаю, может мне этот номер с праздником поздравить? С днём этого, как там его, святого Валентина? Может, подарок ему какой-нибудь прислать, тогда он откроется?..

- Ну попробуй - если ты считаешь этот день за праздник конечно:) Что там еще интересного у тебя?

- Да какой уж тут праздник, если меня в этот день мальчик бросил! Молодёжь такая нынче, не хотят учиться, понимаешь ли. Зачем только я спальню расчищал... Теперь обратно буду захламлять...

- Да нах тебе этот мальчик – м***к. Всю жизнь будет м***ком и пошли его ты на х**. Так и напиши: иди, скажи, на х**! Видишь сегодня я какая ох***но добрая, б**!!! А вот спальню не трожь!

Джонни не мог не обратить внимания на обилие мата в Леночкином письме, как верный признак того, что она была пьяной, когда это писала. И это её состояние подействовало на него. Джонни ненавидел богатых и успешных, т.к. знал, как и за чей счёт им всё досталось. Алкоголики же и матерщинники не могли не вызывать у него симпатию как классовые союзники. Разве что свои симпатии к ним он предпочитал выражать заочно на безопасном расстоянии. Впрочем, с Леночкой он всегда очень хотел сократить расстояние даже с пьяной. Даже надеялся, что, возможно, её опьянение могло бы поспособствовать... Так или иначе, Леночкино пьяное письмо вызвало у него прилив нежности, причем, не без налёта иронии:

Леночка, я знаю, какая ты добрая и вообще замечательная, просто чудо! А ещё я часто тебя вспоминаю и даже очень жалею о том, что нам с тобой не суждено было больше встретиться... Только я не понимаю, почему спальню не трожь? Разве тебе не всё равно, что у меня тут дома происходит?

- Конечно, не все равно!

- Но почему? Это же никак не затрагивает твои интересы, верно?

- А откуда ты знаешь о моих интересах, верно?

- Оттуда, что я умный мальчик и могу сообщить, что обстановка в моей спальне не входит в круг твоих интересов. По той простой причине, что даже если, допустим, мой дом взорвётся, превратившись в щёбенку, и ничего не останется ни от меня, ни от этой обстановки, то тебе от этого не будет ни тепло, ни холодно. Ну разве только подумаешь: опа, уже дома взрываются! Минус Муся! Или что-нибудь в этом роде...

-Хм... Это не так. Но ты вправе думать так, как считаешь нужным. Но эти твои мысли не правы. И вообще у тебя неправильные мысли. Хотя ты часто думаешь, что ты прав. А я заболела.

Джонни уже знал, что если Леночка хотела прекратить или увести в сторону неприятный для неё разговор, она начинала говорить, что заболела. Словно не задумываясь о том, что каждый раз она тем самым обесценивает остатки доверия к себе. И если она однажды в итоге действительно заболеет и начнёт просить помощи, велики шансы, что ей просто не поверят. Но разве она могла подумать сейчас об этом? Разве психопаты вообще способны сколько-нибудь реалистично предвидеть даже своё собственное будущее? Может, если могли бы, они при всей своей импульсивности вели себя иначе? Мучительно размышляя над этими вопросами и тщетно пытаясь найти на них ответы, Джонни написал Леночке:

Я не просто думаю, я знаю. Хотя, к сожалению, далеко не всё. Но в данный момент меня больше волнует не это, а что там случилось с Леночкой. Ты простудилась? Как ты себя чувствуешь? В любом случае поправляйся скорее!

Леночка ответила довольно негативно, словно срывая на нём какую-то злость:

Какая разница, Мусечка, как я себя чувствую, тебе-то всё равно. Ну, подумаешь, какая-то Леночка заболела, будет минус одна. У тебя таких, как я, знаешь сколько, наверное, можно уже коллекцию открывать.

Джонни подумал: небось посралась со своим любовником, или за интим на работе мало заплатили. Вот им и высказывай претензии. И не стал ничего отвечать.

На следующий день, в воскресенье, утром Леночка написала ему кратко:

Зарегистрируйся на сайте. Будем вместе играть в монополию. Дальше шла ссылка на сайт. Джонни не мог не сходить из любопытства, однако зарегистрироваться не стал.

Да, ему было интересно попробовать. Но тут же возникла неприятная, тревожная мысль о том, как ему вначале будет сложно разобраться в этой игре. Он будет тормозить и тупить. А Леночка будет глумиться: ну ты, Муся, как всегда. Он почему-то начал вспоминать, что даже в детстве, когда он играл в игры, он практически всегда проигрывал. Иногда его обманывали и не признавались. А он, хотя и видел, просто не мог доказать. В других же случаях вроде играли честно, но Джонни всё равно проигрывал. А чтобы ему разобраться в игре, нужно время. А этого времени катастрофически не хватает, т.к. приходится постоянно работать за жалкие копейки, которые потом у него под теми или иными предложениями забирают такие, как вот эта...

Джонни всё больше наливался злостью по отношению ко всем тем, кто поступал с ним несправедливо. А это были практически все, кто с ним общался, потому что другим он был особо не интересен. Затем его мысль всё больше стала концентрироваться на том, как выходило, что он проиграл некую монополию в реальной жизни этой сучке и ей подобным, которые просто использовали его как лоха последнего. Она отсосёт пару раз у начальника, потом просто разведёт на деньги таких, как Джонни. Разведёт, естественно, без минета и прочего интима – она настолько их презирает и считает ущербными, что какой бы антисоциальной шлюхой она ни была, она никогда перед ними ноги не раздвинет. По её версии, они должны быть счастливы, что им позволено просто её увидеть. И окунуться в её лживый психопатический словесный понос, увязнув в нём с головой настолько, что они ничего кроме неё и её незатейливых потребностей уже не могут в жизни видеть. Почувствовать себя зависимым от неё, как от наркотика. А в результате у неё есть и деньги, и шмотки, и можно сидеть играть в игры и заниматься прочим. У них же – беспросветный сизифов труд до конца дней своих в куче хлама и грязи.

Доведя себя такими мыслями до нужной кондиции, Джонни решил больше не писать и не отвечать. На следующий день вечером Леночка написала: И ни ответа, ни привета. Б**!.. Потом минут через 40 добавила на прощание:

Ладно, Мусечка, ты мне ничего не отвечаешь – значит, не хочешь. Уговаривать тебя мне отвечать я не буду, уже унизительно как-то становится... Если захочешь пообщаться, то ты знаешь, как меня найти, а если нет, то забудь.

Ответ Джонни был предельно лаконичен: ОК.

На следующий день вечером, словно не веря, что после всех её паразитических триумфов над Джонни её могли вот так просто взять и послать, Леночка написала ему:

Только вот один вопрос напоследок. А точнее, два наберется даже. Первое: у тебя ничего не случилось, ни с тобой, ни с близкими? Тогда это полностью оправдывает твоё молчание. Так как я не знаю ситуации, прошу заранее меня извинить. А если все в порядке, то почему ты такой жестокий?

А ещё минут через 20, словно опасаясь, что и на это письмо ей не ответят, она добавила: блин, какая же я дура!!! Просто нет слов!

Джонни не сдержался и спросил у неё: это почему же ты дура-то? Он мог бы и не задавать этого вопроса. Тем более зная, что ответа на него он не получит. Для Джонни давно уже было ясно, что Леночке с её психопатической тенденцией к доминированию над людьми были нужны не ответы на вопросы, а сам факт, что не она писала последней. Тогда получалось, что она сама человека оставила, а не её послали.

Так или иначе, Джонни решил больше ничего не писать Леночке никогда. Однако реализовать такое решение на практике оказалось куда сложнее, нежели принять его. Ситуация усугублялась тем, что через два дня после прощального ответа Леночке был праздник 23 февраля. В этот день Джонни чувствовал себя особенно одиноко. Хотя сам Джонни прекрасно понимал, что его с настоящим мужчиной объединяет только способность комфортно писать стоя, каждый такой праздник ему было больно и обидно, что его никто не поздравляет. Так было и в этот раз. Он получил лишь одну смс с незнакомого номера. Того самого номера, с которого ему писали тогда, в Новый год, когда он не хотел отвечать на Леночкины звонки.

Джонни догадался, от кого исходило послание, однако сначала не мог понять, зачем она его поздравляет. Какой в этом смысл для неё?—внутренне недоумевал он сначала. Однако чем больше он думал об этом, тем больше понимал, какой тонкий и циничный расчёт стоял за этим. Получив Леночкино поздравление, он почему-то почувствовал себя ещё более безнадежно одиноким. Получалось, несмотря на то, что Леночка была антисоциальным паразитом, желавшим просто его использовать, она была единственной женщиной, которая хоть как-то хотела с ним общаться. Ещё через два дня Джонни уже просто не находил себе места, думая лишь о ней. Он понял, что ничего не сможет сделать, пока не напишет Леночке. Ему хотелось, чтобы это не выглядело унижительным. Однако это у него не получалось и выходил, как всегда, полный бред:

Привет, Леночка!

Наверное, нет никакого смысла в том, что я тебе сейчас пишу. Но раз уж я обещал тебе, или, по крайней мере, собирался, то я напишу. Не буду рассказывать о том, что происходит сейчас со мной и у меня. Сразу перейду к тому, что давно хотел тебе рассказать о том, в чём, как я считаю, я неправ. И хотя теперь, когда ты на мне окончательно поставила крест, мне должно было быть всё равно, что ты про меня подумаешь, я хочу, чтобы ты это знала, когда меня не будет рядом. Прошли немногим более двух лет с того момента, как мы с тобой познакомились. На протяжении полутора лет ты оставалась для меня мучительной и вместе с тем восхитительной загадкой. И вот однажды, когда я практически был уже в отчаянии, благодаря происшедшему со мной неприятному событию, я нашёл разгадку. Лёжа практически в бреду (я тогда что-то съел нехорошее, “чего нахомячился-то, муся?”), я вдруг начал постепенно, ниточка за ниточкой, распутывать решение. Конечно же, не хотел от тебя ничего скрывать, и потому сразу поделился с тобой. Естественно, ты была не в восторге: «это ты сам себе всё придумал».

Ты не представляешь, как я был бы рад, если бы я ошибался, т.к. это означало бы пусть маленький, но шанс. Однако чем дальше, тем больше я был уверен в правильности найденной разгадки. Разумеется, это всего лишь модель, которая описывает только общие черты, а ты неизмеримо сложнее. К тому же, многого по-прежнему не знает никто. Но теперь, по крайней мере, я уже не блуждал в потёмках. Однако мои ожидания о том, что, найдя разгадку, хотя бы в общих чертах, я потеряю к тебе интерес, не оправдались. Мой интерес к тебе парадоксальным образом рос всё больше и больше. Это становилось практически невыносимым...

Ладно, это уже мои трудности, мне с ними, как говорится, жить и умирать, постараюсь не отвлекаться и успеть рассказать тебе главное. Теперь, когда я знал о тебе правду, я прекрасно понимал что:

- Как бы ты ко мне ни относилась, ты ни в чём не виновата;

- Другие люди практически неизбежно никогда не поймут и не узнают того, о чём узнал и что понял я, если только ты не... Ладно, не будем об этом – это слишком страшно!

Джонни не решился написать прямым текстом: если только ты не убьёшь кого-нибудь. Он прекрасно понимал, что с такой патологией личности, как у Леночки, лишить человека жизни ей мешали лишь чисто организационные моменты.

Поэтому естественно ожидать, что среди всех этих людей, с которыми тебе доведётся столкнуться по жизни, у тебя будет полно если не заклятых врагов, то, как минимум, озлобленных недоброжелателей. Помню, у меня тогда возникло сильное стремление не только принимать тебя такой, какая ты есть, но и постараться по возможности защитить тебя от всего этого. Однако...

И вдруг Джонни остановился. Зачем он всё это пишет? Ведь она не будет даже читать! Для неё будет достаточно того, что он ей написал последним. Она воспримет это всё как жалкое нытьё слабого, зависимого от неё, использованного ею человека. Ему не стоило даже начинать писать ей это письмо! Но тогда что теперь ему делать с тем, что он уже ей написал?! Джонни не мог найти в себе силы просто взять и удалить написанное. Решил сохранить как черновик и немного успокоиться. Однако, видимо, таково было его состояние, что вместо кнопки сохранить как, он нажал в почтовой программе Send, т.е. послать. Осознавая с ужасом, что он только что сделал, Джонни думал о том, что такому человеку, как он, при встрече с Леночкой, как только он понял, с кем имеет дело, нужно было сразу же нажимать кнопку «послать». Но в том-то и дело, что он так долго не мог разобраться, что она за человек! Он был настолько увлечён, заинтригован ею, что не только не мог её послать, но и боялся постоянно, что контакты между ними прекратятся. Он и теперь не мог про неё забыть, то и дело мучительно вспоминая о ней. Словно заклипавшая клавиша, она постоянно посылала сигналы, будоражившие его мозг. Джонни не находил себе места, тщетно пытаясь освободиться от наваждения по имени Леночка.

Наконец, его снова посетила идея, которая должна была вернуть его на путь возрождения. Он решил, что пока свежа его болезненная память, надо заняться вплотную написанием мемуаров о Леночке. Ведь благодаря ей у него в руках оказался такой удивительный материал о людях, представляющих опасность для окружающих, и в то же время находящихся не где-то в тюрьме в окрестностях Магадана, а среди нас. А потому очень важно научиться их распознавать прежде, чем они успеют нанести большой вред. Джонни надеялся внести свою лепту в обучение людей этому.

Его только смущало, что его могут не воспринять всерьёз. Недалёкие обыватели глубоко впитали в себя нынешнюю гнилую, бесчеловечную идеологию, что наш мир населяют волки и овцы. И что это естественно, когда волки эксплуатируют овец. Для таких обывателей он лишь больная доверчивая овца, которую развели и использовали. Которая теперь, будучи не в силах расквитаться с обидчиком (хуже того –

о, какой позор – с обидчицей!) по существу, размазывала свои сопли по всему интернету. При таких мыслях на него накатывала и начинала душить волна обиды. В такие моменты Джонни уже не мог отчётливо соображать. Его поглощало желание встретить эту суку и изувечить её, дабы ей подавали до конца её никчёмной жизни уже как настоящему инвалиду. Правда, после того как немного спадала нахлынувшая волна горечи и к нему возвращалась способность рассуждать более-менее здраво, Джонни ужасался сам себе. И начинал думать, что интеллектуалу, мыслителю не подобает так поступать с душевнобольной женщиной. Пусть таким способом свои счёты сводят те, кто больше ни на что не способен. А он, Джонни, будет искать разгадку Леночкиной тайны. Чтобы в идеале помочь ей и таким людям, как она. Даже если она сама этого не хочет. Потому что объективно исцеление лучше возмездия. А если она и дальше будет так себя вести, то рано или поздно возмездие всё равно её настигнет. И она сможет избежать его, если только не доживёт. А иначе расплата неотвратима, - в этом Джонни не сомневался.

Но чтобы его самого в его писаниях воспринимали всерьёз, ему нужно было выглядеть авторитетно. Джонни догадывался, что, вероятно, первый вопрос, который ему зададут, когда он заявит о себе, будет касаться его образования. Эх, если бы у него были деньги... Джонни почему-то при этом сразу вспомнил женщину, стоявшую около станции метро Университет с плакатиком «Дипломы МГУ. Недорого». Его тогда ещё поразило, как нагло та баба отбрёхивалась от служителей правопорядка, упрасивавших её не стоять в таком многолюдном месте и тем самым мешавших её бизнесу. Неужели они не могут просто взять и принять её в обезьянник, - внутренне недоумевал тогда Джонни. И единственное объяснение, которое приходило ему в голову, заключалось в том, что законы этой страны работают в интересах мошенников. Если даже такая пешка, как эта тётка, может вести себя столь вызывающе, что же тогда говорить о её хозяевах?! Нет, я не буду покупать у них диплом, - подумал Джонни. Ещё обманут, как тогда правды от них добиваться? Да и где она вообще, правда, в такой ситуации?..

Уж лучше он будет писать так грамотно и авторитетно, чтобы никто не усомнился, что у него есть соответствующее образование. Вон, как те же психопаты умеют вешать людям лапшу на уши! Так почему он и сам не может, ради такого благого дела?! Тем более что времена изменились и теперь его лучший друг интернет открывал перед ним изумительную возможность. Джонни вспоминал, как в его подростковые годы, когда он стал тянуться к знаниям, его интересовало читать про разные болезни. Мама ещё тогда сказала ему, что медицинские издания в книжных магазинах продают только врачам и студентам соответствующих специальностей. Впрочем, Джонни догадывался, что это неправда. И на самом деле мама опасалась, что он будет читать эти книжки и находить у себя разные болезни. В результате чего у него разовьётся такая тревожность, что он не сможет удовлетворительно функционировать в обществе. И тогда Джонни загремит в дурку, где на нём будут испытывать ядовитые препараты. И даже если он выживет, то у него будет клеймо на всю жизнь. Его уже не возьмут ни в какой институт, и вся его карьера будет состоять лишь в выполнении ручной работы под наблюдением.

Надо признать, однако, что Джонни действительно находил у себя разные болезни. Но вовсе не потому, что, как мама говорила, он рос мнительным ипохондриком. Впрочем, ей в этом вторили всяческие родственники и мамы знакомые. С их ущербными мещанскими «теориями» о том, что он рос без отца, а потому не смог стать мужчиной. А также медицинские работники, предлагавшие ему взять себя в руки и регулярно делать зарядку. Последние, как считал Джонни, будучи неспособны понять его состояние ввиду недостатка у них знаний, вынуждены были регрессировать в своих заключениях к бытовым стереотипам. А он, несмотря на все преграды, которые они ему чинили ещё тогда, был настроен познать себя, во что бы то ни стало.

К сожалению, краткий медицинский справочник, изданный в сороковые годы прошлого века, не очень помогал Джонни. Хотя буквы были все ему знакомы, слова, которые из них складывались – далеко не все. А остававшиеся неразрешёнными вопросы только усугубляли тогда его тревогу.

Теперь же информационная ситуация изменилась драматическим образом. Значения непонятных слов он мог посмотреть теперь в Википедии или относящемся к ней словаре. О многих вещах можно было также бесплатно почитать на различных ресурсах. И Джонни был особенно признателен бескорыстным энтузиастам, поддерживавшим сайты, не загаженные рекламой. Он тоже собирался в ближайшее время стать одним из таких энтузиастов.

В один из первых дней марта Джонни улыбнулась, как ему вначале показалось, особенная удача. Он наткнулся на целый номер журнала, посвящённый психопатам. Однако улыбка его растворилась в воздухе, когда он увидел, что его просят ввести пароль или заплатить 30 долларов. Естественно, платить он не собирался. Более того, сумма в 30 долларов за одну статью на пару страниц произвела на него неизгладимое впечатление как олицетворение жадности издателей. Да вы ох**ли, - гневно подумал Джонни. Нет, он не собирался так просто сдаваться. И через пару часов «гугления» неожиданно нарыл работающий пароль... на китайском сайте. Мысленно поблагодарив своих идейных желторотых comrades, Джонни решил, что заодно накажет алчных издателей, скачав полную подшивку журнала и выложив на бесплатном ресурсе. Дабы другие трудящиеся, точнее, люмпены-мыслители типа его самого, могли просвещаться. Однако было уже далеко за полночь, и его неудержимо клонило в сон. Джонни загрузил, как ему показалось, учитывая скорость, достаточно статей в очередь на скачивание, после чего поставил себе будильник на четыре часа вперёд. Решив, что тогда он ещё добавит файлов в очередь, и будет досыпать. Однако когда Джонни с

трудом оторвал себя от кровати по звонку будильника и еле-еле дополз до компа, он с ужасом увидел, что очередь уже давно прошла, а введённый снова пароль не подходит!

Ужасно расстроенный, Джонни лёг досыпать, однако сон долго не шёл к нему. Когда же через несколько часов он очнулся от какой-то болезненной дремоты, в которой ему то и дело снилась Леночка, он почувствовал, что заболел. Всё вроде начиналось как обычная простуда: сначала немного болело горло, затем появился насморк и так далее. Однако даже несколько дней спустя, в канун 8 марта, у него по-прежнему держалась субфебрильная температура. Конечно же, Джонни не верил в столь разрекламированную последнее время психолухами (ради их выгоды, разумеется!) идею про психосоматические заболевания. Однако складывалось ощущение, что если бы верил, то это как раз тот самый случай. Словно неуклонное ухудшение здоровья его мамы; небольшая, но очень неудачная закупка в магазине, которую он сильно переживал как чудовищную глупость; а также крайне унижительный для него финал истории с Леночкой наслоились одно на другое. И все вместе подорвали и без того далеко не безукоризненное функционирование его иммунной системы, в результате чего она длительное время не могла справиться даже со сравнительно небольшой инфекцией.

Утром 8 марта, измотанный простудой и находящийся в отвратительно подавленном настроении Джонни отправил смс с поздравлением Леночке. В этом действии не было никакого особого замысла, просто на душе у него было как-то особенно тоскливо, и он не смог удержаться. Практически тут же он получил от неё короткий, ничего особо не значащий ответ: Большое спасибо. Мне очень приятно получить от тебя смс.

Но этот ответ заставил Джонни задуматься о том, как у людей зарождается вера в чудеса. Хотя было совершенно ясно, что Леночка даже не удосужилась отправить ему оригинальный ответ, прислав вместо этого один из довольно банальных готовых шаблонов, он всё же был несказанно рад, что она откликнулась. У него по какой-то необъяснимой причине сразу заметно улучшилось настроение и даже, как ему показалось, общее самочувствие. И, что самое удивительное, вернулась в норму температура. Джонни не мог не подумать о том, что, будь он менее образованным, он бы счёл, что это Леночка подействовала на него таинственным, магическим образом.

У него даже возникла идея написать ей об этом в письме. Хорошо, правда, что он быстро опомнился и решил этого не делать. Тем не менее, Джонни всё же не удержался и отправил ей коротенький вопрос: ты обиделась на меня? Ответ Леночки был лаконичен: я не обижаюсь. Когда же Джонни стал настаивать на более подробном ответе, Леночка оформила его в виде диалога:

- Привет, Муся!

- Как ты поживаешь?

- По-разному, Мусечка. Так в двух словах все сразу и не опишешь. Знаешь, у меня в силу моего характера весьма определенное отношение к людям и требования тоже. Поэтому очень много разочарований. Лично я, например, считаю, что человек независимо от своего пола должен держать свое слово, свои обещания. Но, видимо, все люди живут по другим правилам. Нет, я не собираюсь с этим бороться никаким образом. Просто я считаю, что дальше мне с этими людьми не по пути. Да ещё очень и очень много таких различных мелких нюансов. так что похвастаться мне нечем. Приходится приспосабливаться к тому, что есть.

- Я часто про тебя вспоминаю, думаю, как там Леночка?..

Знаешь, Муся, конечно же, ты можешь думать. :) Но я просто другого склада, видимо, человек. Если я думаю, значит, скучаю. И хочу видеть постоянно. А значит, интересуюсь всем, что происходит в жизни человека. А ты сам не захотел со мной общаться. А если человек не захотел, как он может думать и вспоминать?

Но знаешь, я на тебя ничуть не сержусь, даже ни капельки. Это же было твое решение, а значит, ты отдавал отчет. Я тебе доверяю. Ну а разочаровываться по жизни – видимо, от этого мне никуда не деться.

Это письмо разозлило Джонни. Особенно в той части, где Леночка фактически намекала на то, как она обманом разводила человека на согласие его использовать. А потом, когда человек (в отличие от неё, способный к высоким человеческим чувствам) сильно привязывался к ней, она ставила его перед выбором: либо позволять ей и дальше всё более бессердечно его использовать, либо ей дальше с ним не по пути.

Не по пути, так не по пути,- злобно подумал Джонни. И решил написать ей настолько неприятное для неё письмо, чтобы теперь уже действительно навсегда прекратить с ней все контакты. Чтобы она уже никогда больше ему не отвечала. Чтобы раз и навсегда сжечь все мосты. А чтобы она не посмела считать это очередной его обиженной истерикой, он решил писать аргументированно. Даже приплёл сюда теорию Джона по прозвищу Человек Божий о четырёх Всадниках Апокалипсиса, разрушающих взаимоотношения между людьми. В результате получился бред, однако, как счёл Джонни, достаточно эффективный в том плане, чтобы Леночка ему никогда не писала больше. И он мог спокойно публиковать в интернете анализ накопленного материала, а также строить для себя новую жизнь. А его последнее, сумбурно-бредовое письмо Леночке получилось таким:

Привет, Леночка!

Спасибо тебе за такое подробное письмо! Но я всё же хотел сказать тебе ещё кое-что очень важное. Я не знаю тех людей, которые не сдержали своё слово, данное тебе, или свои обещания, поэтому про них ничего сказать не могу. Но, зная кое-что о тебе, я могу сказать следующее: Рано или поздно люди начинают общаться с тобой исходя из того, как ты к ним на самом деле относишься. Например, ты знаешь, как я хотел

видеть тебя каждую неделю. Но мне было сказано прямо, что таких желающих много, и у тебя должна быть материальная заинтересованность. Разумеется, сама по себе такая постановка вопроса крайне оскорбительна для уважающего себя человека. Более того, когда я всё же попробовал видиться с тобой по такой схеме, то, как и следовало ожидать, на сцену всё больше стал вылезать главный Всадник Апокалипсиса, разрушающий взаимоотношения между людьми – Презрение. Естественно, ты не могла не презирать человека, который позволял так относиться к себе. Поэтому мне ничего не оставалось делать, как в канун Нового года окончательно поставить точку. В надежде на то, что, возможно, где-то есть люди, которым нужен я сам, а не только что-то от меня.

А что уже потом я не отвечал тебе сразу же на письма... Мне вот интересно: у тебя там, небось, миллион мальчиков в контактах, одноклассниках и прочих... и если ты им что-то пишешь, и они тебе не отвечают тут же, ты же их не обвиняешь в том, что они жестокие, бессердечные люди, верно? Почему же ты тогда писала об этом мне?

Конечно, тебе на меня не за что сердиться. Твоё взаимодействие с человеком происходит по схеме:

- оценка перспектив использования;
- использование;
- оставление.

Если бы человек тебе не позволил себя использовать, или не позволил бы использовать его полностью/в значительной степени, или, не дай бог, у тебя могло бы сложиться впечатление, что он сам мог в чём-то использовать тебя,- вот тогда у тебя был бы настоящий облом, фрустрация. А их ты ой, как не переносишь! А я теперь представляю для тебя примерно такой же интерес, как шоколадка, уже однажды пропущенная через пищеварительный тракт! И что за удовольствие тебе смотреть, куда я там дальше плыву... очевидно, в отстойник!

Но, так или иначе, сказанное мною сейчас меня не оправдывает, т.к. из всех, кто тебя знает, скорее всего, я единственный человек, который реально представляет себе хотя бы в общих чертах, что творится внутри тебя. И понимает, что ты в этом на самом деле не виновата. А потому мог бы быть с тобой и на твоей стороне в любой ситуации – даже тогда, когда отвернуться другие. Просто, к сожалению, я не придумал, как сыграть положительную роль в твоей жизни...

Кому выгодно наступление эпохи невежества?

Вот теперь с Леночкой всё,- думал Джонни. Однако при этом он прекрасно понимал, что мало полить Леночку грязью и сделать так, чтобы она навсегда исчезла из его жизни. Главное – надо перестать быть жертвой по жизни и научить других столь же доверчивых, хороших и добрых людей противостоять хищникам. А хищники тоже бывают разные. Джонни прекрасно понимал, что, хотя на данном отрезке его жизни линия фронта в его противостоянии силам зла проходила через Леночку, его подлинным врагом была не она. Ведь, если так разобраться, кто такая Леночка? Всего лишь мелкая сошка. Несчастливая больная женщина, принуждённая своим заболеванием функционировать по жизни как паразитка и попрошайка, а с кем-то также как проститутка.

Но за спинами такой мелюзги, как она, где-то стояли и Большие Боссы. Именно они травили и без того недалёкое сознание обывателя гнилой идеологией, в рамках которой на пьедестал возводилась жизненная позиция людей с социально деструктивной аномалией личности. Им *de facto* прислуживала целая свора психологов, проводивших несметное количество тренингов:

- для торгующего планктона, как добиться «успеха», втюхивая покупателю ненужный товар, а ещё лучше – обманом втягивая в те или иные схемы финансового мошенничества;
- для юношей, как затащить девушку в постель. Не для того, чтобы встретить действительно близкого человека и рука об руку пройти с ним по жизни. Но для того, чтобы убедительно продемонстрировать другому такому же дебилоиду, какой ты доминантный самец;
- для девушек, как привлекать щедрые ухаживания сразу нескольких кавалеров, не ложась ни с кем из них в постель. Чтобы потом у господ, присматривающих себе секретаршу с интимом, пропадало желание при виде тупости и продажности претенденток.

И деструктивной деятельности всей этой армии социальных агрессоров Джонни собирался противопоставить свободное и широкое обнародование знаний о том, чем и как пользуются те, кто обманывает и эксплуатирует народ. Дабы порядочные люди знали, кому можно доверять, а кому не стоит. И чтобы следующее поколение школоты на уроках русского языка не называло в качестве синонимов словам честность и доверие слова лох и терпила.

Каковы же были те знания, которыми Джонни собирался поделиться с народом?

Джонни родился ещё в другой стране. Стране, которую, несмотря на все её недостатки, он мог назвать своей, а не «этой» страной. Стране, которой он мог гордиться. Да, кто-то в угоду вражеской пропаганде называл её Верхней Вольтой с ядерными ракетами. Но почему-то первый космонавт в истории был не с Верхней Вольты. Так или иначе, для Джонни та страна, оставшаяся безвозвратно в прошлом, казалась значительно более близкой по своим идеалам, нежели его нынешняя страна. В его нынешней стране, в основу идеологии были положены звериные правила: «человек человеку – волк», «не на**ёшь – не

проживёшь» и так далее. Вот и получалось, что такая страна в итоге могла поставлять на мировой рынок лишь нефть, газ и другое сырьё. А ещё, как это ни печально, женщин.

Конечно же, и тогда, в Советское время, ложь и обман лились на людей сверху, со стороны правителей, грязным потоком. Однако как в самой идеологической кампании, так и в её восприятии массами были существенные различия.

Согласно официальным канонам, в идеологической основе Советской власти лежала философия марксизма. Последняя рассматривалась при этом чуть ли не как наука. Область социального знания, основанного на опыте и потому имевшего в своей основе серьёзную методологию. Однако фактически идеологическая система функционировала как церковь, проповедовавшая религию марксизма-ленинизма. Подобно схоластике дремучего средневековья, основным аргументом в идейных спорах зачастую выступали ссылки на авторитеты. «Церковь» эта исправно собирала десятину в виде партийных взносов и иных поборов с трудящихся. Однако при этом в ней практически не было веры. Это стало особенно очевидно на закате Советской власти, когда начались трудности. Многие «идейные вдохновители», так здорово кормившиеся от прославляемой ими идеологии, побросали свои партбилеты и принялись проклинать то, что они теперь называли исторической ошибкой. Многие же простые люди всю дорогу в основном тупо подчинялись, потому что так было надо, потому что иначе накажут. Подчинялись, толком не понимая на уровне разума, зачем и почему.

И всё же была существенная разница с нынешней идеологически гнилой эпохой. Подрастающие поколения получали тогда в школах знания, основанные на серьёзной научной методологии. Мы были тогда самой читающей страной. Причём читающей признанную всем миром классику, написанные ведущими учёными популярные обзоры достижений науки, открывавшую новые горизонты фантастику и т.д. Поэтому не было ничего удивительного в том, что многие хорошо образованные, критически мыслящие представители интеллигенции, даже если они по-прежнему разделяли идеалы, стали настороженно относиться к власти, видя у неё вопиющий разрыв между словом и делом.

Однако со второй половины 80-х годов 20 столетия, когда начался тотальный развал великой страны, само мировоззрение людей начало горбиться не по-детски. Из мутной воды человеческого невежества всплыло много всякой нечисти: экстрасенсы, гадалки, астрологи и т.д. Джонни уже тогда интуитивно понимал, почему это работает. То есть работает, конечно же, не в плане лечения и не в плане реального предсказания будущего, а в смысле отъёма денег у доверчивого населения.

Его мама знала, что он болен. Согласно понятиям официальной медицины, неизлечимо. В том смысле, что до конца своих дней он будет чувствовать себя плохо, лучше ему уже никогда не станет. Даже врачи платных медицинских центров, возникших в результате кооперативной злокачественной трансформации советской медицины, говорили его маме и ему это открытым текстом. Максимум же, что мог предложить самый продвинутый государственный институт, – это пункционную биопсию «для уточнения диагноза». Джонни, пребывавший в состоянии постоянного отчаяния, был уже морально готов даже на то, чтобы от него отщипнули кусочек ткани для гистологического исследования – лишь бы узнать, что с ним будет дальше и вдруг у него есть хоть какой-нибудь шанс. Однако, как неприязненно говорили медики, мать больного отказалась. И сколько он маму не упрасивал, она была непреклонна.

С другой же стороны, она не хотела терять единственного сына, тем более что ей было уже за 50, и больше у неё своих детей быть не могло в принципе. А потому, не жалея никаких денег, таскала его по всяческим шарлатанам. Джонни же всеми фибрами души ненавидел экстрасенсов. Он считал их невежественными мошенниками, наживавшимися на чужих страданиях. И в то же время он не мог твёрдо сказать НЕТ своей маме, когда она принималась его уговаривать, приводя в качестве основного довода то, что деньги она уже отдала. У него вообще с детства была с этим проблема – сказать нет так, чтобы даже и не пытались настаивать. И потому ему приходилось раз за разом, нехотя и озлобленно, выполнять чужую волю. А ведь для него это было таким стрессом, наблюдать с отвращением и яростью, как за мамнины деньги с ним совершали эти шарлатанские трюки.

Со знакомыми же, когда ему пытались доказать, что вот, мол, бабки-знахарки же кому-то помогают, излечивая безнадежных больных, Джонни резко отвечал примерно так. Что если бабки хотят доказать свою правоту, то пусть сделают следующим образом: Возьмут две большие, т.е. многочисленные, группы больных. В одной и той же стадии заболевания, тщательно и достоверно установленной независимыми экспертами. Одна группа пусть ходит к бабке. А другая, контрольная группа, пусть получает в точности то же самое лечение минус бабка. И если в бабкиной группе будут статистически значимые положительные результаты на фоне контрольной, то бабке надо дать нобелевскую премию в области медицины и физиологии. Однако – и Джонни не скрывал, что ему в это не верится – он знал, что в этом нет необходимости. Потому что эти бабки и все им подобные – сплошной обман.

Теперь Джонни понимал, как и за счёт чего этот обман расцвёл прежним цветом. Он представлял себе одинокую женщину старше 50 лет, наподобие его мамы. Без мужа и без малейшего шанса в принципе иметь ещё детей. И вот ей врачи говорят, что её единственный ребёнок обречён и уже никогда не поправится. Они могут в разумных пределах облегчить его состояние, однако о полном выздоровлении не может быть и речи. И тут находятся деятели, которые говорят: у Вас есть шанс. Вы понимаете, здесь случай очень сложный, мы ничего не можем обещать. Однако шанс есть. Да, чтобы испытать этот шанс, несчастной женщине придётся заплатить ощутимую для себя сумму. Но какое значение имеют какие-то деньги, даже

если она работала за них месяцы, годы от восхода до заката, по сравнению с безвозвратной потерей единственного ребёнка? И если эта женщина сейчас не заплатит, она даже не попытается использовать этот шанс на спасение своего чада. Нет, она себе этого не простит.

Таким образом, трагическая жизненная ситуация делала человека психологически очень уязвимым перед лицом мошенников, не гнушавшихся нажать на его горе. Пока советское правительство не сторбилось окончательно, оно ставило административный заслон шарлатанам, устанавливая в оказании медицинских услуг определённые методологические рамки и загоняя тем самым нечисть в подполье.

С приходом «свободы», однако, всё изменилось. И ситуация отнюдь не ограничивалась только медицинским шарлатанством. Складывалось впечатление, что идёт тотальный подрыв мировоззренческих устоев у населения. И Джонни то и дело приходилось сталкиваться с последствиями такого подрыва в головах людей. Например, когда он случайно где-то сталкивался с бывшими одноклассниками. Они уже не спрашивали у него, поступил ли он в какой-нибудь институт. Практически все его бывшие одноклассники (кроме самого Джонни) общались между собой, а потому уже и так знали, что куда он не поступил. Поэтому сразу переходили к вопросу, не женился ли он случайно, есть ли у него девушка и т.д. Джонни при этом ещё как-то начинал цинично и озлобленно думать, что ну конечно, такой как он может жениться не иначе как случайно.

А после того, как он отвечал отрицательно на все вопросы о наличии у него какой бы то ни было личной жизни, его зачем-то начинали спрашивать о том, кто он по знаку зодиака. Однако в ответ Джонни, вместо того чтобы ответить по существу, зачем-то принимался интересоваться, что им даёт такая информация о знаке зодиака и прочее. При этом, естественно, некоторые сразу решали, что он неадекватный и торопились сразу его покинуть. Другие же ещё зачем-то принимались ему объяснять, для чего нужны знаки зодиака. Видимо, глядя на ситуацию со своей чисто женской колокольни, они решали, что главная его проблема – отсутствие девушки. И принимались ему объяснять, что вот раз ты такой знак, то тебе больше всего подходят те, кто родились под такими-то знаками. А вот девушки, рождённые под такими-то знаками, тебе никак не подойдут. Например, если ты Лев, то нужно исходить из того, что два льва в одной клетке не уживутся.

Джонни же, терпеливо выслушав собеседницу (он обычно не смел перебивать людей, даже если ему этого хотелось), вместо того, чтобы поблагодарить её за наставление, принимался говорить примерно следующее: Судьба человека решается не на небе, а на земле. Сначала родители снабжают его уникальной последовательностью генов. Заложенный в ней потенциал развивают семья и школа. Очень важную роль играет среда, социальное окружение. Ближайшая же к нам звезда – Солнце, хотя и дарит нам возможность жить на Земле благодаря солнечной энергии, практически не влияет на характер человека тем, где оно находится на эклиптике. Другие же звёзды слишком далеки, чтобы существенно влиять. Если Солнце находится на расстоянии примерно 8 световых минут, то следующие ближайшие звёзды – на расстоянии в несколько световых лет.

Потом (в тех редких случаях, когда собеседница его ещё слушала!), словно спохватившись, что астрономические аргументы могут быть слишком сложны для восприятия, в своём обосновании гносеологической несостоятельности астрологии, Джонни заходил с другой, чисто эмпирической, стороны. Сначала он немного тупил, пытаясь сообразить, как лучше операционализировать уживутся – не уживутся, после чего высказал такую идею: взять несколько тысяч семейных пар лев-львица и посмотреть статистику разводов среди них. Если разводов будет больше, чем в среднем по населению, значит, действительно не уживаются. Разные группы могли бы провести такие исследования в разных регионах. Потом можно было бы выполнить мета-анализ данных, накопленных по результатам множества таких исследований. И если бы в результате такого анализа удалось выявить статистически существенные закономерности, то можно было бы признать, что астрология действительно работает. Однако лично он, Джонни, видел в таких исследованиях смысла не больше, чем, скажем, в статистических исследованиях работоспособности вечных двигателей. Ведь было понятно, что они все противоречили нашим базовым мировоззренческим установкам, основанным на обобщении огромных массивов исследований. Но, так или иначе, после таких его рассуждений девушка убегала от него, признав как его полностью неадекватным. А как его ещё назвать, если в институт его не взяли, жены или девушки у него нет, зато умничают, неся какой-то бред?! Неудивительно, что он такой никому не нужен!

Естественно, раз даже знакомые от него шарахались, то с незнакомыми девушками он даже не пытался познакомиться. Это было просто нереально. На улице Джонни знакомиться с девушками не мог. Он был уверен на все 100%, что если бы попытался, девушка его тут послала бы, взглянув на его одежду и внешний вид вообще. Да, и потом, что он ей скажет, чтобы привлечь её внимание? Девушка, Вы спичку уронили? Девушка, не скажете, как пройти на улицу Деникина? Или генерала Врунгеля? (Тогда, вскоре после ельцинского переворота, как раз пошла так бесившая его мода на белогвардейскую топонимику).

Получалось, что фактически Джонни мог реально познакомиться с девушкой, лишь находясь в компании других парней. Однако компании парней обладали тем свойством, что парни в них мерялись пиписьками. А у Джонни, естественно, была самая короткая. Нет, не в буквальном смысле, конечно. А в смысле положения в некой невидимой социальной иерархии. По поводу этого самого положения между парнями происходило постоянное выяснение отношений, плавно переходившее в мордобой. Тому же, кто по

тем или иным причинам не мог, не хотел или не умел драться за место под солнцем, отводили место около параша.

Впрочем, в той компании, где оказался Джонни, ему удалось несколько смягчить ситуацию следующим образом. Начать с того, что удачным был сам выбор компании. Джонни тогда ещё не знал, конечно, кто такие психопаты. Однако в меру своего понимания человеческой психологии, обобщения своего опыта, он делил всех людей, с которыми у него были сложности (а это были практически все знакомые ему люди) на две категории. К одной относились люди, которые сами по себе говно. К другой относились люди, которые в той или иной ситуации дерьмово себя вели. Иными словами, в основе плохого, бессердечного поведения первой категории людей лежали в основном диспозиционные факторы, а для второй категории – ситуационные.

К счастью, Джонни удалось найти у себя во дворе компанию ребят, относившихся ко второй категории. Ему помогли также следующие соображения. Джонни уже тогда, пусть в чём-то лишь интуитивно, понимал, что люди лучше всего проявляют эмпатию и вообще хорошее человеческое отношение к тем людям, которых они считают принадлежащими к своей группе, к своей команде. Которых они, попросту говоря, считают своими. Поэтому Джонни старался использовать каждую возможность для того, чтобы убедить ребят, что им нужно быть одной командой. Например, если кто-то начинал разговор о том, что за последние годы в Москву понаехало много приезжих, особенно «чурок», он говорил о том, что в чём-то с южан надо брать пример. Например, у них один за всех и все за одного. А у наших, если идёт незнакомый парень – значит, надо подойти и дать в морду. Если же девушка – надо пристать. Даже если конкретная девушка тебя не интересует, есть своя и т.д., то пристать всё равно надо, т.к. иначе ты не мужик. Ребята улыбались, соглашаясь с ним. В результате у него наладилось дружеское, практически равноправное общение с ними. Некоторые даже слушали его с интересом, находя, что он умный парень. И потому Джонни было приятнее общаться с ними, хотя каждый из них с горем пополам закончил восемь классов церковно-приходской школы плюс максимум «путягу» (профтехучилище), нежели с теми, кто учились в каком-то платном институте и потому корчили из себя непонятно что.

Продавцы вечной жизни

Однажды, сидя в этой дружной компании, Джонни замолчал и о чём-то задумался. Время от времени с ним такое случалось. Когда же он поднял глаза, он им просто не поверил. Совсем рядом стояли, разговаривая с ребятами, четыре девушки, три из которых были очень и очень даже ничего. Джонни был настолько ими очарован, а особенно одной из них, что даже не пытался их просветить, как он прежде делал с девушками, что астрология и прочие суеверия не отражают адекватно действительность (дабы девушки не подумали, что мозг Джонни вообще ничего адекватно не отражает). Вместо этого он рассказал им глупый «психологический» анекдот, заканчивавшийся «я Вася. Мне никто не звонил?» Этот анекдот, слышанный им от гламурного тусовщика, знавшего много забавных историй, тогда только входил в моду, и девушки его ещё не слышали. Анекдот им понравился. В ответ девушка, понравившаяся Джонни больше всех, рассказала другой только входивший тогда в моду анекдот про «это ещё не пи****. Сначала убей вождя. Вот теперь точно пи****!» Джонни понравился этот анекдот. Однако больше всего ему понравился даже не сам анекдот, а тот факт, что девушка ругалась матом. Наш человек, - подумал Джонни. Вот только радоваться этому ему пришлось недолго. Девушки вскоре сказали, что им пора идти, и ушли. И Джонни с тоской подумал о том, что вот так всё самое интересное в его жизни заканчивается, не успев толком начаться.

На следующий день, словно влекомый незримой силой, Джонни пришёл на обычное место встречи с пацанами даже немного раньше времени. Однако пацанов ещё не было, и он зачем-то с необъяснимой тоской и надеждой смотрел в том направлении, откуда вчера появились четыре девушки. И вдруг... Он не поверил своим глазам. Навстречу ему шли две девушки из виденных им вчера, в том числе та, которая понравилась ему больше всех. Но вместо того чтобы пойти им навстречу и завести разговор... Он испугался и спрятался. Правда, тотчас же в его сознании верх одержала другая мысль. Что если он сейчас не заговорит с ними, то, весьма вероятно, он не увидит их больше никогда. Так что же он тогда теряет? Потом, ему к тому же очень хотелось с ними пообщаться.

С этой мыслью Джонни выбрался из своего укрытия и пошёл следом за девушками. Теперь ему не давала покоя другая тревожная мысль. Джонни понимал, что они его видели, что ему надо было подойти к ним и что-то сказать. Но он не знал, что именно, с чего начать. И от осознания того, что с каждой секундой он выглядит в их глазах всё глупее, его тревога только усиливалась. А вдруг они идут на встречу с какими-нибудь парнями? А если?.. Наконец, увидев, куда поворачивали девушки, и сообразив, что вряд ли их там кто-то ждёт (не назначали же им парни встречу в кустах?!), Джонни решился. Прибавив шагу, он нагнал девушек, и, так и не зная, что сказать, просто сказал: привет!

К его несказанному удивлению, девушки приветливо поздоровались и предложили прогуляться с ними. И к его стыду Джонни уже не помнил их имена. Потому что когда их представляли, он частично тупил, а частично не надеялся, что знание их имён как-то пригодится ему на практике. К счастью, из разговора с девушками он быстро узнал, что понравившуюся ему девушку звали Ольга, а её подругу – Марина.

На этот раз он решил попробовать не просвещать (по крайней мере, на начальном этапе знакомства) девушек относительно методологической ошибочности астрологии, вместо этого увлечённо рассказывая им разные забавные истории из своей жизни. И девушки с интересом его слушали. Единственное, что его смущало, правда, так это что Марина практически всю дорогу молчала, лишь в начале разговора перекинувшись парой реплик с Ольгой. Джонни ещё цинично подумал тогда про себя, что Марина словно дала обет молчания, запрещавший ей общаться с непосвящёнными. Когда Марина ушла домой, а Джонни пошёл провожать Олю до её дома, он с удивлением узнал, насколько пророческой оказалась эта его мысль относительно Марины. Он прямо спросил у Оли: почему твоя подруга всё время молчит? Оля ответила: Марина человек очень серьёзный, религиозный. Поговорив очень увлечённо ещё несколько минут с Олей, Джонни не рискнул попросить у неё номер телефона. Тем более что мобильных телефонов у них в те времена ещё не было, и приходилось давать городской номер. Тогда, осенью 1993 года, мобильные телефоны были лишь у крутых быков в малиновых пиджаках. По крайней мере, такие представления были на тот момент у Джонни. Поэтому, вместо того чтобы попросить у Оли её номер телефона, Джонни написал на бумажке свой и протянул ей. Оля сказала, что как-нибудь позвонит, и ушла домой.

В последующие две недели Джонни ещё несколько раз встречался с Олей и Мариной. Конечно же, его романтический энтузиазм резко сник после Олиных рассказов о её ухажёрах, которые ездят на мерседесах в свои просторные загородные дома и по сравнению с которыми, как он прекрасно понимал, у него не было ни малейшего шанса. И, тем не менее, Оля общалась с ним очень заинтересованно и одушевлённо – это было хорошо заметно. Марина же по-прежнему большую часть времени молчала или отвечала односложными фразами. Лишь один раз она обратилась непосредственно к Джонни, задав ему вопрос, верит ли он в Бога. На который тот ответил откровенно, хотя и уклончиво. Джонни сказал, что с большим уважением относится к христианским нравственным ценностям, однако исповедует материалистическую картину мира и не верит в создание мира со всем его содержимым всего за неделю около семи тысяч лет назад. В ответ Марина даже не с враждебностью, а скорее с удивлением спросила у него: неужели ты действительно считаешь, что люди произошли от обезьян? На что Джонни ответил, опять-таки уклончиво, что согласно представлениям современной биологической науки люди, конечно же, не произошли от ныне живущих приматов, однако имели с ними общего предка. В ответ Марина посмотрела на него как на неизлечимого душевнобольного, и больше никаких вопросов ему не задавала. А ещё через несколько дней наступила неприятная развязка с Олей. Как догадался Джонни, около дома её ждал какой-то парень, и она просила Джонни её не провожать. Поэтому Джонни не оставалось больше ничего, кроме как идти провожать Марину.

К его огромному удивлению, Марина не назвала его исчадием ада, служителем сатаны или что-то в этом роде и не послала куда подальше. Напротив, она весьма охотно с ним разговаривала. Вначале Джонни недоумевал: Зачем она это делает? Что у них общего? Но вскоре неожиданно к нему пришло понимание. Как и он сам, Марина была чудовищно одинока. Подобно ему, она была изгоем в этом обществе успешных молодых людей и привлекательных девушек. Парни, у которых был выбор, выбирали не её.

Джонни живо представил себе, как должна была чувствовать себя Марина в такой ситуации: компанией подруг они подходили к компании молодых людей. Молодые люди охотно общались с её подругами, однако при этом, не скрываясь, кивали им на Марину, и говорили: зачем Вы привели сюда ЭТУ?! Надо отдать должное девушкам, они не хотели давать в обиду подругу, и принимались в ответ на такие слова защищать её, говоря, что она наша общая подруга и вообще-то тоже полноценный человек.

Однако оставаться за компанию с Мариной старыми девами они также не хотели, а потому в следующий раз, идя в компанию молодых людей, просто не брали её с собой. Под теми или иными благовидными предложениями, обычно надуманными. И Марина не могла этого не понимать.

Таким образом, получалось, что Марину и Джонни объединяла не симпатия, не взаимный интерес, а то, что они оба были для других людьми второго сорта. При этой мысли Джонни почувствовал сильную обиду. Если Марину её религия учит смирению, то пусть считает себя хуже других сколько угодно, подумал Джонни. Он же себя вторым сортом не считал, и мириться не собирался. А потому был уверен, что ему непременно нужна девушка только самого высшего разряда. Ведь он же такая уникальная, особенная личность!

Впрочем, рассказать Марине в таком стиле о своей гордыне он всё же постеснялся. Вместо этого он решил ей высказать кое-что ещё похлеще. А именно, задеть её религию. В ответ на вопрос Марины о том, почему он не верит, Джонни прямо ответил, что помимо мировоззренческих моментов есть ещё кое-что. Он заявил, что ему близки моральные ориентиры ранних христианских общин, где люди были как братья и сёстры, последовательно выполняя библейские заповеди. А теперь, мол, люди ходят в храмы (которые Джонни именовал офисами корпорации под названием РПЦ) примерно так же, как всего несколько лет назад они ходили в райкомы и обкомы партии. Просто мода теперь изменилась.

Да, эти люди действительно верят в Бога. Ведь раз они от него хотят что-то получить, очевидно, они его не считают мифом или пустым местом. Однако Бог для них всего лишь что-то вроде большого и важного дядьки, которого они хотят привлечь на свою сторону. В подтверждение своих слов Джонни привёл одиозный гипотетический пример. Допустим, бык в малиновом пиджаке (БМП) заказал конкурента. Того завалили. БМП за бесценнок скупил собственность покойного. Перепродал втридорога. На часть вырученных средств построил храм. Пришёл туда, покался и был прощён. И такой цикл может повторяться

не один раз. Ему теперь всё можно. Ведь помимо мирской власти, которая им давно уже куплена, его крыша теперь – сам Господь Бог. Кому сейчас нужны раннехристианские идеалы честности и справедливости, когда происходит такое? – вопрошал Джонни.

К немалому удивлению Джонни, Марина не восприняла его тираду как оскорбление её религиозных чувств. Напротив, она заявила, что понимает, о чём говорит Джонни. И добавила, что настоящий Бог не продаётся и не покупается. И не живёт в храмах, которые превратились в офисы РПЦ. А ещё у Бога есть имя – Иегова. Она же, Марина, принадлежит к организации, которая проповедует людям подлинное слово Божие, записанное в Библии. Дабы у каждого была возможность спастись. «Блажен читающий и слушающий слова пророчества сего и соблюдающий написанное в нем, ибо время близко», - цитировала она Откровение Иоанна Богослова.

Джонни же настолько опешил от неожиданности, что только и смог пробормотать в ответ: очень интересно! Расскажи, пожалуйста, поподробнее! Марина ответила, что она с радостью ему расскажет. Однако если у него действительно серьёзный интерес, то ему лучше поговорить с одним из «братьев».

Джонни обычно не верил в маловероятные случайные совпадения. И, тем не менее, он не мог иначе объяснить, как через несколько минут после этих его слов в их компании оказался случайно проходивший мимо брат Николай. Николай ненавязчиво пригласил его на следующий день зайти в гости послушать про изучение Библии.

Джонни прекрасно понимал, что его втягивают в тоталитарную секту. И ему нужно было срочно принимать решение. Он понимал также, что если согласится, то потом отказаться будет уже значительно сложнее. Естественно, самым простым вариантом Джонни представлялось отказаться, распрощавшись с Колей и тем самым Мариной навсегда. Причём под правдивым и потому вполне обоснованным предлогом, что он неверующий. Однако неожиданно для себя Джонни подумал о том, что такой вариант, вероятно, не будет для него оптимальным. У него внезапно возникла идея о том, что у него появилась возможность непосредственно, изнутри, изучать, как секта поработает сознание человека. Он не раз думал о том, что вполне предсказуемо из четырех подруг именно Марина оказалась в секте. И что, наблюдая за другими членами секты и анализируя, что именно их привело в организацию, он сможет многое понять о психологии людей.

Таким образом, Джонни собирался сделать нечто подобное тому, что в своё время сделал Л. Фестингер и его сотрудники, принявшие участие в деятельности секты, возглавленной (по всей видимости, психотической) домохозяйкой Дороти Мартин. Эта секта также выдвигала чуть ли не на первый план актуальную эсхатологию. Впрочем, надо отдать должное её лидерам, они были умнее в том плане, что не назначали конкретных сроков, в соответствии с библейским «о дне же том и часе никто не знает». Конечно же, Джонни не располагал такими знаниями, как в своё время Л. Фестингер, да и вообще не знал, кто это такой. Но у него было сильное желание разобраться в том, что происходило у этих людей внутри черепных коробок. Кроме того, Джонни вдруг с ужасом подумал о том, что если сейчас попрощается с Мариной, то никогда больше не увидит и Ольгу, даже если та в итоге не поладит с тем парнем. В общем, Джонни обменялся с Колей и Мариной телефонами и договорился на следующий день прийти на собеседование с Колей.

Так Джонни начал официально изучать Библию в секте. Два раза в неделю они собирались на квартире у семейной пары активистов, а ещё один раз – на более широкое собрание в доме культуры, который секта арендовала специально для этой цели. Неотъемлемой частью каждого большого собрания была большая ёмкость для сбора пожертвований. Пожертвования отправлялись в руководящий орган секты под названием Сторожевая Вышка. Предполагалось, что средства использовались для «развития бизнеса»: на публикацию одноимённого журнала, а также ещё одного журнала под названием «Проснитесь»; организацию крупных мероприятий секты и т.д. Как говорится, ничего личного. Тем не менее, как уже тогда догадывался, а впоследствии узнал более достоверно Джонни, в отличие от членов раннехристианских общин, сидевшие в Сторожевой Вышке отнюдь не бедствовали уже по эту сторону Вечной Жизни.

Кроме того, само по себе такое название правящей группировки вызывало у Джонни некомфортные ассоциации с колючей проволокой и автоматчиками. Только в данном случае некие аналоги моральной колючей проволоки и автоматчиков словно имплантировались в мозг каждого прихожанина, ограничивая изнутри его свободу, контролируя его жизнь, и вообще фактически подчиняя её задаче служения интересам Секты. Ведь вклад прихожан в деятельность секты отнюдь не ограничивался жертвованиями и присутствием на собраниях. Придя в организацию, Джонни получил самый низший статус – «заинтересованный». Пройдя полный курс изучения Библии, а затем успешно сдав суровый экзамен, заинтересованный получал звание «брата». В обязанности сертифицированных братьев и сестёр входили ежедневные проповеди. Они ходили по домам от квартиры к квартире, пытаясь агитировать людей изучать Библию в их секте.

Что же заставляло этих людей жертвовать в пользу секты свои средства, которые у многих из них были весьма скудными? Более того, эти люди жертвовали в пользу секты большую часть своего личного времени. Но и награда за верное служение была поистине заманчива: вечная жизнь вечно молодом телесном облике на Новой Земле. А что могло быть привлекательнее для невротика Джонни с его постоянным страхом смерти? К тому же его экзистенциальная тревога значительно усугублялась осознанием того, что по причине очень плохого здоровья жизнь его будет короткой.

Но Джонни был неверующим. Так что его в любом случае ждала перспектива, как того атеиста в гробу, которого нарядили, а идти ему некуда! Даже хуже! Кому он нужен будет на хрен наряжать его? Если он при жизни не был нужен никому! Чужие люди распорядятся сжечь то, что осталось от него, чтобы от него как можно скорее осталось как можно меньше. Потом уже в таком виде уберут его останки под землю, и про него никто и никогда не будет вспоминать, что он вообще когда-то жил.

У тех же, кто ходил в секту, была вера. И они, наверное, на что-то надеялись. Даже несмотря на то, что здесь было «много званых, но мало избранных». В самом деле, согласно учению секты, после второго пришествия Иисуса Христа вечную жизнь унаследуют лишь сто сорок четыре тысячи праведников. Остальных же просто сгребут, словно сор, в яму вечного небытия. Здесь важно отметить, что при этом предполагалось, что всё уже к тому идёт, что Армагеддон наступит до того, как большинство живших тогда людей умрёт «своим ходом». То есть они не умрут просто от болезней и старости, но драматически встретят финал своей жизни, который совпадёт с тотальным концом света. С концом того нечестивого мира, который населяют все ныне живущие.

От таких пророчеств (хотя он в них и не верил) Джонни становилось немного не по себе, и он задавался вопросом: чем же так насолил мир этим людям, что они не просто хотят вечной жизни для себя, но чтобы всех остальных при этом стёрли с лица земли?

Очень показательными в этом плане представлялись ему жизненные истории Любви и Надежды – двух главных активисток того отделения секты, где он оказался. У обеих в анамнезе были тяжёлые психические травмы. У Любви её единственная любимая дочь, по словам Любви, практически никогда ничем не болевшая, скоропостижно умерла от острой сердечной недостаточности за день до своей свадьбы в возрасте двадцати с небольшим лет. По словам Марины, в семье у Надежды также случилась подобная катастрофа. Однако, в отличие от Любви, она об этом никогда не говорила с рядовыми членами общины.

Любовь была приветливой и жизнерадостной. И это при том, что весь смысл её земного существования сводился к служению секте (которое она, естественно, рассматривала как служение Господу), которое должно было открыть для неё и её безвременной умершей дочери врата вечной жизни. Естественно, Джонни не решился поинтересоваться у Любви, как она может надеяться на попадание её дочери в рай земной, если та не состояла в секте. Ему просто было очень жаль эту женщину, о которой он цинично думал: блажен, кто верует.

Надежда же была суровой, угрюмой и скрытной женщиной. Она не намеревалась откровенничать с простыми, возможно, вообще случайными, участниками секты. Особенно если они даже не полноценные участники ещё, не братья и сёстры, а пока всего лишь заинтересованные. Её общение с ними сводилось к тому, что она резким тоном, типа для их же блага, наставляла их, как нужно служить Господу, и в какую сторону направлять свои помыслы.

Наблюдая Любовь и Надежду, Джонни не мог не отметить для себя как курьёз, что в таком месте непременно должна была присутствовать Вера. И Вера действительно была в этом отделении секты, просто он даже не заметил её сразу – настолько она отличалась от бойких, деятельных Любви и Надежды. Вера была робкая и забитая архетипическая «терпила». Она жила с мужем – алкоголиком, который, как и многие алкоголики, был архетипическим неудачником. И, как и подобает неудачнику, его жизнь была переполнена фрустрациями, которые находили своё отражение на лице у Веры в виде побоев. Вера же, как и полагается терпиле, по большей части терпела молча, лишь изредка всхлипывая и подставляя другую щеку.

В связи с такой печальной ситуацией у Веры, несколько минут перед собранием и сразу после собрания местной общины обычно бывали посвящены консультации, которую давал Вере чуть не каждый желающий. Точнее, желающая, т.к. подавляющее большинство прихожан составляли женщины. Консультация эта была не психологической, а скорее теологической. И сводилась она в основном к тому, что Веру призывали молиться и звать к Иегове.

По словам Веры, это производило неоднозначный эффект. Иногда, чуть слышав её молитву, которую Вера бормотала себе под нос, её муж шарахался от неё, как от зачумлённой. В других же случаях, напротив, её молитва приводила его в исступление, и он принимался избивать её с удвоенной силой. Примечательно, что во втором случае Вере указывали на то, что, вероятно, Иегова не услышал её, т.к. в её молитве было недостаточно веры.

Как ни странно, практически никто при этом не упоминал возможность развода с мужем. Разве что после каждого такого рассказа уже на собрании специально молились за тех, кто живёт в «разделённых семьях». Под разделённой семьёй при этом понималась такая, где один из супругов (обычно жена) был Свидетелем, а другой – нет. И, естественно, участника (точнее, обычно участницу) общины всячески заставляли не только принимать участие в различных аспектах деятельности организации, но и всеми силами склонять свою «неверную» половину к вступлению в секту. А это, конечно же, приводило к нагнетанию и без того непростой обстановки в семье. Таким образом, разделённая семья становилась ещё более разделённой.

Джонни не мог не обратить внимания на то, что секта всячески старалась изолировать человека от родных, близких и друзей, оставив его без поддержки, которую, в случае чего, он мог бы получить за пределами организации. Примечательно, что самым суровым наказанием в секте было «лишение общения». Узнав о нём впервые, привыкший к беспросветному одиночеству Джонни не воспринял его всерьёз. Мол, не

хотите общаться – ну и хрен с Вами. Однако впоследствии был вынужден пересмотреть своё видение влияния этой меры на прихожан, наблюдая, до какого состояния их доводило её применение.

Стоит отметить, что в вопросах семьи и брака секта занимала крайне реакционную позицию. Так, фактически проповедовалась установка о том, что место женщины – кухня и спальня. А ещё – служение Господу. Ведь именно женщины были кроткими рядовыми агитационного фронта секты. Именно они тянули на своих хрупких плечах набор «заинтересованных» рекрутов. На них обрушивался многоэтажный мат, а то и прямые угрозы физической расправы со стороны жильцов, открывавших (или не открывавших) им двери, когда они ходили от квартиры к квартире, предлагая изучать Библию. При всём при этом женщины в собраниях не имели права решающего голоса. «Жены ваши в церквях да молчат; ибо не позволено им говорить», - писал апостол Павел в 1-м послании Коринфянам.

Впрочем, реакционность секты проявлялась не только в отношении к женщинам. Позиция относительно мирской власти формулировалась так: «отдавайте кесарю – кесарево». Это подразумевало, что какой бы ни была власть, свидетель должен был её безмолвно терпеть, ибо «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение». (Рим. 13:1-2)

Джонни не мог тогда не подумать о том, что такая позиция очень удобна власти. И действительно, в том тревожном 1993 году, когда по праздникам совершались побоища на центральных улицах и площадях, достигшие своей кульминации в период разгона Верховного Совета, Свидетелей не трогали. Их пнули лишь несколько лет спустя, когда в стране уже было Всё Путём, и их потусторонние верования шли вразрез с господствующей в стране религией наживы и потребления.

Из других аспектов верований свидетелей, Джонни находил также весьма деструктивным воинствующий антивампиризм. Их каноны, ссылаясь на цитаты из Библии, запрещали потребление чужой крови в любом виде, даже при переливании. Было ясно, что такой подход чреват многочисленными смертями больных, включая детей, чью судьбу трагически решали родители – иеговисты, отказываясь от спасающего жизнь медицинского вмешательства.

Несмотря на перечисленные обстоятельства, Джонни умудрился даже найти для себя положительные моменты в деятельности секты. Так, к примеру, он очень хорошо знал из собственного болезненного опыта, как относились к нему обычные, «мирские» девушки. Быстро оценив его как «просто никакого» парня, они лишь проходили мимо, бросая в его сторону презрительно-надменные взгляды. И лишь иногда могли спросить: а где ребята? Джонни же бесила такая постановка вопроса, т.к. за ней он отчётливо видел, что его самого по себе вообще не воспринимают всерьёз. И Джонни отвечал с вызовом, вопросом на вопрос:

- А я вот тут. Я тебя не устраиваю, да?

- Да как тебе сказать...

Вот и поговорили,- с горечью думал Джонни. И более не пытался наладить контакт с этими девицами со двора.

Иначе обстояли дела с девушками из секты. Разумеется, они также не смотрели на него, как на парня. Как на человека, за которого они однажды хотели бы выйти замуж. Даже Марина. А у Марины был мало того что явно избыточный вес, да ещё и такая внешность... Как говорила её подруга Ольга, на любителя. А потом прибавляла, словно стараясь выместить на несчастной подруге весь тот дискомфорт, который ей доводилось испытывать по её вине в мужских компаниях: «на очень большого любителя».

Однажды в разговоре Джонни с Мариной речь зашла о том, что у неё никогда не было парня. Тогда Джонни не нашёл ничего умнее, чем спросить: что, принца ждала? -Да. Не тебя ждала, извини,- ответила Марина. Эта её реплика просто взбесила Джонни. Даже этот перекормленный крокодил (как называл он про себя в те минуты гнева и обиды Марину) не преминул указать мне, что я далеко не принц!- озлобленно думал он про себя.

Впрочем, в связи с этой ситуацией Джонни обнаружил также два момента, из-за которых он был готов скорее пожалеть Марину, нежели злиться. Во-первых, он обратил внимание, как, заметив ему, что она ждала не его, Марина добавила: извини. Даже если смотреть на это просто как на форму вежливости, Джонни не мог не отметить для себя, что они одной девице из его подворотни и в голову бы не пришло извиняться за такое.

Ещё более показательной представлялась ему ситуация с парнем, который был для Марины несравненно лучшим приближением к принцу, нежели сам Джонни. Привыкший украдкой глазеть на красавиц (именно так – ничего другого ему, очевидно, не позволяли) Джонни недоумевал, что такой привлекательный парень мог найти в Марине. Ведь он, несомненно, нравился многим девушкам. И в то же время проявлял настойчивый интерес к Марине. Однажды даже приезжал к ней в гости. И, тем не менее, им было не суждено быть вместе.

Вначале Джонни находил эту ситуацию просто абсурдной. Ведь Женя нравился Марине, а Марина нравилась Жене. И всё упиралось лишь в то, что, сколько Марина его ни уговаривала, Женя никак не хотел вступать в секту. Он считал себя нормальным русским парнем, православным христианином. Который хотя и не ходил в церковь каждое воскресенье, но хотел однажды прийти туда со своей девушкой и обвенчаться. А потом крестить там своих детей. В храме той самой Русской Православной Церкви, где, как научили

Марину в секте, Бог не живёт. Марина же, как бы ей ни нравился Женя, не хотела создавать изначально разделённую семью. Да и не могла этого сделать, повинуясь правилам секты.

Такое поведение Марины вначале показалось Джонни абсурдным, вопиюще неадаптивным. В самом деле, на основе общения с ней (к тому моменту уже достаточно продолжительного) у него сложилось впечатление, что изначально вступление Марины в секту было своего рода бегством. Бегством от реального мира сверстников, считавшего её жирной и уродливой, в мир людей, которые хотя и не живут особо реальной полноценной жизнью, зато принимают Марину такой, какая она есть. Но вот теперь нашёлся этот замечательный молодой человек Евгений, который, несомненно, нравится многим девушкам, и тем не менее из всех девушек выбрал именно Марину. И готов принять её такой, какая она есть. А она сама теперь словно бежит от реальной жизни, от своего шанса на осязаемое человеческое, женское счастье. Зачем она так делает?

Позиция Марины в это вопросе представилась Джонни значительно более понятной, когда он посмотрел на происходящее с несколько иной стороны. Допустим, Марина бросила всё и упала в объятия Жени. А он её бросил. И что тогда будет? А тогда будет плач и скрежет зубов! Нет-нет, конечно же, Женя – серьёзный, ответственный парень. Но он нравится многим девушкам. И как будут складываться его отношения с Мариной после того, как одна из них его соблазнит? Тупо затащит в кровать. И Женя поймёт, точнее, почувствует нутром, что она делает ЭТО лучше, чем Марина. Которая, небось, просто пассивно завалится на спину, раздвинет заплывшие жиром ляжки, и будет Богу молиться. Наверное, изменяя ей, Женя будет чувствовать, что поступает неправильно, не по-божески. Однако, как говорится, сердцу не прикажешь, а окаянному отростку тем более!

А если бы Женя вступил в секту, и активно включился бы в её работу, т.е. в служение, взял на себя соответствующие обязательства, это давало бы Марине эффективный инструмент давления на него в случае «если что». Как произошло с той несчастной женщиной Людой, которую лишили общения. Хотя было совершенно ясно, что ни при каких обстоятельствах Женя не стал бы, наверное, столь же уязвимым.

У Джонни болезненно сжималось сердце, когда он вспоминал про Люду. Подобно Вере, она жила в «разделённой семье» и регулярно терпела побои мужа – алкоголика. Показательно, что, как и в случае с Верой, ей никто не говорил: разводишься. Вероятно, предполагалось, что у мужа такая же власть в семье, как у кесаря в государстве (на тот момент роль кесаря исполнял Ельцин Борис Николаевич, в дальнейшем сокращённо ЕБН). Очевидно, пьяному мужу надо подчиняться, как и пьяному кесарю, – цинично интерпретировал эту ситуацию Джонни.

В отличие от Веры, однако, Люда не хотела сдаваться. Видимо, ей нестерпимо хотелось быть кому-то нужной, получить хотя бы кусочек женского счастья, даже если для этого нужно было отхватить от чужого. Ей удалось на короткое время найти себе мужчину, правда, как и она, состоявшего в не очень счастливым браке.

В скором времени, однако, она сильно раскаялась. То ли ему сама близость не понравилась, то ли взяли верх какие-то прагматические соображения, но мужчина довольно быстро решил вернуться в лоно семьи. Люда стала всё больше интерпретировать происшедшее в свете своих религиозных убеждений. Мол, дьяволом ей было послано искушение, перед которым она не смогла устоять. Исполненная сожалением о своём поступке, в отчаянии после большого собрания она покаялась одному из Старших Братьев. Который наложил на неё взыскание – лишение общения. Теперь она оказалась мало того что без работы, которую она никак не могла найти, а также фактически без денег, так ещё и без единой души, с кем она могла поговорить – все её социальные контакты были в секте. Теперь же в наказание за адюльтер секта оставила её наедине с часто пьяным и практически всегда агрессивным мужем.

Больше Джонни эту Люду не видел. Слышал только разговоры женщин общины о том, что она в отчаянии наложила на себя руки. Однако поскольку это были всего лишь слухи, он так и не смог их подтвердить или опровергнуть на 100%. В результате, как свойственно невротикам, он решил для себя, что имел место самый трагический вариант. При этом часто думал об этом и очень сожалел, что так сложилась судьба несчастной женщины, как бы аморально она себя ни вела.

Вероятно, эта история подействовала и на Марину. Вскоре после новостей о развязке истории с Людой, после очередной настойчивой, но безуспешной попытки обратить Женю в секту, она сказала окончательное нет Жене, и прекратила с ним все контакты. Потому что, как уже было отмечено выше, в Жене она не могла быть уверена, что всегда будет нужна ему. Зато она могла быть уверена в том, что всегда будет нужна секте. Ведь благодаря ей и таким, как она, не пересыхает поток средств, текущий в сторону сторожевой вышки.

Хотя, как уже отмечалось, Джонни не мог надеяться на отношения с кем-либо из девушек секты, тем не менее, у него сложилось хорошее дружеское общение с некоторыми из них. Они много говорили на философские темы: о религии, о жизни, о том, как устроен мир и о многом другом. Девушки с интересом слушали его, когда он разглагольствовал об истории, о корнях христианства. Была даже девушка по имени Света, которая проявляла к нему особенный интерес. Впервые Джонни обратил внимание на это обстоятельство, когда однажды он прогулял местное собрание секты. У него была как бы даже уважительная причина – ячмень на глазу, с которым ему было неловко там показаться. Однако в тот же день ему пришлось идти в магазин за продуктами, т.к. он не хотел сидеть голодным. И так уж получилось, что по дороге он встретил Свету, которая принялась допытываться у него, почему он не явился на собрание.

Вначале Джонни стал даже злиться на неё, правда, стараясь это особо не показывать. Мол, какое ей дело, он что, обязан отчитаться? Однако Света так приветливо смотрела на него и так улыбалась ему, что Джонни вдруг почувствовал, что у него не было больше сил на неё злиться. И он вдруг осознал, что она просто опасалась, что Джонни мог забыть на секту (ввиду его взглядов, озвученных им в разговорах с ней, это могло представляться ей вполне логичным), и тогда они больше не увидят друг друга. А ещё как-то, когда они возвращались с большого собрания, она даже специально отклонилась далеко от дороги, по которой она обычно шла домой, чтобы ещё какое-то время идти рядом с ним.

С одной стороны, ему был очень приятен неподдельный интерес со стороны этой, несомненно, удивительной девушки. Он понимал, точнее, как-то интуитивно ощущал, что было в ней что-то необычное. Практически все остальные (если не считать серьёзных психических травм или тенденции быть жертвой у некоторых, приведших их в секту), во всём существенном были простыми обывателями, с типично мещанскими взглядами на жизнь. Это отчётливо проявлялось в разговорах на бытовые темы, когда таковые возникали. Так, однажды, уже после того, как Джонни дезертировал из секты, Джонни встретил на улице Любу. А та с каким-то злорадным торжеством рассказала ему, что «Ира вышла замуж за бизнесмена». Та самая Ира, на которую Джонни то и дело так мечтательно пялился на собраниях по изучению Священного писания. В рассказе Любы Джонни словно почувствовал ехидный намёк: ты никогда не станешь бизнесменом. У тебя никогда не будет такой девушки.

Не желая оставлять без комментария показавшуюся ему неприятной новость, Джонни спросил: ну и как? Любит она его? Счастлива? Люба же в ответ лишь посмотрела на Джонни, словно на зачумлённого. Мол, разве может не быть счастливой и не любить своего мужа девушка, которая вышла замуж за Бизнесмена. Даже если бизнес его состоял в том, что он был арендатором занюханного ларька, - строил про себя циничные предположения Джонни.

Но Света была не такой, и Джонни хорошо это чувствовал. Было в ней какое-то глубокое внутреннее содержание, напрочь отсутствовавшее у всех этих клуш. Что же делает она в этой религиозной организации? Какие духовные искания привели её сюда? Джонни мучительно искал и не находил ответы на эти вопросы.

С другой же стороны, в сложившейся ситуации интерес Светы к нему лишь осложнял для Джонни побег из секты. Ведь такой побег неизбежно подразумевал, что его контакты со Светой прекратятся навсегда. И, тем не менее, ему было необходимо покинуть секту. Джонни завершил полный курс изучения Библии, после чего ему предстояло сдать трудный экзамен на знание материала. И в случае успешной сдачи экзамена приступить к хождению по квартирам с проповедями.

Джонни долго и нервно релетировал объяснительную речь, после чего, к собственному удивлению, набрался смелости, позвонил Николаю и сказал, что больше не придёт, и соответственно экзамен сдавать не будет. К огромному изумлению Джонни, Николай отреагировал сравнительно спокойно, словно он давно ожидал от Джонни подобного заявления, и просто поинтересовался, какова причина такого решения. Тогда Джонни воспроизвёл выученный заранее ответ, согласно которому он не готов проповедовать то, во что сам особо не верит. Реакция Николая просто потрясла его. Хотя это и не было сказано прямо, фактически выяснялось, что Николай и сам-то не особенно верует, и, тем не менее, осознанно выбрал служение в секте. Распрощавшись с Николаем, обалдевший Джонни обратился за разъяснениями к Марине.

Марину, однако же, согласно её признанию, больше всего удивляла не ситуация Николая, а позиция самого Джонни. Верившего в Большой взрыв, которого никто не видел и не увидит. И в эволюцию человека из обезьяны, которую, опять-таки, никто не наблюдал. А потому, по мнению Марины, то и другое могли быть для Джонни лишь предметом веры, подобно её вере в Иегову. Только вера Джонни не давала ему ни надежды на вечную жизнь, ни покоя и душевной гармонии. Его свободомыслие приносило ему лишь беспросветное, отчаянное одиночество среди людей, не желавших его принимать. И всё ради чего? Во имя каких-то абстрактных, бездушных идей. А людей, которые его готовы были принять, он отталкивал. Видите ли, он находил слишком стеснительными условия, подразумевавшие безропотное служение тому, что Джонни воспринимал как тоталитарную секту.

В этом отношении позитивным примером для Марины представлялся Николай. Марина считала, что секта поставила брата Колю на путь духовного возрождения. По её словам, до вступления в секту главная мысль Николая была о том, чтобы убить собственного отца. Его родители жили на Украине. Потеряв работу с приходом новой власти, отец запил. Поколачивал жену – мать Николая. Жить было практически не на что. Придя в секту, Николай нал смотреть на это всё иначе. Нашёл новую работу. Стал помогать матери деньгами. Несмотря на несправедливые условия оплаты труда, он стиснул зубы, стал вставать раньше и работать больше. И старался не роптать – ведь его работодатель был от Бога. Это бесило его коллег, считавших его штрейкбрехером. И вообще он был для них «не наш человек, предатель, жополиз, вражья морда». Собирались даже его избить. Этому, однако, препятствовало то обстоятельство, что никто не хотел быть уволенным за нанесение телесных повреждений лучшему работнику. У Николая, однако, была своя версия: «я молюсь, и Иегова меня бережёт».

Всё свободное время Николая, если его можно было назвать таковым, проходило в служении секте. Он жил на квартире у Любы и её мужа Анатолия. Хотя формально он не платил им за аренду жилья, фактически он отдавал в их совместный бюджет всю свою зарплату, значительно превосходящую пенсии Анатолия и Любы, взятые вместе. Таким образом, Николай находился здесь фактически на положении

батрака, однако нисколько не сожалел об этом. В лице Анатолия и Любы он нашёл свою новую, духовную семью, которая стала ему несоизмеримо ближе собственных родителей.

Конечно же, на тот момент, когда Джонни покидал секту, у него оставались ещё нерешенные вопросы, даже загадки. Главная из них заключалась в его стремлении понять, что же привлекло в секту милых девушек (помимо Марины и её сестры, с которыми было более или менее ясно), с которыми он общался. Наиболее же яркая интрига была связана с девушкой, которую Джонни видел всего один раз, и которой сразу же был очарован. Это произошло на большом собрании, посвящённом сектантскому аналогу пасхи или чему-то в этом роде. Джонни, окидывавший скучающим взглядом присутствующих, был неожиданно поражён ослепительной красотой этой девушки. От Марины ему удалось добиться лишь обмолвки о том, что это дочь одной из главных активисток большого собрания, вхожей в общество, как называл их Джонни, Старших братьев, т.е. руководителей регионального подразделения секты. Но зачем она явилась сюда? Эта мысль не давала Джонни покоя, и он решил поискать ответ на этот вопрос самостоятельно при помощи подслушивания – благо ему было не впервой этим заниматься. Тем более что Марина, словно уловив ход его мыслей, выражала активное нежелание ему помогать, даже вполне понятное с её стороны враждебное отношение к этой девице. Здесь следует отметить, что и у самого Джонни было неоднозначное отношение к ослепительно красивым женщинам. С одной стороны, они радовали его взор, а потому, будь у него такая возможность (реально же получалось лишь украдкой), он бы пялился на них часами, не отводя глаз. С другой, когда он думал о том, что ни одна из них никогда не будет его девушкой, а будет принадлежать более успешному мужчине; когда он отчётливо представлял себе, как любая из них воспримет его, он начинал просто дымиться от злости. Вот и на сей раз понятная и предсказуемая реакция Марины спровоцировала у него приступ подобного восприятия. И он думал рассерженно: интересно, что эта будущая содержанка нового русского здесь забыла? Какие духовные искания на какое место себе её привели сюда?

Ситуация немного прояснилась благодаря подслушиванию. Мать этой девки отчиталась перед высокопоставленными братьями о том, что ей удалось-таки привести своё чадо. Интересный штрих к этой картине добавил уже из разговора мамаша со своей дочкой. Выяснилось, что мать фактически купила приход дочери на собрание, пообещав ей ценные подарки за то, что та явится. Но зачем? Какой смысл? Обмануть Господа Бога? Не выйдет!.. Джонни терялся в догадках, с какой целью эта мамаша притащила свою кралу. Не придумав более вероятной версии, он стал считать, что это было сделано, чтобы «вдохновлять» братьев. Мол, посмотрите какие у нас здесь райские девушки! Если хорошо постараетесь – вас ждёт вечная жизнь рядом с такой. Такая интерпретация добавляла новый, пикантный колорит к его восприятию секты.

Так или иначе, Джонни навсегда покинул секту, сделав для себя выводы о том, как некоторые люди используют проблемы и духовные искания других в своих чисто мирских интересах. И сказал себе, что не будет лохом, не позволит вот так себя использовать.

Правда, в одной ситуации такая его решимость всё же дала сбой. Понаблюдав за ростом акций, они с мамой вложили все имевшиеся у них деньги, чуть ли не до последней копейки, в МММ. Каждый день Джонни жадно слушал про рост акций, мечтал о том, как разбогатеет, что он сможет себе купить... Однажды, слушая новости, он насторожился и понял, что с МММ дело запахло жареным. Стал собираться ехать сдавать билеты МММ и получать деньги. Однако в тот день лень и жажда халявы взяли верх. А на следующий день лавочка закрылась, и Джонни потерял практически все вложенные средства.

Однако, как ни удивительно, тогда он не расстроился по этому поводу очень сильно. А лишь сделал для себя определённые выводы. Главный из которых состоял в том, что для того, чтобы преуспеть в условиях суровой действительности, сложившейся в стране после антисоветского переворота, нельзя быть добрым и доверчивым. Нужно лгать людям направо и налево, не стыдиться обманывать их. Нужно стать жёстким, даже жестоким. Уметь принуждать людей. Если позволяют силовые ресурсы, с применением угроз, а то и прямого физического насилия.

Конечно же, Джонни тогда ещё ничего не знал о психопатах. Однако годы спустя, глядя по зомбоящику на наглую морду Мавроди, обвиняемого в «Мошенничестве в крупных размерах и хищении чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием», Джонни не мог не подумать о наличии у него социально опасной патологии личности. Этот мошенник, обокравший значительную часть населения страны, ни в чём не раскаивался и не проявлял ни малейшего сострадания к людям, которых пустил по миру.

Впрочем, в суровую эпоху 90х, да и двухтысячных годов, его поведение не было чем-то из ряда вон выходящим. Так, в лихие 90-е знаменем времени были напёрсточники, паразитировавшие на доверии наивных граждан, почему-то веривших в свою удачу. Вечером же, включая ТВ и наблюдая господина Чубайса, вещавшего про приватизацию, Джонни не мог не думать о том, что у торговых центров, нервных озираясь по сторонам, стоят лишь мелкие сошки. А есть в этой стране напёрсточники и покрупнее, которых не так просто привлечь за содеянное.

Таким образом, Джонни прекрасно отдавал себе отчёт, что, исходя из личностных факторов, таких как честность, доброта и практически безграничное доверие людям, ему не светило разбогатеть в этой стране. А в другую его никто не звал, да и стрёмно как-то было. Тем не менее, понимая, что ему не суждено стать богатым, он тогда ещё не оставлял честолюбивой надежды когда-нибудь стать знаменитым. Считая себя умным, постоянно думающим парнем, он мечтал сделать какое-нибудь открытие, которое изменит

жизнь человечества к лучшему. Однако на тот момент он не только не придумал, как это реализовать, но его даже ни в один институт так и не взяли учиться бесплатно. А за деньги... у него просто их не было! В итоге, так и пришлось ему в молодости прозябать в неизвестности. Да и потом тоже... Но, даже не получив никакого формального образования, он сумел сделать правильный вывод о том, что мир полон мошенников и прочего воря, всячески стремящегося использовать порядочных и доверчивых людей.

Больные люди как источник дохода

К сожалению, далеко не все сумели сделать такой вывод. К числу не сумевших, увы, относилась и его мама. Бабка всю жизнь (да-да, именно всю жизнь, до собственной глубокой старости) растила свою дочь послушной. И это, словно проклятие, наложило тяжёлый отпечаток на всю жизнь дочери. Впрочем, в организационном плане ей удавалось на какое-то время вырываться из-под неусыпного контроля бабки и деда. Даже настолько, чтобы принести в подоле самого Джонни. Однако, несмотря на это, ей так и не суждено было обрести умение самостоятельно критически мыслить, хотя она и считала себя наделённой таким умением.

Под неусыпным контролем родителей (впоследствии бабки и деда Джонни) в школе и институте Ирина (мама Джонни) была прилежной ученицей. И только четвёрка по физкультуре помешала ей окончить школу с золотой медалью. В институте же камнем преткновения на пути к красному диплому стали партийно-идеологические дисциплины, в которых она так и не сумела увидеть глубокого смысла и содержания, сколько ни пыталась.

По окончании института Ирину распределили в Институт электронагревательного оборудования, где она и проработала всю свою трудовую жизнь. Там она стала не менее старательным и исполнительным работником, нежели до этого была ученицей и студенткой. Этим не преминули воспользоваться не только её руководители, но и наиболее хитрые и практичные коллеги, всеми правдами и неправдами вешавшие на неё свою наиболее трудную и нудную работу. В результате, чувствуя себя постоянно перегруженной и растеряв былой энтузиазм, Ирина испытывала мало положительных эмоций на работе. А потому ещё даже до рождения Джонни она фактически жила от выходных до выходных.

Выходные же Ирина стремилась проводить на природе, вдали от шумного города. С этой целью она либо выезжала на электричке в Подмосковье с другими представителями советской научно-технической интеллигенции в походы выходного дня, либо просто гуляла с родителями или знакомыми в ближайшем лесопарке. Отпуск же она посвящала путешествиям. Каждый год она выезжала на туристическую базу, в дом отдыха или санаторий, знакомясь с новым уголком шестой части суши. Её мечтой было объехать весь мир, однако на этом пути ей встретились серьёзные административные препятствия. Ирину пустили только в социалистические страны: Болгарию и Чехословакию. И даже для этого ей пришлось ответить на массу вопросов о причинах её беспартийности, а также на значительно более болезненные вопросы о моральном облике и о том, что может вырасти из её ребёнка без отца.

Как следствие, у Ирины, как и у многих других советских граждан, копилась обида на Систему. Когда же система уже основательно сгорбилась, обида вылилась на улицу. Под руководством ЕБН и прочих «дерьмократов» проходили демонстрации подобных Ирине младших научных сотрудников с плакатиками «Дайте нам свободу». Как и следовало ожидать, с приходом ЕБН к власти свободу им дали, позакрывав институты. Это во многом выбило у Ирины почву из-под ног. То, чему она отдавала большую часть своих сил и времени на протяжении более чем трёх десятилетий, рухнуло в одночасье. Да, у неё появилось много свободного времени. Но вместе с ним образовалась пустота. К тому же, морально Ирине очень трудно было смириться с тем, что результаты всех её трудов пошли коту под хвост. Теперь на первом этаже здания её некогда родного института продавали джипы для перевозки быков, а на других этажах того же здания – дорогую импортную сантехнику для тех же самых новых русских.

Ирине нужно было чем-то заполнить образовавшуюся пустоту. И она начала духовные искания. Эти поиски привели её к увлечению учением слепого пророка из Страны восходящего солнца. Она с восхищением говорила о том, что лишь теперь, после выхода на пенсию, ей открылся Свет Истины. И принималась дальше изучать учение Просветлённого. Её не смущало даже то, что маленькая брошюрка, излагавшая священное учение, обошла её фактически дороже, чем если бы она решила приобрести Большую Советскую энциклопедию у спекулянтов, самых прожжённых барыг. Последние, кстати, почему-то имели обыкновение гордо величать себя даже уже не букинистами, а «коллекционерами». Ещё бы энтузиастами себя назвали, блин, - цинично думал Джонни.

Однако такое сравнение с торгашами в более традиционном понимании этого слова позволило ему ещё более отчётливо увидеть пророка в подлинной перспективе. Его мама, однако, категорически отказывалась воспринимать его позицию. Когда Джонни деликатно указал ей на упомянутое выше ценовое сравнение с БСЭ, мама оскорбленным тоном заявила, что вся БСЭ и близко не содержит той великой мудрости, что открылась ей при знакомстве с трактатом Учителя. И вообще ей каких-то денег, даже последних оставшихся у неё, не жалко для такого святого человека. Как не жалко было ей денег и на магнитофонную кассету с жуткой какофонией звуков, которую она почему-то называла «священной музыкой». Естественно, Джонни не мог не подумать озлобленно, что за эти деньги можно было купить

целый блок из десяти кассет, а потом на каждую из них записать музыку «от корки до корки» в самой дорогой студии звукозаписи.

Мама продолжала верить пророку даже после того, как стало известно, что он организовал химическую атаку в токийском метро с применением боевого нервнопаралитического газа (точнее, легко испаряющейся жидкости) зарина, примерно в пятьсот раз превосходящего по токсичности цианид калия («цианистый калий»). Мама упорно рационализировала это так, что завистники и недоброжелатели пытались очернить и оклеветать великого учителя.

Правда, после того как лавочку (российское отделение Аум Синрикё) прикрыли, Ирина быстро успокоилась. И длительное время не пыталась примкнуть к какой-либо секте, хотя время от времени посещала ознакомительные занятия то в одном, то в другом месте.

Тем не менее, последние несколько лет своей жизни она принялась активно изучать Каббалу. Джонни в этом больше всего поразило то, что его мама называла Каббалу наукой. Впрочем, вероятно, её просто там так научили. Ему же трудно было понять, где здесь начиналась наука. Ведь тут не было ни показометров и показографов как в физике, ни экспериментальных и контрольных групп как в медицине или социальных дисциплинах типа психологии. Здесь же всё было построено в основном на умозрительных рассуждениях, по сути, одного человека – автора рассматриваемой религиозной или религиозно-философской концепции.

Более того, Джонни не мог не отметить для себя, что, начав заниматься в этой секте, его мама стала занимать всё более реально антиинтеллектуальную, антинаучную позицию. Она клеймила генную инженерию, интернет и компьютерные игры, а также мобильные телефоны. По её мнению, толкаемые материальной выгодой и любопытством, люди напрасно пытались совать свой нос туда, куда им не положено. И бывали за это наказаны Высшими Силами.

Джонни не был уверен в том, что такова официальная позиция секты, а не самовольная интерпретация его мамы. И, тем не менее, он понимал, как это используется теми, кто делал состояние на самом ценном, что есть у человека, – его здоровье. Ведь если медицина не могла на основании эксперимента познать закономерности устройства человеческого организма, больного или здорового, то получалось, что это доступно лишь тем, кто наделён этим даром свыше. И маму эти «одарённые» давно уже начали обирать.

Первый такой эпизод, невольным участником которого стал Джонни, случился в начале 1980 года. Именно тогда мама, утомлённая его очень частыми простудами, потащила Джонни к культовой тётке, проповедовавшей собственную систему «дыхательной гимнастики». Однако, хотя Джонни изначально был категорически против поездки и гимнастики, сопротивляться у него, как всегда, не получилось. Когда они приехали туда с мамой, Джонни быстро осознал, что он ещё и против самой тётки. Во-первых, ему не понравилась очередь. Он совершенно не ожидал, что будет такое паломничество. От нечего делать, он разглядывал обстановку. И не мог не заметить с некоторым озлоблением, что обстановка эта была куда более шикарной, нежели дома у его мамы и других обычных советских граждан. Естественно, даже будучи тогда ещё только первоклассником, Джонни не мог не сообразить, что деньги на эту обстановку были собраны с таких же, как его мама, наивных людей. Пришедших к этой женщине со своей последней надеждой.

Впоследствии, уже став старше, и мысленно не раз возвращаясь к той сцене, Джонни невольно думал о том, что эта женщина орудовала по принципу, характерному для многих религиозных организаций, также продающих призрачные иллюзии. Ведь если бы эта женщина действительно хотела действовать по-хорошему, по науке, что мешало взять две группы пациентов, по возможности выровненных по прочим показателям, и с одной проводить занятия её гимнастикой? А другая группа была бы контрольной, без гимнастики. Потом по результатам опубликовать подробный отчёт, из которого была бы видна реальная эффективность. Если, конечно же, она бы наблюдалась. И в случае подтверждения эффективности, можно было бы открыть курсы, поставить дело на поток, чтобы страждущие махали руками, делая вдохи-выдохи чуть ли не в каждом кабинете ЛФК. Но нет, что-то не стремилась эта женщина... Видимо, что-то здесь было нечисто. Да и сама женщина, грубо и снисходительно отчитывавшая его за то, что он тупил, была ему неприятна.

К счастью, советская власть тогда ещё была достаточно сильна. И хотя она не могла полностью искоренить шарлатанов, по крайней мере, она по большей части держала их в подполье. А потому мама стала основательно донимать его визитами к «экстрасексам» лишь во второй половине 80-х, когда политическая система уже основательно сгорбилась. Ну а потом Джонни вырос и стал сам уже решать за себя.

Что же касается мамы, то в 90-е годы она уже была в пенсионном возрасте, что неизбежно должно было принести проблемы со здоровьем. Ирина, мама Джонни, почувствовала недомогание после того, как в июне 1997 умерла её мать, бабка Джонни. Бабка чувствовала себя достаточно бодро, была довольно подвижной, и много гуляла даже пару месяцев спустя после своего 85-летия. Однако в начале весны она поскользнулась на льду и сломала шейку бедра. В больницу её не брали и операцию не делали по причине возраста. По-видимому, ограничение подвижности способствовало полномасштабному развитию и быстрому прогрессированию сосудистой деменции, возникшей у неё на почве атеросклероза. Естественно, Ирине приходилось ухаживать дома за ней.

После быстрого угасания и смерти матери Ирина оказалась в непривычной для себя ситуации: ей нужно было три раза в день готовить еду, себе и Джонни. А также заниматься прочими хозяйственными заботами, которые Джонни был готов разделить с ней в лучшем случае лишь частично.

То ли это обстоятельство сказалось негативно на её рационе, то ли в целом голодные для неё, как и для многих, 90-е годы, но после смерти матери даже несмотря на исчезновение нагрузки, связанной с уходом за больной, Ирина чувствовала слабость, быструю утомляемость. С целью, как она это назвала, поправления пошатнувшегося здоровья, Ирина хотела получить путёвку в санаторий для ветеранов труда. Для этого, помимо прочего, нужно было сдать в поликлинике общий анализ крови, в котором гемоглобин оказался 71 грамм на литр при норме от 121 г/л. По этому случаю с диагнозом «анемия» её направили в городской диагностический центр.

Помимо собственно ухудшенного самочувствия, само столкновение с системой здравоохранения оказалось для Ирины болезненным. Как она рассказывала Джонни, врача центра общалась с ней в презрительно-неприятном стиле, словно Ирина была представителем какого-то низшего сословия. Сама же Ирина связывала такое отношение с тем, что, когда ей предложили дорогостоящее лечение, она вынуждена была отказаться, ссылаясь на невысокий доход.

Хотя во многом остальном их мнения расходились кардинально, в этом Джонни, у которого также последний опыт взаимодействия с системой здравоохранения был весьма негативным, горячо морально поддерживал свою маму. Особенно после того, как мама пересказала ему, как в ответ на её отказ от дорогостоящего лечения врача принялась ей говорить, как он должен работать и зарабатывать. Естественно, его это разозлило: лучше бы лечить научились, хапуги,- озлобленно думал он. Одобрив решение мамы больше не ездить в центр, он купил ей железные таблетки за 26 рублей, и она начала их пить. И, судя по снова сданному ею через несколько месяцев общему анализу крови, гемоглобин хотя и не вернулся ещё к норме, однако поднялся до ста с небольшим. Однако Ирине пришлось испытать на себе неприятные побочные действия препарата в виде довольно неприятных желудочно-кишечных расстройств. Это, как всё больше осознавал впоследствии Джонни, послужило важным фактором в её окончательном разочаровании в «химии» и поиске альтернативных средств лечения от различных недугов.

Главным источником информации о таких альтернативных средствах для Ирины в тот период стала еженедельная газетёнка под названием «Вестник «Будь Здоров»», или что-то в этом роде. Газетёнка была по своему содержанию созвучна мнению Ирины о том, что лечение «химией», т.е. искусственно синтезированными препаратами, приносит больше вреда, чем пользы. Соответственно, выпуски содержали множество «натуральных» рецептов лечения самых разнообразных заболеваний. В частности, то и дело описывались случаи чудодейственного исцеления от рака в последней стадии с множественными метастазами в различные органы при помощи «адской смеси» водки с подсолнечным маслом. Ирина с интересом читала такие истории, однако в то же время особого энтузиазма относительно применения этих рецептов к себе она также не испытывала. Ситуация существенно изменилась в связи со следующим весьма неприятным травматическим происшествием в её жизни. Весной 2000 года на продуктовом рынке её сбил с ног куда-то очень спешивший торговец. Ирина упала и сломала себе шейку бедра.

Последовавшие за этим недели сильно ограниченной подвижности стали для Ирины, привыкшей вести активный образ, значительно более серьёзным потрясением, нежели недомогание, вызванное железодефицитной анемией. Ощущение беспомощности у неё усугублялось мыслями о том, что рассчитывать на полноценную медицинскую помощь в сложившейся ситуации не приходилось. Ибо формально бесплатная, страховая медицина функционировала по принципу: не подмажешь, не поедешь. Или поедешь, но напрямиком в направлении морга. Во время ежедневного обхода лечащий врач зачастую просто игнорировал её, переходя сразу к больным, чьи родственники не забыли его щедро «отблагодарить» - как оказалось, так теперь было принято.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что в больнице Ирине довелось столкнуться и с положительными примерами того, как люди бескорыстно помогают друг другу в трудную минуту. Она видела, как женщины, лежащие с ней в одной палате, заботливо помогают друг другу. Но самым ярким примером, пожалуй, стало их участие в драматической судьбе девушки по имени Оксана. Оксане было всего 16 лет. Она приехала в Москву на заработки. И, увы, как и многие другие молодые женщины, приехавшие с Украины, она фактически зарабатывала проституцией. Соседкам по палате, правда, она этого прямым текстом не рассказывала, говоря вместо этого, что у неё здесь был парень. И Джонни мог только строить предположения, насколько женщины, ухаживавшие за ней, догадывались о реальном положении вещей.

По её словам, драма началась с того, что её «парень» не дал ей денег, а вместо этого принял её жестоко избивать. То ли спасаясь от него, то ли пытаясь покончить жизнь самоубийством (выяснить правду в сложившейся ситуации представлялось крайне проблематичным), Оксана выпрыгнула из окна пятого этажа гостиницы. Она выжила, однако у неё были множественные переломы, в том числе (и это было самым неприятным) костей таза. Когда скорая помощь привезла её в больницу, выяснилась ещё одна пикантная подробность: Оксана была примерно на третьем месяце беременности. Становилось ясно, что у неё впереди очень нелёгкие месяцы.

Женщины в палате ухаживали за Оксаной, словно за родной дочерью. И, как ни странно, несмотря на то, что она была приезжей, медперсонал проявлял к ней значительно больше внимания, нежели к местным низкобюджетным пенсионеркам типа Ирины. Впрочем, как выяснилось впоследствии, столь

заботливое обхождение было результатом ошибки. Дело в том, что руководство больницы рассчитывало получить от властей Украины солидную сумму за лечение гражданки этой страны. Украинские чиновники, однако, платить не собирались, заняв в отношении несчастной девушки весьма гуманную и просвещённую позицию, которую в двух словах можно выразить как «нехай здохне».

Вначале такое отношение вызывало у Джонни недоумение: Неужели все эти важные государственные мужи не испытывают ни малейшей социальной ответственности за судьбу несчастного юного создания, вынужденного продавать себя на чужбине?! Однако потом он подумал о том, что и в его собственной стране полно женщин, фактически торгующих своим телом на внутренних и внешних рынках. И кого заботит их судьба?

Поговорив с мамой, Джонни понял, что не только он, но и его мама, а также её соседки по палате сделали для себя из этой истории вокруг Оксаны определённые выводы. Во-первых, несмотря на весь пафос разговоров о социально ориентированной политике, здоровье и жизнь простого человека не представляли для властей особой ценности. Кроме того, бабки сделали вывод, что, коль скоро на помощь властей рассчитывать не приходится, необходимо помогать друг другу. В отсутствие полноценной, адекватной медицинской помощи они собирались искать и обмениваться альтернативными решениями.

После выписки из больницы у вынужденно ограниченной в подвижности Ирины появилось много свободного времени. И она с головой погрузилась в поиск альтернативных решений в кучах шарлатанских газеток и журнальчиков. Если в таких её поисках и была какая-то система, она была основана на крайне примитивном видении происходивших в организме процессов.

Так, одной из основных задач Ирина считала поддержание баланса различных элементов в своём организме. Например, железодефицитная анемия указывала на недостаток железа в организме. А диагностированный у неё после перелома шейки бедра остеопороз свидетельствовал о нехватке кальция. И эти элементы нужно было восполнять в организме, причём из натуральных источников.

Однако, к сожалению, у неё не было ни специальных знаний, ни адекватной культуры мышления, чтобы по-настоящему разобраться в этом вопросе. В похожей ситуации оказались также многие другие пожилые мужчины и женщины. А потому вполне логично, что вскоре нашлись ушлые дельцы, которые начали делать деньги за счёт здоровья пенсионеров. Так в Россию пришли биологически активные добавки (БАДы). Агрессивная реклама БАДов упирала на то, что в скудном рационе пенсионеров, подверженных к тому же негативному влиянию различных факторов окружающей среды, может не хватать таких важных составляющих, как те или иные микроэлементы, витамины и т.д. Ситуация, по словам производителей БАДов, усугублялась также тем, что далеко не все и не у всех эти компоненты усваивались из пищи.

Главным рупором этой рекламы стала самая шарлатанская газетёнка, где писали о чудодейственном исцелении от рака при помощи смеси водки с подсолнечным маслом. Сотрудничество этого издания с производителями БАДов оказалось очень выгодным обеим сторонам. Это и не удивительно. Ведь раньше главным источником средств у газетёнки были скудные средства пенсионеров – подписчиков. Да и рекламодатели не очень жаловали издание с подобной читательской аудиторией. Для производителей же БАДов публика была что надо. Неспособный к критическому мышлению мозг типичной жертвы (коих было предостаточно среди читателей «Вестника») в принципе мог «схватить» любую добавку. Так что рекламодателю оставалось лишь объяснить, зачем нужен тот или иной конкретный продукт.

Естественно, дела у ключевых производителей шарлатанских снадобий пошли в гору. Как и дела издателей «Вестника», тираж которого исчислялся уже миллионами экземпляров. Однако на этом производители и распространители снадобий отнюдь не успокоились. Их алчность была словно аппетит, который рос во время еды. Несмотря на баснословный, особенно для издания такого рода, тираж Вестника, он их ограничивал, и потому они чувствовали, что далеко не все потенциально уязвимые люди были охвачены рекламой.

С целью расширения аудитории была куплена значительная часть эфирного времени на Радио России. Сделка шарлатанов с центральным рупором единокороссов оказалась безумно выгодной обеим сторонам. Продавцы более «гламурных» продуктов не очень-то спешили размещать свою рекламу на радио, значительную часть слушателей которого составляли бедные пенсионеры. А потому «целители» были самой настоящей находкой для рекламной службы РР. В свою очередь, продавцы получали изумительно подходящую для своих целей аудиторию, среди которой потенциальных жертв для развода на деньги было просто несть числа. Обращаясь к этой аудитории, рекламодатели не ограничивали себя в выразительных средствах:

Слышится тиканье часов: тик-так, тик-так, тик-так, которое внезапно сменяется тишиной. Мужской голос вопрошает: что Вы будете делать, если остановятся Ваши часы? Тук-тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук,- слышится стук сердца. Однако и он вскоре обрывается, а тот же голос сурово интересуется: а что Вы будете делать, если остановится Ваше сердце?! Ну а дальше смысл такой, что если не хотите, чтобы Ваше сердце остановилось, спешите скорее купить нашу биологически активную пищевую добавку. И, словно по всем правилам рекламной психической атаки, первые тысяча покупателей, а также пенсионеры получают хорошую скидку. Кроме того, первые сто позвонивших и заказавших наш препарат получают ценные подарки.

Закройте глаза. Что Вы видите? Правильно, ничего. Вероятно, Вы будете видеть только это до конца своих дней, если сейчас же не купите нашу добавку для профилактики глазных болезней!

Впрочем, надо отдать кому-то должное, этот и ещё пара особо одиозных роликов были быстро сняты. Хотя, скорее всего, торговцы добавками не только и не столько пожалели психику пенсионеров, сколько осознали, что реклама не должна запугивать слишком сильно. Т.к. в противном случае она может парализовать волю жертвы настолько, что та не в состоянии будет принять решение о покупке спасительного волшебного средства. В остальном же реклама была организована очень грамотно в том плане, что, запугав жертву, она сразу же предлагала ей «спасение» в виде рекламируемого продукта.

Рекламодатели даже не гнушались апеллировать к (впрочем, уже заметно увядшему в массовом сознании) авторитету научных знаний. «Нашим учёным удалось расшифровать сигнал здоровой клетки». Очевидно, уже сам слог такого заявления мог служить достаточно достоверным индикатором уровня знаний у тех, кто генерировал подобную рекламу. Словно стремясь сделать её ещё более убедительной, они ссылались на результаты клинических испытаний своих препаратов, якобы проведённых в одном известном на всю страну мединституте. Джонни терялся в догадках: то ли это был гон, то ли действительно в этом маститом ВУЗе была распространена практика продажи не только поступления и положительных оценок на экзамене тем, кто был в состоянии заплатить, но и придания околонучной легитимности шарлатанским «клиническим испытаниям».

Когда жизненный опыт стал всё более неумолимо свидетельствовать о том, что эффективность волшебных снадобий в реальном мире, за пределами рекламы, не фонтан, шарлатаны начали хитрить ещё больше. Они принялись рекламировать свои товары как «важные составляющие в комплексной терапии» того или иного заболевания, а лучше – широкого класса практически не связанных между собой по патофизиологическому механизму болезненных процессов. Получалось, что они убивали тем самым сразу двух зайцев (если не считать, конечно, что время от времени, вероятно, они также, по сути, убивали больных, не получавших адекватного лечения!). С одной стороны, тем самым «целители» фактически снимали с себя обвинение в том, что люди пренебрегают реальными медикаментозными препаратами в пользу реализуемых ими снадобий, тем самым лишая себя эффективной медицинской помощи. С другой стороны, в случае, когда медицинские препараты реально действовали, многие могли связать своё выздоровление не с ними, а с принимавшимися в тот же период шарлатанскими снадобьями. На это, вероятно, и делалась ставка.

Впрочем, и на этом производители добавок не успокоились. Теперь они принялись выпускать чудодейственные приборы для лечения всевозможных болезней. Джонни объяснял это для себя таким образом, что пенсионеров с их скудными грошами, вероятно, просто жаба душила платить бешеные деньги за маленькую таблетку. А потому их вниманию было решено предложить увесистые приборы. Рекламировались эти девайсы, конечно же, с большим пафосом, как воплощения последних разработок отечественных и даже зарубежных учёных. Если верить рекламе, едва ли не каждое из этих чудесных приспособлений представляло собой самую настоящую панацею: страждущим сулили избавление от рака, сердечнососудистых заболеваний, простуды и гриппа, а также всевозможных напастей, связанных с опорно-двигательным аппаратом.

Для критически мыслящего человека, даже не особо сведущего в медицине, беглый взгляд на этот список заболеваний обнажал один пикантный момент. Состоящий в том, что, если верить рекламе, действие препарата не было направлено на конкретный патологический процесс в организме. Фактически рекламодатели заявляли, что препарат эффективен против заболеваний, либо представлявших согласно статистике основные причины смерти, либо приводивших у наибольшего числа людей к драматическому снижению уровня жизни. Джонни мучительно искал и не мог найти ответ на вопрос: что же сотворили идеологи новой власти за 15-20 лет с головами людей такого, что те начали массово верить подобной ерунде?!

В тщетных поисках решения, его мысль всё больше возвращалась к горбатым временам. Именно тогда на экраны телевизоров и страницы газет стали всё чаще вылезать астрологи и прочие предсказатели. Казалось бы, на это можно было с одной стороны посмотреть как на невинное развлечение. Ситуация приобретала, однако, пугающий оборот, когда на сайтах знакомств в анкетах женщин Джонни читал что-то вроде «козерогов и стрельцов просьба не беспокоить». Таким образом, на пути к личному счастью людей серьёзной преградой вставал абсурдный произвол. Ещё более тревожным, однако, был деструктивный потенциал воздействия подобных предсказаний на психику. Он заключался в том, что если верить в астрологию и прочую лабуду, человек оказывался уже не хозяином своей судьбы.

В то же время известно, что ощущение потери контроля над своей собственной ситуацией вгоняет человека в депрессию. Оно может привести его к отчаянию, пассивному примирению с судьбой: «я маленький человек, ничего не могу сделать, от меня ничего не зависит». Кроме того, осознание беспомощности делает человека более уязвимым для манипуляций и других деструктивных психических воздействий.

Ещё во второй половине 80-х годов Джонни находил любопытным чтение в массовых газетах и журналах про чудеса. Например, про «барабашек» (полтергейст). И лишь годы спустя сумел он в адекватной степени осознать, какое чудовищно деструктивное влияние оказывали, казалось бы, невинные барабашки на мозг обывателя.

Ситуация усугублялась деградацией системы образования. Нынешняя молодёжь уже не получала тех серьёзных фундаментальных знаний, основанных на достижениях опытных наук, которые давала их

предшественникам советская школа. Можно сколько угодно критиковать советскую систему образования за нудный стиль преподавания многих дисциплин, особенно столь сомнительных, как «марксизм-ленинизм – умственный онанизм» (последнее определение уже в эпоху горбостройки красовалось на стенах мужских туалетах различных ВУЗов). И, тем не менее, именно они закладывали в сознании молодого поколения основы материалистического мировоззрения, позволявшего людям видеть разумные реальные причины реальных явлений.

Не это, однако, было нужно новой власти и стоявшей за ней ненасытной алчности олигархов. Научные знания и технологические навыки ценились в производящей экономике, ориентированной на совершение открытий и их скорейшее внедрение. В стране же, поставившей на мировой рынок в основном сырьё и женщин, требовалась безоглядная вера. Причём не обязательно собственно религиозная.

Ведь, несмотря на вновь обретенную приверженность православным ценностям, она носила в основном формальный характер, как нетрудно понять, анализируя соблюдение (точнее, несоблюдение) особо важными персонами заповедей христианства.

Фактически же государственной религией, охватившей широкие слои населения, стало «потреблячество», выросшее от стремления к удовлетворению более-менее реальных потребностей людей до вселенского культа. Соответственно, главной формой проповеди в новой религии была агрессивная реклама, которая, минуя разум, апеллировала к широкому спектру низменных эмоций – от похоти до зависти, будоража яркими и призывными образами неспособный к критическому мышлению разум доверчивого потребителя.

Чтобы по достоинству оценить драматические масштабы этой неспособности к критическому мышлению, Джонни не нужно было далеко ходить за примерами. Конечно, он мог ожидать нечто подобное от полуграмотной бабушки, окончившей всего пару классов церковно-приходской школы. Его же мама была кандидатом наук. Хоть и не медицинских и не биологических, а технических, но всё же кандидатом. Казалось бы, это позволяло ожидать от неё хотя бы зачатков материалистического мировоззрения и критического мышления. И, тем не менее, она демонстрировала вопиющее отсутствие того и другого, фактически в ущерб своему здоровью.

Мама Джонни измеряла себе артериальное давление при помощи «маятника», представлявшего собой не что иное, как толстый винт, подвешенный на нитке. Примечательно, что тот же самый маятник она использовала для оценки качества пищевых продуктов, в которых она сомневалась. Джонни иногда даже иронично интересовался у мамы, каким образом, например, бактерии (чьи токсины способны вызвать пищевое отравление) в пище, по-прежнему сохранившей нормальные органолептические показатели, могут отклонять маятник. На что мама его отвечала оскорблённо, что ему этого, скорее всего, не понять, что это на самом деле высшие силы отклоняют маятник, дабы уберечь её от угрозы.

Таким образом, мама Джонни была практически идеальной жертвой рекламы различных шарлатанских услуг. И доказывать ей что-то было бесполезно. Иногда в ответ на увещания Джонни «неужели ты не понимаешь, что тебя просто обманывают, разводя на деньги?!» она рационализировала: «если бы это не помогало людям, они бы не покупали». Или отвечала что-то вроде: «а что делать? Врачи же не лечат!», переходя затем в контрнаступление: «Тебе вот много в поликлинике помогли?!» Имея при том в виду, очевидно, поликлинику №666 Департамента здравоохранения г. Москвы, к которой они с Джонни были прикреплены по полису обязательного медицинского страхования.

Более того, мама Джонни не только велась на рекламу, но и умудрялась агитировать других. В этом отношении очень показателен пример её подруги по имени Галя. Джонни воспринимал Галю как ходячее воплощение зависимого расстройства личности. Галя никогда не была замужем. Большую часть своей сознательной жизни она прожила душа в душу со своей старшей сестрой. Последняя по отношению к ней играла роль не столько сестры, а скорее матери, которую они потеряли в сравнительно раннем возрасте. С мамой Джонни Галя познакомилась в самый разгар очень печального и драматического периода своей жизни: её сестра долго и тяжело болела, после чего умерла от рака, оставив Галю в полном отчаянии и абсолютно потерянной.

Вначале Галя не придумала ничего лучшего, чем обратиться... к психотерапевту. Дело в том, что как раз примерно в тот период (это был где-то 2004 или 2005й год) администрация 666-й поликлиники города Москвы решила, что у них не хухры-мухры и вообще должно быть не хуже, чем у других, а потому в их поликлинике должен быть психотерапевт. Однако зряплата, которую они могли предложить соискателю сей достойной вакансии, была чудовищно ущербной. Такой не соблазнишь не то что надменного психоаналитика, привыкшего сотрясать своим перманентно эрегированным эго над головами окружающих, но даже офисно-планктонную выпускницу одного из расплодившихся ныне психфаков. В результате, за неимением других претендентов, позицию занял полоумный дедок. Который сам, пожалуй, был ходячим воплощением какой-то диффузной депрессивно-невротической психопатологии.

Интересно, какие ускоренные курсы психотерапевтов закончил этот дед?- недоумевал цинично Джонни. Дело в том, что, как каким-то образом удалось выяснить дотошным бабкам из подъезда, Бургомистрова, их участковая терапевт-то на протяжении многих лет, на самом деле не заканчивала мединститут. Её специальное образование ограничивалось фармацевтическим техникумом. И лишь впоследствии, много лет спустя, она прошла ускоренные курсы повышения квалификации, сделавшие её, так сказать, полноценным врачом.

Казалось бы, Джонни мог проигнорировать эти разговоры бабок, как досужие сплетни, не соответствующие действительности. Однако он получил им убедительное подтверждение при следующих обстоятельствах. У мамы Джонни долгие годы была подруга по имени Зарема. (Джонни продолжительное время даже не догадывался о значении имени «за революцию мира», думая просто, что у Заремы такое имя, т.к. она татарка). Впрочем, одно другого, видимо, не исключало. Так или иначе, Зарема стала для Джонни (как, вероятно, и для его мамы) воплощением понятия «успешная пенсионерка». Например, в то время, когда многие бабки, включая маму Джонни, лоханулись на билетах МММ, Зарема предусмотрительно купила билеты, когда только ещё всё началось, а потом вовремя подсуетилась их сдать. В результате её доход, конечно, не мог сравниться с прибылями прихвизаторов-олигархов или самого Мавроди, однако всё же составлял её пенсию за несколько десятков месяцев. Кроме того, куда ни глянь, повсюду были у неё связи, стратегически важные знакомые. И вот однажды такая её подруга, зам. главврача поликлиники №666, конфиденциально (т.е. прося никому не рассказывать) поведала ей о том, чего реально стоит медицинское образование Бургомистровой. Зарема же, в свою очередь, не удержалась и так же конфиденциально пересказала услышанное маме Джонни. Ну а последняя, по забывчивости начав на вроде как обещанную конфиденциальность, просто рассказала эту новость самому Джонни.

Впрочем, Джонни этому не удивился, т.к. ранее «Бургомистриха» (как её ласково называли, разумеется, за глаза, многие пациенты) умудрилась эпически накосячить даже в той сфере, где она получила какую-никакую профессиональную подготовку. Как ехидно сообщила провизор в одной из центральных аптек её пациентке, Бургомистриха перепутала название выписанного ею лекарственного препарата с именем героя то ли мексиканского, то ли аргентинского сериала. Для Джонни же самым запоминающимся стал личный опыт его последнего общения с ней.

Собственно, Джонни уже давно не испытывал на этот счёт никаких иллюзий, а потому изначально на приём к ней не собирался. Он собрался к стоматологу полечить то, что осталось от его зубов.

Конечно же, с применением электродрели, которой была оснащена поликлиника №666, процесс был весьма болезненным. И каждый раз, садясь в кресло, Джонни вспоминал про молодого парня, который умер на приёме у дантиста. От сердечного приступа? Не вынесла душа поэта? Увы, Джонни не знал деталей той трагической истории, и его болезненное воображение дорисовывало подробности.

Но выбора у него практически не было, т.к. он даже не рассматривал альтернативу идти к платному стоматологу, которому он не доверял (бабки рассказывали, что ради денег они сверлят людям здоровые зубы!). И который ещё к тому же сдерёт с него за 10 минут сумму, за которую Джонни работал неделями. Последнее вызывало у Джонни, чувствительного к таким вещам, особенную классовую неприязнь.

К счастью, посещения кабинета мужества для Джонни облегчались тем, что доктор, с которому он ходил, судя по всему, неплохо знал своё ремесло. Даже несмотря на то, что доктор этот (видимо, в силу некой индивидуальной особенности) был вежлив и обходителен только с женщинами. И, чтобы получить талон к нему на приём, нужно было после бессонной ночи, неизбежно проведённой в обнимку с компом, идти к 6 утра и стоять мёрзнуть около поликлиники, которую откроют только в 8. В результате чего не выспавшегося Джонни с расковырянным зубом весь день плющило и колбасило.

Но деваться было некуда. Ибо альтернативой был облом либо запись к доктору Стервовой, работавшей в ту же смену. Джонни на всю жизнь запомнил, как ещё в 1989 году доктор Стервова, орудуя той самой дрелью, спрашивала у пациента, чьё лицо было перекошено от боли: что, больно? Ну что ж поделать, кому ж сейчас легко? Ты мне что, тысячу долларов заплатил, чтобы тебе не было больно?! Так что ничего, потерпишь! В том далёком, горбатым, ещё номинально маргинально советском 1989 году тысяча долларов представлялись для Джонни огромной суммой, и он внутренне недоумевал: за что тысячу долларов при таком отношении к пациенту?!

Однако теперь, когда он сидел в кресле у другого врача, ему бывало даже забавно слушать истории доктора Стервовой. Они даже действовали на него как своего рода анестетик, отвлекая его от зубной боли. Например, когда она рассказывала, как во время поликлинического «корпоратива» к ней приставал хирург Петров. Не обращая внимания на пациентов, она поведала коллегам о том, как Петров лез к ней целоваться. Однако у него был герпес на губе, и это не могло её не беспокоить...

Коллег, впрочем, это не удивляло. У хирурга Петрова, человека давно уже не молодого, была громкая репутация бабника и любителя выпить, распространившаяся далеко за пределы 666 поликлиники. Джонни почему-то сразу вспомнил, что, когда он пришёл к Петрову со своим геморроем, тот предостерегал его: вот захочешь выпить с друзьями – может быть обострение. Джонни тогда ещё подумал, что доктор как бы проецировал на него свои трудно контролируемые импульсы, тянувшие выпить. И находил забавным, что доктор предполагал, что он захочет выпить именно с друзьями, а не в одно лицо.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что если хирург Петров и злоупотреблял, то не так, как хирург-стоматолог из той же поликлиники. Последний периодически уходил на больничный в запой, и тогда страждущих направляли на удаление в другую поликлинику. Когда же он всё-таки работал, его деятельность представляла собой патетическое зрелище: его ловкая и многоопытная медсестра указывала ему, за что тянуть пассатижами, которые он сжимал своей дрожащей рукой. Картина напоминала Джонни анекдот про «господи, укрепи и направь», однако смешно ему при этом почему-то не было.

Невесело было ему и тогда, когда однажды, пытаясь записаться на приём, он узнал, что в силу какого-то бюрократического распоряжения путь к стоматологу лежит через кабинет флюорографии. Однако

самым печальным стало то, что, придя за результатом, Джонни узнал, что у него нашли какую-то патологию в лёгких. Естественно, от этого он сразу впал в такую панику, что, не найдя удовлетворительного ответа на свой вопрос в интернете, сразу же отправился на приём к Бургомистрихе узнавать, сколько ему жить осталось.

Его душевные страдания в течение двухчасового ожидания в очереди усугубляло ещё следующее обстоятельство. У Бургомистровой, как и у некоторых других врачей той поликлиники (в первую очередь невропатолога и эндокринолога, у которых постоянно было много страждущих и потому жаждущих попасть на приём) была установлена специфическая практика «пред-приёма»: Периодически из кабинета выходила медсестра и осведомлялась у каждого из сидевших в очереди о цели визита. После чего принимала решение о том, насколько озвученная цель визита была достойна аудиенции доктора. При этом остроты ощущений пациентам добавляло то обстоятельство, что рассказывать о своих болячках им при этом приходилось не только медсестре, но и всей очереди.

Впрочем, в тот день Джонни во многом забыл про свою социофобию, настолько его одолел в тот день другой специфический страх. А именно, страх за свою жизнь, перед тем, что она скоро должна закончиться. Страх этот стал ещё сильнее, когда медсестра ему презрительно хмыкнула: курить меньше надо! Получалось, что у него, никогда не курившего, лёгкие были в худшем состоянии, нежели у заядлого курильщика!

Когда, наконец, подошла его очередь, Бургомистриха даже не пригласила его войти в кабинет. Вместо приёма она принялась отчитывать его при всём честном народе, состоявшем в основном из бабок, ожидавших своей очереди. Да как Вам не стыдно? - вопрошала она. «Ваша бабушка бегала по улице до 85 лет. Ваша мама, вон, после такого перелома тоже держится, цепляется за жизнь. А Вы?! Будьте, наконец, мужчиной! Женитесь! Если ж за Вас такого никто замуж не хочет идти – что ж, их можно понять, - тогда хотя бы съездите на курорт, это рекомендовали ещё старые доктора!

При этих её словах Джонни испытал своего рода déjà vu. Он вспомнил, как в годы своей тревожной юности читал написанную одним известным врачом книгу об очень интересовавшей его теме – о смерти и болезнях. Джонни поразили тогда в ней точности такие слова, процитированные автором как пример пренебрежительного отношения к пациенту. Тогда Джонни воспринял это как стёб маститого эскулапа, сочтя, что на практике ни один уважающий себя врач такого пациенту не скажет. И вот он стоял перед своим участковым врачом, почему-то разговаривая с ней о своих проблемах со здоровьем через дверь, и слышал эти самые слова.

Ему ничего не оставалось, кроме как развернуться и идти прочь. И больше никогда сюда не возвращаться, как бы ни было плохо. Ведь теперь он точно знал: здесь ему не помогут! Тоже мне: съездите на курорт! Да ему было просто страшно с таким плохим здоровьем ехать туда одному! А если там с ним что случится?! Но раз надо было хотя бы попробовать выполнить рекомендации врача, Джонни задумался о том, чем мог бы быть полезен для его здоровья курорт. Солнце, воздух... А ещё, коль скоро на пляже будет много привлекательных молодых женщин, то, конечно же, онанизм! Не зря же говорят: солнце, воздух, онанизм укрепляют организм! Ну а поскольку с солнцем и воздухом в Москве было как-то не очень, Джонни прописал себе в порядке компенсации тройную дозу онанизма. Нет-нет, он не обольщался, что это может улучшить функцию его лёгких, зато настроение улучшалось однозначно!..

Увы, психотерапевт из поликлиники №666 не удовлетворил Галю ни как врач, ни как мужчина. Довольно предсказуемо, он сообщил ей, что её депрессия связана с болью невосполнимой потери сестры – человека, так много значившего для неё, занимавшего центральное место в её жизни. Теперь же он видел главную её проблему в одиночестве, социальной изоляции. А потому советовал ей как можно скорее найти себе интересный круг общения и в первую очередь человека, которому она может доверять, и к которому может обратиться за моральной поддержкой и советом.

В то же время, вероятно, дед понимал, что далеко не каждому интересна компания назойливой, цепляющейся старухи. Даже другой такой же старухе. А потому, осведомившись, любит ли она животных, посоветовал для начала завести собаку. Галя осталась совершенно недовольной своим визитом к деду: он не давал ей никаких указаний к действию, никаких конкретных рекомендаций, кроме разве что расплывчатого совета найти себе кого-нибудь и не прозябать в одиночестве. Да и сам терапевт её не впечатлил: вместо решительного мужчины, каких она привыкла наблюдать в сериалах, она видела перед собой медлительного старика с дрожащим голосом, который цедил слова, пуская при этом слюни. Таким образом, она пришла к выводу, что психический, как она его называла, дед не в состоянии ей чем-либо помочь, и решила к нему больше не ходить. Это негативное ощущение относительно деда у неё только усилилось, когда он повёл себя, как ей показалось, несолидно. Когда Галя не пришла к нему на приём в назначенное ей время, он позвонил ей сам. Поинтересовался причиной отмены визита, а также тем, что её беспокоит и не хочет ли она об этом поговорить. На что Галя ответила, что не хочет, после чего, словно испугавшись собственной дерзости, бросила трубку.

Разочаровавшись в деде, Галя продолжила поиски властной, доминирующей фигуры в своей жизни, которая укажет ей, как жить дальше. Ну а пока такая фигура не появилась в её жизни, чтобы хоть как-то скрасить одиночество, она завела себе собаку. Галя очень быстро к ней привязалась, и просто души в ней не чаяла. Однако вскоре выяснилось, что её любимица, которую «добрые люди» ей, как малоимущей пенсионерке, заботливо продали по сходной цене с доставкой на дом, смертельно больна. Не щадя сил, Галя

ухаживала за ней, как незадолго до этого за умирающей сестрой. Однако, несмотря на все её старания, выполнение указаний ветеринаров (которым и за лекарства она отдавала свои последние деньги, экономя на своей еде) через пару месяцев собачка умерла от какого-то неизлечимого заболевания желудочно-кишечного тракта, кажется, цирроза печени.

Похоронив собаку, Галя чувствовала себя полностью морально разбитой. Она даже собралась наложить на себя руки. Но удавиться ей не хватило смелости, а чем отравиться она не знала, и ей не у кого было спросить. Наконец, она вспомнила название препарата, который соседка её сестры по палате онкологии, когда её выписали умирать, использовала как средство эвтаназии. Галю спасло то обстоятельство, что ей не хватило денег, чтобы купить упаковку даже в самой дешёвой аптеке.

Около этой аптеки, тихо скулящей, словно смертельно раненная собачонка, её обнаружила Ирина, мама Джонни, пришедшая туда за своими шарлатанскими добавками. Заметив Галю в её столь плачевном состоянии, Ирина принялась вначале утешать её, словно маленького ребёнка, прося успокоиться, говоря, что всё наладится и т.д. Однако Галя при этом лишь заходила ещё больше, причитая о том, что всё в её жизни идёт не так. Тогда Ирина неожиданно сменила тактику. Она попросила Галю перечислить по пунктам, что же именно в жизни пошло не так. И для каждого отдельного пункта Ирина наметила и чётко изложила Гале конкретный и реальный путь выхода из ситуации. Аргументы Ирины в пользу того, что не всё ещё потеряно, показались Гале настолько основательными, что она от удивления даже перестала рыдать и вопросительно уставилась на Ирину, ожидая от той дальнейших советов и указаний. Галя уже поняла: она, наконец, снова обрела человека, который теперь будет направлять её жизнь, взамен её ушедшей из жизни сестры.

Так завязалась дружба Гали с Ириной. Правда, вначале Ирина была не в восторге. Галя звонила каждые пять минут и спрашивала, что и как ей делать по тому или иному вопросу. «Ой, Ира, а как же я буду? А что же мне делать? А если у меня не получится?» Ирина терпеливо объясняла ей что делать, буквально каждое действие, шаг за шагом. Но потом жаловалась Джонни на Галю. Ирина говорила о том, что после разговора с Галей у неё повышалось давление и начинало шуметь в ушах. Она объясняла это тем, что Галя – энергетический вампир, выкачивающий из неё жизненные силы. По словам Ирины, Галя сначала высасывала энергию у сестры, в результате чего у той иммунная система дала сбой, и она быстро умерла от рака. Затем Галя подобным же образом отравила кровь своей собаке, и у той сдала печень. Наконец, в итоге Галя присосалась к ней, к Ирине.

Галя сумела задолбать не только Ирину, но и самого Джонни. Каждые 5 минут, когда она звонила, ему приходилось смотреть номер на определителе. Проникшись печальной ситуацией вокруг Галиной собаки, Джонни стал называть её номер собачьим, а впоследствии термин «собачий номер» был перенесён и на саму Галю. Соответственно, когда она звонила, он, не в силах каждый раз поднимать трубку и отвечать, вначале кричал маме: собачий номер звонит, собачий номер звонит! Мама улыбалась, но говорила: зачем ты так её обозвал? Собачка её, бедная, ведь померла уже! А если Галя услышит? Она очень расстроится и обидится. Потом Джонни уже вместо того, чтобы кричать «собачий номер», стал просто лаять при каждом звонке Гали: Аааф! Аффф! А если мама его не брала трубку сразу, он принимался скулить, протяжно и пронзительно завывая: ууу!

К счастью, Ирина вскоре адаптировалась к Гале, её нытью и назойливости. Более того, складывалось ощущение, что Галя заполнила важную нишу в её жизни. Дело в том, что раньше никто словно не воспринимал Ирину всерьёз. Родители всю жизнь смотрели на неё, как на ребёнка, о котором нужно заботиться, принимая за него ответственные решения. Коллеги смотрели на неё, как на немного странную и оторванную от жизни, а потому не очень-то прислушивались к её мнению.

Наконец, Ирине удалось вырваться из-под родительского контроля настолько, чтобы родить хоть позднего и «незаконного», но всё же своего ребёнка. Однако, пока она работала с утра до вечера, чтобы обеспечить пропитание и прочее себе, своему ребёнку и пожилым родителям, бабушка и (первые годы жизни) дедушка своей гиперопекой воспитали неприспособленного к реальной жизни урод. Ситуация теперь усугублялась ещё и тем, что урод был упрям, имел своё собственное мнение практически по каждому вопросу, не хотел слушать и воспринимать всерьёз её аргументы.

Надеждам Ирины на появление внуков также суждено было разбиться вдребезги. Ведь вместо того, чтобы работать и зарабатывать, создавать и содержать семью, урод бесцельно просиживал дни и ночи за компьютером, лишь то и дело передёргивая затвор своего кожаного ствола. А от этого, как известно, дети не появляются!

Таким образом, на склоне лет, в лице Гали Ирина наконец-то обрела благодарного слушателя. Галя же словно снова вернула себе в некотором смысле старшую сестру, практически всегда готовую дать конкретные указания в ответ на её нытьё.

Джонни не раз бывал изумлён, с каким почтением Галя могла выслушивать то, что он, примеряя на себя, находил крайне оскорбительным. Например, когда Галя жаловалась Ирине на свою депрессию, та резко заявляла ей, что депрессия возникает от безделья и является уделом слабых, безвольных людей, не способных взять себя в руки. Когда же смущённая Галя начала мямлить о том, как она прочитала в центральной прессе, что депрессия – серьёзная болезнь, и что страдалец не виноват, что она его сразила... Ирина, словно осознав бессмысленность попыток разъяснения разумной позиции никчёмной дуре, сменила курс. Она сказала, что есть эффективное средство из натуральных компонентов, с забавным названием «не тоскуй» или что-то в этом роде. И что раз Галя такая убогая, что не нашла в себе силу воли победить

депрессию, то пусть пьёт это средство. Мол, по крайней мере, это не химия. Джонни же высказывался по этому поводу весьма цинично, не стесняясь в выражениях: тоскуй-не тоскуй, всё равно получишь х**!

Таким образом, получалось, что Ирина, мама Джонни, была просто находкой продавцов добавок. Мало того, что она сама отдавала им от четверти до трети своей пенсии, так ещё и на добровольных началах совершенно безвозмездно рекламировала их товар среди своих подруг. А учитывая, каким авторитетом она пользовалась у Гали, получалось, что Ирина фактически покупала для неё добавки на её средства!

Джонни время от времени предпринимал отчаянные попытки образумить свою маму, однако все его усилия были тщетными. Она говорила: я выбираю то, что мне помогает, и принимаю только это. Джонни не мог не обратить внимания на методологическую дефективность маминой позиции. Если ей становилось хуже, она связывала это с серьёзностью своих заболеваний. Если же ей становилось легче, она связывала это с благотворным действием препарата.

Джонни затруднялся определить, чего здесь было больше: то ли искреннего самообмана, то ли рационализации того, как её развели на попку того или иного снадобья. Ведь известно, например, что человек, уже купивший автомобиль определённой марки, стремится читать и узнавать о нём только хорошее – в противном случае ему придётся признать, как он лоханулся!

И всё же, видимо, где-то глубоко внутри Ирина не могла не замечать, что её здоровье ухудшалось, и принимала отчаянные попытки это исправить. Каждый день она по несколько часов слушала репродуктор (проводное вещание Радио России), а также читала шарлатанские газетёнки.

Так уж получилось, что в период наиболее отчётливого осознания Ириной того факта, что снадобья ей не помогают, в стране началась кампания по информированию потребителей. Производителей заставили писать что-то типа «Имеются противопоказания. Проконсультируйтесь со специалистами». Казалось бы, это должно было бы поставить заслон производителям сомнительных средств. Однако на практике это лишь усугубило шарлатанский беспредел. Теперь в каждом офисе производителя снадобий сидел их «специалист», ненавязчиво рекомендовавший страждущим те средства, которые на тот момент особенно плохо продавались и потому залёживались на складах. Но, конечно же, всё это сопровождалось совершенно иными словами. Наивному потребителю рассказывалось о беспрецедентной эффективности нового препарата, установленной и неоднократно подтверждённой в результате якобы независимых клинических испытаний. А известно о нём так мало по той простой причине, что «это наша новейшая разработка».

Именно в те дни Ирина, по-прежнему одержимая ожиданием чуда, встретила «своего» специалиста. Она обрела в своей жизни Надежду. Надежда же, как цинично формулировал это Джонни, торговала надеждой. После самой первой встречи с Надеждой Ирина была исполнена энтузиазма. Единственное, что её смущало, так это необходимость выложить значительную часть своей пенсии за «уникальное чудодейственное средство», разработанное на основе удивительного биологического материала – птичьего помёта. Однако когда Ирина попыталась робко заикнуться Надежде о том, как трудно ей выделять из своего скудного бюджета более чем тысячу рублей на попку этого препарата, Надежда сурово посмотрела на неё. «А Вы думаете легко собирать гуано в горах на побережье Перу?» После чего добавила сухо, что если Ирине так жалко денег, то она может не покупать препарат. Однако препарат – её шанс на исцеление. И отказываясь от препарата, она фактически отнимает у себя этот шанс. Если Ирина не использует этот шанс, её здоровье ухудшится, и она скоро умрёт, и какой ей тогда прок будет от того, что она сохранит свои деньги? Ведь её самой уже не будет!

Ведясь на эту наглую и беспардонную манипуляцию, Ирина тяжело вздыхала и отсчитывала Надежде свои скудные деньги, дабы у неё, если верить Надежде, появилась надежда на исцеление. Однако и этого Надежде было мало. Она начинала нести какую-то мистическую хрень о том, что если Ирина расплачивается с таким чувством, что ей жалко денег, то она вносит в процесс свою негативную энергию, и потому средство может не дать полного эффекта. Примечательно, что несколько лет спустя, паразитируя на Джонни, Леночка также говорила ему: ты должен отдавать мне свои деньги с радостью!

Джонни был этим просто взбешён. Он прекрасно понимал психологический смысл этого приёма. Состоявшего в том, что когда станет ясно, что снадобье не приносит ожидаемого Ириной положительного эффекта, Надежда скажет ей, мол, сама виновата, что жалела денег. Однако сделать Джонни ничего не мог. Тщетно пытался он доказать своей маме, что Надежда эта просто махровая шарлатанка, а не «врачиха», как почтительно называла её Ирина. Для него Надежда, делавшая неплохие даже по московским меркам деньги за счёт здоровья доверчивых пенсионеров, была ещё «гуано» как человек. Но его мама лишь сердито отвечала ему: как ты смеешь говорить такое о человеке, о котором ты ничего не знаешь? И принималась рассказывать ему, какой душевный человек эта Надежда. Как Надежда прониклась её ситуацией, искренне старается ей помочь. И, словно в подтверждение своих слов, Ирина рассказала, как Надежда поведала ей свою историю о том, как стала целителем. Согласно этой истории, из-за халатности врачей (в традиционном, официально-медицинском понимании этого слова), а затем неправильного лечения у неё умер ребёнок. И тогда она решила посвятить себя целительству.

Джонни тогда ещё не знал практически ничего о психопатах, однако не мог не задуматься: какая же чудовищная патология характера должна быть у человека, чтобы вот так взять и сочинить историю про якобы умершего ребёнка, а потом рассказывать её пришедшей на приём бабке без дрожи в голосе?!

Однако его мама, Ирина, сделала для себя другие выводы. И видела в Надежде свой последний и единственный шанс на исцеление. Со временем Ирина отдавала Надежде за консультации и снадобья

большую часть своей пенсии – практически всю за вычетом коммунальных платежей, автоматически снимающихся ежемесячно у неё с пенсионной сберкнижки.

Уход мамы из жизни

Так шли годы. Естественно, здоровье Ирины со временем не улучшалось. Однако, к счастью, и не ухудшалось драматически. Самым неприятным аспектом была естественная деградация опорно-двигательного аппарата. Иногда говорят, что старики – словно дети. Только дети растут вверх, а старики – вниз. У Ирины и так был очень небольшой рост – примерно 155 сантиметров. Одно время, когда она зимой всё время носила забавную красную шапочку, Джонни даже стал называть её «гном», или более ласково «гномик». Себя же он называл свиньёй, и настаивал, чтобы мама тоже его так называла. Со временем ему удалось в некотором смысле добиться своего – мама стала называть себя гномом, а его – хрюшкой.

С годами, по мере того как Ирина всё больше и больше горбилась, настолько, что лицо её стало параллельно поверхности земли при ходьбе, Джонни стал говорить сочувственно «скорбный гном». И печально констатировать: бедный гном совсем скукожился.

Однако Джонни прекрасно понимал, что такой рост вниз – лишь начальный этап обратного развития, то есть деградации, организма его мамы. Следующий этап беспокоил его, как и её, ещё больше. Он заключался в вынужденном ограничении подвижности. Подобно тому, как дети учатся ходить, старики разучиваются. Переломный момент, если можно использовать такой каламбур, наступил, когда Ирина упала осенью 2011 года во время прогулки. И хотя после этого она какое-то время ещё могла самостоятельно передвигаться по квартире, с тех пор на улицу она больше никогда не выходила. Делать рентген она категорически не хотела. Словно осознавая, что её, если что, уже не будут ещё раз оперировать. А даже если и стали бы, она не хотела это ещё раз переживать.

Джонни же прекрасно понимал, что в этом контексте движение – это жизнь. И что с ограничением подвижности мамина жизнь начнёт быстро клониться к закату. И последуют другие, ещё более мрачные и печальные аспекты аналогии «старики – словно дети». Джонни знал об этом как из общих соображений, так и из опыта с бабкой, которая умерла 15 лет назад. Собственно, так оно в итоге и случилось.

Появляясь на свет, дети не могут контролировать свои естественные отправления. Им одевают подгузники. Многие взрослые, старея, также перестают контролировать свои естественные отправления, что создаёт дополнительную необходимость в уходе. Так случилось и с Ириной, мамой Джонни. И с этим надо было что-то делать. Первая идея состояла в том, чтобы обратиться за медицинской помощью в районную поликлинику. Однако на этот счёт у Джонни не было иллюзий. И у него были на то серьёзные основания.

К тому времени их участковый терапевт Бургомистрова, о которой рассказывалось ранее, уже давно благополучно вышла на пенсию. Выдав, наконец, свою дочь замуж, она теперь нянчила внуков. На пару лет её место занял дед, изгнанный из всех прочих медицинских учреждений и пришедший доработать стаж, недостающий для получения более высокой пенсии или ещё каких-то социальных благ. Его просвещённый подход к пациенту можно было сформулировать кратко как «дедушка старый, ему всё равно».

Уход деда на пенсию пришёлся на тот период, когда участковым терапевтам подняли зарплаты. Предполагалось, что эта мера привлечёт в поликлиники молодые, свежие силы. И такой кадр пришёл в поликлинику №666 в лице доктора Чепушенковой, недавно с отличием окончившей то ли мединститут, то ли фельдшерские курсы.

Первой из знакомых Ирины с ней столкнулась Катерина Тимофеевна, по прозвищу Клуша. Так назвала её однажды Ирина, пытаясь подчеркнуть отсутствие у той культурных и вообще каких бы то ни было содержательных интересов за пределами быта. С тех пор практически каждый раз, когда на определителе номера высвечивался номер Катерины Тимофеевны, дабы позвать маму к телефону, Джонни начинал громко кудахтать. Мама смеялась, в то же время строго давая ему понять, что такое его поведение ещё менее культурно, нежели поведение Катерины Тимофеевны, не желавшей знать ничего, кроме своего домашнего хозяйства.

Одной из главных забот Клуши было регулярное посещение поликлиники №666. Она ходила то к одному, то к другому врачу, на физиотерапию и другие процедуры. Ирина цинично отзывалась об этих её визитах так, что у Катерины Тимофеевны поликлиника – словно дом родной. И вот однажды, в очередной раз придя в свой «второй дом», Клуша обнаружила там новую хозяйку. Когда Клуша приоткрыла дверь и поинтересовалась, можно ли войти, молодой специалист вальяжно сидела в кресле и слушала музыку, качая головой в такт нехитрой мелодии: умц-умц-умц. Когда пациентка вошла в кабинет и села на стул, доктор не выключила музыку, а лишь подняла глаза и поинтересовалась: Вы чего хотели? Однако Клуша, за долгие годы хождения по врачевным кабинетам привыкшая к разным вариантам общения с врачами, не стусевалась, а спокойно ответила, что хотела бы поправить здоровье. Такой ответ не удивил врача, и она поинтересовалась у Катерины Тимофеевны её годом рождения. Услышав в ответ 1925, доктор сделала короткую паузу (вероятно, прикидывая мысленно, что пациентка оказалась лет этак на шестьдесят старше её

самой), после чего заинтересовалась у пациентки, осведомлена ли та о средней продолжительности жизни в Российской Федерации. Катерине Тимофеевне такой вопрос показался неприятным, и она вначале хотела резко ответить, что не понимает, каким образом сведения о продолжительности жизни в РФ могут помочь доктору назначить ей правильное лечение. Однако вдруг осеклась, неожиданно для себя решив не накалять обстановку, и ответила смущённо: что-то около семидесяти... После чего доктор сказала ей: А Вам 86, верно? Вот теперь и подумайте сами, какие у Вас перспективы...

Когда Джонни пересказали эту историю, он не удивился. Она до боли напомнила ему почти дословно историю о чёрствости и бессердечности некоторых медицинских работников, рассказанную в той самой книжке о болезнях и смерти, написанной известным врачом, что он читал в юности.

Однако Клуша не была настроена так просто сдаваться и идти домой помирать, даже несмотря на то, что молодой специалист её как бы прозрачно намекнула, что вроде как уже пора. Катерина Тимофеевна пошла на приём к заместителю главврача. Где попыталась изложить содержание своего разговора с новой участковой, а также упомянуть наиболее возмутительные манеры в её поведении. Однако заместитель главврача с видом человека уже и без того серьёзно задолбанного такими историями, грубо перебила её: И что Вы мне предлагаете? Уволить молодого специалиста, с отличием закончившего профильное учебное заведение? За одно присутствие которого в нашем штате мы получаем бонусы от высших инстанций? И нам будет нечем закрыть эту позицию, вследствие чего Вы будете в два раза дольше стоять в очереди к доктору, которому придётся работать на два участка! А потом приходите сюда ко мне и ныть, что доктору некогда Вас послушать! Нет уж! Учитесь общаться с Вашим лечащим врачом, такой, какая она есть. На этом аудиенция с обиженной Клушей была закончена. Единственным позитивным итогом её, пожалуй, стало то, что доктор Чепушенкова теперь выключала музыку на время приёма пациента.

К удивлению Джонни, его мама довольно быстро согласилась на то, чтобы вызвать ей врача из поликлиники. Ирина, конечно, сначала резко порывалась позвонить своей «врачихе» и проконсультроваться с ней, однако вдруг неожиданно согласилась с предложением Джонни. Он интерпретировал это так, что и она сама, наверное, в какой-то мере понимала, что её положение очень серьёзно, и пляски с бубном в стиле Надежды ей сейчас, скорее всего, не помогут.

Наверное, сыграло роль ещё и то, что Надежда недавно сильно облажалась. Произошло это несколько месяцев назад, когда Ирина ещё могла добраться до центра, где работала Надежда, и прийти к ней на приём. До этого Надежда всё «втирала» Ирине про то, как её атакуют вирусы и различные грибковые вредители, и под это дело выписывала ей кучу дорогостоящих снадобий, якобы призванных оградить её от всевозможных инфекционных агентов. Когда же Ирина принялась систематически жаловаться на боли в суставах и всё более ограничивающуюся подвижность, Надежда заявила, что это от избытка калия. Тогда Ирина сказала, что хочет сдать анализ на калий. Надежда вначале хотела возразить, мол, в этом нет необходимости. Однако, очевидно, сообразив, что Ирина хочет заплатить ещё и за анализ, закивала головой. Да, мол, это очень даже неплохая идея. И выписала ей направление сдать кровь в их центре.

Сдача анализа Ириной имело непредвиденные последствия. В первый же после анализа приём Ирина попросила показать ей результаты анализа. Надежда (очевидно, солгав) сказала ей, что не может сейчас найти результаты анализа, но помнит, что калий там был действительно заметно повышен, а потому она готова назначить Ирине лечение с учётом результатов анализа уже сейчас. И что она непременно покажет Ирине листок с результатами анализа в следующий раз. Не иначе, рассчитывая на то, что до следующего раза Ирина благополучно сто раз забудет про свой интерес к этим данным.

Однако Ирина не забыла. Она начала свой следующий визит с требования показать ей результаты теста. Надежда попыталась ей сказать, что была очень занята и не успела поискать, однако Ирина не успокаивалась и стояла на своём. Тогда Надежда пошла в контратаку. Она заявила безапелляционно, что результаты анализа имеют смысл только для врача, и раз Ирина не специалист, она всё равно там ничего не поймёт. Тогда Ирина принялась раздражённо говорить, что поймёт она что-то в результатах анализа или нет, это уже её личная проблема. Но что она хотела бы видеть результаты этого исследования, за которое она заплатила свои последние деньги из своей скудной пенсии. И что если она их не увидит сейчас же, то она сюда больше не придёт. А ещё она расскажет подругам, которых она в своё время сюда привела, как с ней здесь обошлись, чтобы они сделали для себя выводы. Удивлённая таким поведением Ирины, которую она, очевидно, считала скорбной овечкой, Надежда сурово скомандовала ей немедленно прекратить истерику (хотя на самом деле пусть раздражённое и эмоциональное, но требование Ирины в остальном имело мало общего с тем, что обычно принято называть женской истерикой), после чего швырнула ей в лицо заполненный бланк анализа. Ирина взяла его в руки, поблагодарила Надежду и успокоилась.

Новый, ещё более сильный, этап беспокойства у Ирины начался уже дома, когда она, наконец, на ярком свете смогла рассмотреть написанные мелким шрифтом и корявым почерком результаты анализа. Потом позвала: «Хрюшка! Хрюшка! Ну-ка иди сюда! Мне нужно у тебя кое-что спросить». Обычно они общались практически только по бытовым вопросам, так как в других сферах жизни у них было мало взаимопонимания. Когда Ирина не могла что-то понять в своей шарлатанской литературе или в результатах медицинского обследования, она спрашивала у Джонни. И он, посмотрев, если нужно, ответ в интернете, принимался объяснять ей с важным видом. Послушав его ответ, Ирина, словно в знак благодарности, принималась говорить ему, что он занимается не своим делом, ковыряясь в железках. Она советовала ему работать «на стыке наук», «что-нибудь связанное с медициной». Под этим понималось быть каким-нибудь

консультантом по биологически активным добавкам и прочим шарлатанским снадобьям, таким, как Надежда. Ирина мотивировала это так: «у тебя хорошо подвешен язык. Будешь помогать людям, советовать им по поводу тех или иных препаратов». Однако Джонни это бесило. Во-первых, он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что у него никогда не будет достаточно денег купить медицинский диплом – они стоят очень дорого, давая владельцу возможность наживаться на самом дорогом у каждого человека – его здоровье. Но главное – он не хотел и не мог обманывать людей.

В этот раз, подозвав его, мама протянула ему заполненный бланк с результатами биохимического анализа крови. И с ужасом сообщила ему, что концентрация калия, которая обычно была у неё чуть меньше пяти миллимоль на литр (при норме от 3,5 до 5 ммоль/л), на этот раз оказалась в два с лишним раза выше верхнего предела нормы и находилась между 11 и 12. Джонни, однако, заглянув на всякий случай в википедию, поспешил успокоить её. Ему было очень жалко маму, но в то же время он не мог сдерживать злобного цинизма, словно собравшего в один гнойный комок все негативные эмоции, что накопились у него за последние годы по отношению к её «врачихе» Надежде. Он ответил маме, что если бы у неё действительно была такая концентрация калия, она бы уже давно умерла от остановки сердца. Джонни почему-то вспомнил при этом, как казнят преступников посредством инъекции хлорида калия. (Кажется, именно так был казнён «клоун Пого» – психопат Джон У. Гейси, растливший, убивший и закопавший рядом со своим домом несколько десятков юношей, – подумал Джонни). И заверил маму, что ей нечего переживать. Мол, эти результаты анализа – такая же лажа, как и всё прочее, что исходит от шарлатанки Надежды.

Но Ирина, хотя и успокоилась немного насчёт калия, не могла не переживать. К ней – пожалуй, впервые за все эти годы – вдруг пришло осознание того, как человек, которому она доверила своё здоровье, водил её за нос все эти годы. Причём за её же последние скудные деньги! У Джонни сложилось впечатление, словно его мама тщетно пыталась найти какое-то оправдание Надежде, вероломно предавшей надежду Ирины на исцеление. Но теперь Надежде не было оправдания. Раньше, при всей сомнительности методов лечения и в первую очередь используемых препаратов, ещё можно было придумать хоть какую-то лазейку. Когда Надежда безответственным образом выписывала средства, не прошедшие систематические клинические испытания, был пусть иллюзорный, но всё же какой-то шанс, что эти снадобья каким-то пока не известным науке образом могли кому-то помочь. Теперь же, пытаться оправдать Надежду означало пойти против элементарных законов логики.

В самом деле, Надежда назначила Ирине, пусть и по её просьбе, медицинское исследование биохимического состава крови. Результаты исследования оказались абсурдными, т.к. если принимать их всерьёз, Ирины не должно уже было быть в живых. Коль скоро Надежда знала эти результаты и понимала их смысл, то для порядочного человека и специалиста здесь практически не было других вариантов, кроме как срочно назначить пациенту новый анализ, но теперь уже за счёт заведения. И даже если принять позицию, что всякое бывает и ошибки случаются (что для организации с такими претензиями само по себе уже должно было настораживать), то их надо исправлять. Однако Надежда пошла по другому пути, и решила скрыть результаты анализа под предлогом, что они предназначены для «внутреннего использования» специалистами медицинского учреждения. Но каково могло быть конструктивное использование *таких* результатов?!

Джонни также вначале было трудно понять, зачем Ирина пыталась выгородить Надежду, фактически принесшую ей столько зла, коль скоро Ирина начала, наконец, это осознавать? Это казалось ему парадоксальным. Но когда Джонни задумался над этим более основательно, ему открылась вероятная причина: Словно какая-то невидимая психологическая защита стремилась уберечь его маму от осознания того, как её использовали. Ибо осознание это было слишком болезненным для неё. А потому ей было очень тяжело в этом признаться даже себе самой. И это было, естественно, только на руку Надежде и ей подобным.

Джонни чувствовал, как сильно переживала его мама. И хотя не верил в такие вещи, впоследствии он не мог отделаться от ощущения, что именно с этого момента её здоровье покатило под откос. Словно её здоровье окончательно подорвала утрата последней надежды на исцеление.

Зато теперь, несколько месяцев спустя после истории с калием, основательно поколебавшей доверие Ирины к Надежде, ему, неожиданно для него самого, удалось уговорить маму согласиться на то, чтобы вызвать ей участкового врача из районной поликлиники. При этом в разговоре с мамой он использовал фактически аргументы, сходные с теми, что в своё время использовала Надежда для развода её на свои услуги. Он сказал маме, что она может и дальше продолжать слушать Надежду и покупать на последние деньги её снадобья, но тогда она гарантированно продолжит сидеть в своей луже. Или, как вариант, она может попробовать более разумный вариант, используя средства, разработанные более-менее по науке. Выслушав его аргументы, мама, с каким-то странным, непривычным для него обречённым видом, согласилась.

Осмотрев Ирину, доктор Чепушенкова сказала ей, что у неё, скорее всего, цистит, и назначила ей уколы антибиотиков. После ухода врача Ирина с унылым видом поинтересовалась у сына, стоит ли ей начинать это лечение, т.к. что-то ей подсказывает, что оно ей не поможет. Джонни оказался перед очень непростой дилеммой. Он был уверен почти на 100%, что недержание мочи у его мамы обусловлено необратимым дегенеративным процессом в центральной нервной системе. В такой ситуации пытаться лечить его средством против цистита было совершенно бессмысленно. Однако поддерживать маму в намерении саботировать предложенное доктором лечение он также был не готов. А потому сказал маме, что

нужно попробовать, и если не поможет, то станет ясно, что это другое. После чего пошёл в аптеку и купил лекарство. А со следующего дня к ним стала приходиться медсестра из поликлиники и делать инъекции.

Как и следовало ожидать, терапия не принесла ожидаемого эффекта. Теперь Джонни был уверен, что радикально сделать нечего нельзя, разве что замедлить неуклонное прогрессирование неврологических симптомов. Ситуация, в его понимании, усугублялась тем, что у мамы, по её словам, был плохой аппетит. И она настаивала, чтобы он ей покупал в магазине «что-нибудь вкусненькое: шоколадное маслице, сырок, ветчинку». Для него же эти продукты ассоциировались со словами «предельные жиры», «холестерин». Что, по его представлениям, должно было усугублять атеросклеротические процессы в сосудах головного мозга, тем самым ухудшая состояние его мамы. Джонни пытался объяснить: это может принести тебе вред. Тем не менее, мама настаивала, говоря: пусть мне будет хуже, но я не хочу давиться невкусной пищей. И Джонни в итоге сдавался, шёл и покупал, стараясь выбирать, впрочем, нежирные сорта сыра.

Тем временем, состояние его мамы неуклонно ухудшалось, и вскоре начался самый настоящий кошмар. К лужам добавились кучи. Джонни ходил с совком, после чего долго орудовал тряпкой. А мама его лишь улыбалась в ответ: «гном обделался». Однако про «памперсы» (одноразовые подгузники) она не хотела и слышать: «только через мой труп!» Джонни прекрасно понимал, что в перспективе от этого никуда не деться, но что было делать сейчас? Он же не мог раздеть свою маму силой и засунуть в памперс! И сколько бы он ни орудовал тряпкой, клиенты, приходившие к нему домой по компьютерным вопросам, не могли не чувствовать характерный запах, от осознания чего Джонни чувствовал себя ещё ужаснее по поводу всей этой ситуации.

Дальнейшее неблагоприятное развитие событий только добавило мучительных вопросов, на которые у него не было удовлетворительных ответов. Мама Джонни, видимо, осознавая той частью коры головного мозга, которая ещё работала, что дела её плохи, совсем плохи, и к чему всё клонится, в его отсутствие стала судорожно звонить в различные шарлатанские конторы и заказывать себе всяческие снадобья, пока у неё не закончились совсем деньги. Тогда она стала требовать, чтобы Джонни сходил в сбербанк и оформил на себя доверенность на получение её пенсии. Но для этого непременно требовалось её присутствие, а потому этим заниматься было уже поздно. Что дало ему дополнительный материал для тягостных раздумий о собственной непрактичности. Хотя, с другой стороны, если бы он сейчас получил мамину пенсию, принёс и отдал её ей, тот она бы тут же фактически её выкинула, потратив на шарлатанские средства, которые всю рекламу делали по центральному радио. Таким образом, куда ни кинь, всюду клин. Мама же при этом ещё и попрекала его, что он хочет её угробить, не давая ей денег на спасительные снадобья. Впрочем, однажды он всё же сделал в этом плане исключение, оставив ей фальшивую пятитысячную купюру, которую ему, очевидно, впарили клиенты. А он осознал это, лишь когда у него её не взяли сначала в компьютерном магазине, а затем в Евросети. И когда мама в итоге расплатилась ею за свои «добавки», он не испытывал угрызений. Так как даже если продавец был всего лишь «рядовым слугой капитализма», всё равно, по мнению Джонни, он должен был понимать, что делает, и за чей счёт наживается.

Вскоре после этого был ещё один неприятный инцидент, поставивший Джонни перед сложной дилеммой. Его мама услышала рекламу по радио, в которой, как она поняла, ей предлагали купить супер-пупер прибор для лечения всех болезней, и всего за двадцать пять рублей. Однако когда женщина-курьер приехала с прибором, выяснилось, разумеется, что прибор стоит двадцать пять тысяч. На основании этой истории Джонни сделал вывод, что для этих деятелей идеальный клиент – одинокий пенсионер с болезнью Альцгеймера или иной деменцией, который уже может ходить только под себя, однако при этом ещё в состоянии отслонявить свои последние деньги.

Теперь Джонни предстояло иметь дело с телефонной проблемой. Она заключалась в том, что мама его сидела всё время наедине с телефоном. И когда его не было, она могла названивать по разным конторам и заказывать какие-то препараты, приборы. А платить ей, естественно, было нечем! Да и когда он был дома, тоже могла звонить – он же не мог её всё время контролировать! Убирать от неё телефон, когда он уходил? Но тогда она даже не сможет позвонить и вызвать себе скорую помощь, если ей станет совсем плохо. И в этом случае убранный телефон может оказаться просто бесчеловечным решением с его стороны. Но что же тогда было делать? Он всерьёз задумался о том, чтобы нанять какую-нибудь женщину, которая бы сидела с мамой и за ней ухаживала. В пользу такого варианта говорило ещё одно крайне неприятное обстоятельство. Мама его теперь по ночам сидела на кухне и упорно не хотела идти в комнату спать. Никакие уговоры не помогали. Когда Джонни пытался взять её за руку, чтобы отвести в комнату, она сопротивлялась и царапалась. Наконец, не в силах ничего сделать, Джонни уходил спать сам. Но однажды, когда он её так оставил, она заснула прямо сидя, в результате чего упала под стул и расцарапала себе ногу.

На следующий день, несмотря на её сопротивление, Джонни на руках перетащил её в комнату и усадил на кровать. Он никогда впоследствии не мог себе простить того, что он не нашёл в себе решимости сделать это раньше, несмотря на её сопротивление, в результате чего мама получила незаживающую рану на ноге. Будучи уже в состоянии отчаяния, «ну должна же быть в стране хоть какая-то медицинская помощь!», Джонни снова вызвал маме районного врача, объяснив ситуацию. Придя по вызову, доктор Чепушенкова первым делом, естественно, попыталась поговорить с пациентом. Однако, быстро поняв, что Ирина не только не способна вести осмысленный диалог, но что у неё заплетается язык, сделала круглые глаза и воскликнула: «у неё инсульт!» После чего попросила телефон, вызвала скорую помощь, представившись соседкой, и ушла.

Джонни был в шоке от её поведения. Естественно, он не ожидал, что она будет дожидаться приезда скорой помощи – ведь её ждали по вызову другие пациенты, – тем более что всё равно в такой ситуации она реально ничем помочь не могла. Но Джонни никак не мог переварить, зачем она представилась соседкой. Ещё больше он был удивлён, однако, когда по приезде скорой помощи ему будничным тоном объяснили реальную причину: они, мол, там в вашей поликлинике просто хотят снять с себя ответственность. После того как мама Джонни сказала им, что она находится в больнице, что сейчас лето (был апрель), и что Джонни её отец, врачи скорой помощи стали объяснять ему то, о чём он давно догадывался сам. А именно, что у его мамы не острый инсульт, а деменция типа болезни Альцгеймера, что дальше будет ещё хуже, это будет только прогрессировать, и что ему надо готовиться ухаживать за мамой.

Одна мысль о том, что ему придётся раздевать свою маму донага, мыть её, переодевать и так далее, приводила Джонни в ужас. Однако деваться было некуда. В самом деле, каковы были альтернативы? Платить гастарбайтершам, которые бы сидели день и ночь возле его мамы? Но ни одна гастарбайтерша не будет работать в этой роли даже 8 часов в день за такие деньги, за которые работал он сам в своей сфере! А потому деньги скоро закончатся, и что тогда?! Кроме того, оставлять в квартире посторонних, когда он спит или когда его нет дома? А если их с мамой захотят убить, ограбить? Конечно, он не думал, что найдётся много желающих позариться на железки, составлявшие фактически единственное его богатство. Однако вот не побрезговал же психопат Андрей Валенков спереть детали у него из дома, злоупотребляя его доверием. И где гарантия, что среди гастарбайтеров этих, для которых жизнь его мамы и его собственная, по идее, тем более ничего не стоят, не найдутся психопаты? Ведь они же есть среди представителей любой нации!

Осознав, наконец, что другого выхода у него нет, Джонни после долгих тягостных раздумий поборол остатки своих комплексов, отнёс маму на руках в ванную, где дрожащими руками стащил с неё одежду и помыл. Затем, несмотря на её сопротивление и заявление, что он «изверг», надел-таки ей памперс. Спасибо председательнице общества инвалидов, в котором состояла его мама, – она выдала ему целую упаковку. Однако при этом председательница предупредила его, что не сможет его снабжать ими постоянно, а потому советовала сходить в поликлинику и получить там направление в центр социального обслуживания, где его будут снабжать одноразовыми подгузниками, пелёнками и прочим для ухода за мамой.

Джонни уже чувствовал аллергию на эту поликлинику и вообще не хотел иметь дело с бюрократией, но в то же время не хотел и упускать то, что его маме и ему было вроде как положено. А потому, выбрав время, нехотя поплёлся в сторону поликлиники №666. Где медсестра Чепушенковой доброжелательно ответила ему: почему бы и нет? Но сначала нужно получить заключение невролога. А невролог ходит по домам раз в неделю. Когда, в какой день? Да в какой ей удобно! Но какой же именно это день недели, они не знают. Джонни оставил им номер своего мобильного и получил обещание, что утром в день визита невролог позвонит.

Утром в день своего визита невролог Ряхина позвонила и сказала, что придёт. Вначале ничего не предвещало неприятностей. Для спокойствия Джонни ещё раз поменял на маме памперс, и относительно спокойно (учитывая свою обычно достаточно высокую постоянную тревожность, характерную для запущенного невротика) ожидал прихода врача. Но тут началось непредвиденное. Мама решила сходить в туалет по большому, и для этого зачем-то, как назло именно в этот день, решила, во что бы то ни стало, стянуть с себя «трусы», т.е. подгузник. Джонни сразу же запаниковал. Он был уверен, что если он сейчас потащит маму мыть, то по закону подлости, именно в это время придёт врач и будет в ярости. Поэтому кое-как поменял памперс, вытер маму, однако запах всё равно остался. И когда он, смущённый и растерянный, судорожно пытался сообразить, что же делать дальше, раздался звонок в дверь.

Невролог Ряхина сначала попыталась поговорить с Ириной. Однако быстро поняв, что та не способна поддерживать осмысленный разговор, перешла к осмотру. Но осмотр больной, увы, тоже не заладился. Случайно прикоснувшись к ноге Ирины, врач вляпалась в её незаживающую рану. Изобразив на мгновение неприязненную гримасу, невролог Ряхина обратилась угрожающим тоном к самому Джонни: Тогда у меня вопрос к Вам, молодой человек. Почему у Вас пациент в таком состоянии? Джонни вначале растерялся. Он чувствовал себя при этом ужасно, словно в далёком детстве, когда его унижала его бабка или первая учительница, та самая, которая била его указкой. Однако теперь он стал взрослым, и, как ни старались этому воспрепятствовать его бабка и первая учительница, научился думать своей головой. А потому не собирался мириться безропотно с чем угодно. С этой мыслью он немного пришёл в себя и принялся объяснять Ряхиной, что мама поранилась ещё в то время, когда могла самостоятельно ходить, и что же теперь делать, если до конца не заживает, мама ведь не ходит, кровообращение плохое, может, поэтому?.. При этих его словах Ряхина многозначительно посмотрела по сторонам, оглядывая обстановку в комнате его мамы, после чего спросила зловещим тоном: почему у вас здесь такие антисанитарные условия? Мне что, сейчас сюда милицию и социальные службы вызвать?

Шах и мат. Мама Джонни, как и он сам, была заядлой собирательницей хлама. Джонни объяснял для себя такую её склонность тем, что она просто не может ничего выкинуть. Как и ему самому, ей было невыносимо «жалко». А потому сама мысль об избавлении от ненужного вызывала у неё сильную тревогу. В результате в её комнате по шкафам было разложено множество изношенных тряпок, которые жадно пожирала моль, которая словно специально развелась ради такого дела. У неё также был в комнате книжный шкаф, наполненный изданиями, относительно которых было ясно, что ни она сама, ни кто-либо ещё уже никогда не будет их читать. На открытых же поверхностях были разложены огромными стопками и

пылились подшивки её любимой знахарской периодики. О том, чтобы всё это выбросить, не могло быть и речи: это же такая ценная информация! А вдруг кому-нибудь понадобится! И ведь действительно, время от времени подруга Ирины или просто какая-нибудь знакомая бабулька спрашивала у неё о чём-то, и получала вместе со словесным ответом увесистую подшивку номеров вестника «Будь Здоров» или ещё какого-нибудь издания аналогичного толка. Но через несколько дней подшивка с благодарностями возвращалась обратно. И, как итог, в комнате Ирины оставалась лишь небольшая тропинка, по которой она пробиралась к своей кровати, когда ещё могла ходить.

Казалось бы, теперь, когда дела его мамы были совсем плохи, и стоял вопрос жизни и смерти, Джонни мог бы выкинуть из её комнаты лишние вещи. Но и в этом, однако, он видел сложность. Ведь это всё должно было происходить у неё на виду! Каково будет ей воспринимать остатки своего больного разума то, как у неё буквально на глазах, воспользовавшись её беспомощностью, её сын будет выбрасывать такие дорогие её сердцу предметы?! Поэтому пока всё, на что его хватило, - это стелить под неё её газетки, когда менял памперсы и так далее. Он видел в этом некий символический акт: Коль скоро эти издания, как он считал, способствовали тому, чтобы его мама быстрее дошла до жизни такой – значит, самое адекватное им применение, – это подтираться ими.

Естественно, он не собирался всё это объяснять Ряхиной. Да она бы и в любом случае, наверное, не стала слушать. И снова он на какой-то момент почувствовал себя словно забитый школьник, у которого спросили невыученный урок. Вскоре, однако, это ощущение сменилось чувством обиды, плавно переходящей в злость. Нет, я им живым не сдамся, - гневно подумал он.

Джонни ничего не имел против ментов, т.е. полицейских. Конечно, случись чего, они бы имели что-то против него. Но что здесь поделывать, - такова их работа. Ему уже приходилось недавно иметь дело с «внутренними органами», когда однажды утром позвонил участковый полицейский и попросил поговорить с его мамой. Когда же Джонни объяснил ему ситуацию, тот сказал, что на Джонни жаловалась соседка, что якобы он ей не дал возможность пообщаться с его мамой, не открыл ей дверь и т.д. Джонни даже открыл рот от удивления и вначале не нашёлся, что сказать в ответ на это абсурдное утверждение. После чего всё же собрался с мыслями и объяснил полицейскому, что даже если эта «соседка» не могла дозвониться ему на домашний телефон, она могла бы позвонить на мобильный и узнать, когда можно прийти. Судя по голосу, участковый и сам понимал несурзность ситуации, в которую его поставила «соседка», однако всё же чувствовал себя обязанным как-то отреагировать и сделать этот звонок хотя бы «для порядка». Когда полицейский, получив от Джонни заверения, что у них была врач и он занимается уходом за своей мамой, положил трубку, самому Джонни по-прежнему не давал покоя вопрос: кто же была эта самая соседка?! Уж не та ли самая «соседка», которая так представилась, вызывая скорую помощь, решила отомстить ему таким образом за то, что он опозорил её перед всеми бабками, посещавшими поликлинику. Ведь он буквально на следующий день рассказал эту историю Клуше, поинтересовавшейся её визитом: «ну как?», после чего уже та растрезвонила дальше своим кумушкам. Но зачем Чепушенковой это было надо?! Чтобы снять с себя ответственность? Так с неё и так вроде никто не спрашивал! Хотя, с другой стороны, если не она, то кто?!

Тем более что Джонни ведь действительно её не пустил. На следующий день после визита к его маме она была по вызову у Клуши. И вдруг решила зайти по дороге к Джонни, чтобы отдать ему направление в больницу для его мамы, на отсутствие которого сетовали врачи скорой помощи: мол, не можем взять в больницу, т.к. нет направления. В самом деле, какое может быть направление от соседки?! Однако по какому-то закону подлости именно в этот момент Джонни не мог открыть, т.к. был в процессе смены памперса на маме. Чепушенкова же, естественно, не могла ждать. Тем более, как она объяснила потом Клуше, регулярно навещавшиеся к ней, у неё это был последний вызов, и ей нужно было бежать на электричку, чтобы ехать к себе домой в Подольск. К слову, тот самый город, где теперь жил психопат Сергей Туповский.

Значительно более неприятной даже по сравнению с полицией для Джонни была мысль о встрече с «социальными службами», которыми пыталась запугать его Ряхина. В его воображении они олицетворялись «сильно деловой» тёткой, отдающей приказание бомжам и прочим неблагополучным отщепенцам вроде него самого о выполнении тех или иных принудительных работ. И угрожающей в случае неповиновения тюремным заключением, либо насильственной госпитализацией в психиатрическую лечебницу. И ему нестерпимо захотелось обломать эту воображаемую тётку, продемонстрировав им всем, что он не собирается им повиноваться.

Ему при этом почему-то вспомнилось ещё про ювенальную юстицию, о которой много пишут в интернете. О том, как она будет отнимать детей у неблагополучных граждан, и отправлять их в «благополучные» детские дома, среди персонала которых хватает садистов и педофилов. Те же конфискованные детки, которым особенно «повезёт», поедут к добрым усыновителям в Пиндосию, где составят развлечение более изощрённым садистам. Или достанутся криминальным элементам и будут разделаны на органы ради спасения жизней детей богатеньких родителей. Фактически эти невинные дети будут казнены за то, что имели несчастье родиться в недостаточно состоятельной, неблагополучной семье.

И при этих мыслях ему безумно захотелось обломать эту воображаемую тётку, а в её лице всю бесчеловечную бюрократическую систему, которая осваивает народные деньги, обращаясь с необычными людьми, у которых и так полно в жизни трудностей, как со скотом. Накрутив себя таким образом, Джонни испытал нестерпимое желание сказать Ряхиной: да-да, вызывайте милицию, социальные службы и прочих, а

потом ровным строем идите все вместе на х**! К счастью, правда, он сумел сдержаться, вовремя осознав, какие то может иметь последствия. Но сдаваться Джонни тоже не собрался, а потому ответил Ряхиной резко, и в чём-то даже глумливо: да вызывайте кого хотите! Если Вы считаете, что санитарная обстановка от этого улучшится...

Бросив на него неприязненный взгляд и сообразив, видимо, что коррекции он не подлежит, Ряхина сказала авторитетным тоном: Я сейчас выпишу направление в больницу. После выписки из больницы будешь оформлять маму в дом престарелых (или она как-то иначе назвала это учреждение – Джонни уже не помнил, да и не это было главным, наверное). Напишешь там заявление, что у тебя нет возможности за ней ухаживать. После этого она попросила телефон. Надо отдать ей должное, в отличие от Чепушенковой она представилась, и сказала, что выписала направление. Впрочем, невролог Ряхина не преминула также поинтересоваться, возьмут ли пациента в больницу «в таком состоянии», имея в виду, очевидно, её рану на ноге. Получив утвердительный ответ, она удалилась.

Закрыв за ней дверь и ожидая приезда скорой помощи, Джонни принялся изучать направление, оставленное Ряхиной на столе. И был в шоке от того, что увидел. Первым же пунктом там стояло сотрясение мозга. И лишь потом упоминались сосудистые нарушения, служившие причиной его состояния. По отношению к его маме сотрясение мозга было, мягко говоря, неправдой. По отношению к нему это был криминал. Точнее, достаточное основание для его обвинения. Получалось, что либо он бил свою тяжелобольную маму по голове, либо головой обо что-то, в результате чего она получила сотрясение мозга. То и другое представляло собой поведение не просто чудовищное с моральной точки зрения, но ещё и уголовщину. И даже если она сама ударилась, то всё равно получалось, что он вёл себя ужасно, оставляя маму без присмотра. Последняя мысль, впрочем, навела его на печальные размышления. И самым отвратительным здесь было то, что с последней интерпретацией он мог в каком-то смысле согласиться. Это он и никто другой был виноват в том, что когда мама ещё могла ходить, она однажды заснула на кухне и упала со стула. Конечно же, он не знал, что делать с ней, когда она категорически не хотела идти в комнату, но ведь это всё равно была его вина! Значит, ему надо было как-то активнее действовать, принимать решения, проявлять инициативу. А теперь было необходимо сделать выводы и изменить своё поведение, пока ещё не слишком поздно.

Врачи скорой помощи сказали, что прекрасно понимают: едва заметный синяк на лице у Ирины никоим образом не свидетельствует о серьёзной черепно-мозговой травме, и что невролог из поликлиники написала об этом лишь для того, чтобы были достаточные основания для госпитализации. После чего добавили, что, конечно же, коль скоро есть направление, они могут забрать маму Джонни в больницу. Однако не видят в этом ни для неё, ни для него особого смысла. Как Джонни понял со слов врачей скорой помощи, через день-два в больнице поймут, что у его мамы нет никакого сотрясения мозга. Есть только необратимое дегенеративное состояние центральной нервной системы, при котором никакой положительной динамики ожидать не приходится. А потому держать её на больничной койке бессмысленно. Что только создавало для Джонни бессмысленные трудности с транспортировкой мамы. Убеждённый аргументами врачей, Джонни подписал отказ от госпитализации.

А на следующей неделе ему позвонила невролог Ряхина. Поинтересовалась, положили ли его маму в больницу. Она подходит к этому более добросовестно, нежели многие другие, надо отдать ей должное, - подумал Джонни. Когда Джонни изложил ей ситуацию, а также то, как он пришёл с врачами скорой помощи к согласию о бессмысленности госпитализации мамы, Ряхина сказала: приходи в поликлинику, будешь оформлять документы для отправки мамы в дом престарелых.

Джонни не мог не посмотреть в интернете, хотя бы из любопытства, какова же процедура. Оказалось, что помимо кучи бюрократических инстанций нужно было ещё показать больного онкологу, психиатру, и, кажется, ещё каким-то врачам специальностей, не представленных среди персонала славной поликлиники №666. Таким образом, помимо длительной возни, требовавшей больших затрат времени, предполагались ещё значительные затраты на платных или условно-бесплатных врачей-специалистов, которые «за так», скорее всего, ходить к пациенту и писать заключения не будут. А возить куда-то пациента, который мог передвигаться в машине только на носилках (так как Джонни не представлял, как поместить маму в её не разгибаемом состоянии в обычную машину) также представлялось ему проблематичным.

Однако раз зовут, надо было идти в поликлинику. Джонни подумал о том, что, как минимум, он может получить там направление в ЦСО на получение памперсов и пеленок. Придя в поликлинику, Джонни узнал новость, которая наполнила его оптимизмом: Чепушенкова ушла в отпуск. Вместо неё принимал сравнительно добрый мужик по фамилии Махно, который обычно занимался инвалидными вопросами. Но уже в очереди к нему Джонни сообразил, что для разговора с врачом непременно понадобится мамина медицинская карта. И поплёлся в регистратуру. Где после продолжительных поисков и неоднократного уточнения адреса проживания сотрудница – гастарбайтерша корявым русским языком сказала ему, что карты нет.

Вначале Джонни не хотел сдаваться, и пошёл даже в кабинет Чепушенковой: а вдруг карта в кабинете? Но там обычно сравнительно добрая (по мнению бабок – завсегдадаев и на фоне другого персонала данного лечебного учреждения) медсестра Чепушенковой раздражённо сообщила ему, что ничем не может ему помочь. Джонни вернулся в регистратуру, принялся объяснять ситуацию и то, как важно найти эту долбаную карту. Привычно безучастно выслушав его тираду, приезжая, видимо, сначала хотела

повторить, что ничем помочь не может, но, словно опомнившись, вдруг сказала: у какого последнего врача была Ваша мама? Джонни ответил, что последней приходила по вызову невролог Ряхина. Тогда регистраторша ему сказала: невролог Ряхина принимает в субботу (это был конец апреля, с переносами рабочих дней), придёте и спросите у её сестры... На этом месте Джонни не выдержал. Развернулся, плюнул на всё и ушёл. Подумал: нет уж, эти памперсы и пелёнки не стоят того. Он проще их за свои деньги купит в магазине, чем ходить вот так бессмысленно обивать пороги. При этом ему вспомнилось, как даже мамина подруга Зарема Михайловна, при всех её знакомствах и связях, не могла получить свою вот так же потерянную карту в течение трёх месяцев. Да его мама, вероятно, три месяца-то не проживёт!

Теперь Джонни знал достоверно: помощи ждать неоткуда! Его судьба, а главное, судьба его мамы, была в его руках. Он взял в инвалидном обществе коляску. Правда, выкатывать маму на улицу не решался, но ему всё же удобнее было возить маму мыться, а не носить на руках. Старался готовить блюда сразу из нескольких продуктов, чтобы получалось более питательно, и кормил маму с ложечки. Как, наверное, она сама кормила его, когда он был ещё маленьким «поросёночком». У него появилось приятное ощущение контроля над ситуацией, хотя бы частичного. Осознание собственной способности помочь своей маме в её последние дни. Ему даже показалось, что она стала лучше говорить. Конечно же, о способности вести пространственные разговоры на абстрактные темы не могло быть и речи, однако ему даже показалось, что мама стала более отчётливо и осмысленно сообщать ему свои просьбы, например, «включи говорилку» (т.е. радио). А ещё однажды на него произвело впечатление, как глубоко могут укорениться некоторые моменты даже в мозгу, поражённом тяжёлым патологическим процессом. Когда он специально отошёл в другую часть комнаты чтобы чихнуть, мама сказала ему: будь здоров!

Джонни также старался сделать её рацион более здоровым: заменил сливочное масло растительным, покупал нежирные сорта сыра и т.д. Он также огородил мамину кровать подушками, чтобы она не ударилась, если ей вдруг приходило в голову сползти с кровати. Несмотря на плановое отключение горячего водоснабжения во второй половине мая, он регулярно грел воду, дабы иметь возможность регулярно мыть маму.

Были, конечно же, и сложности. Например, мама капризничала, подобно тому, как, наверное, делал он сам, когда ещё был поросёночком, которого кормили с ложки: то это не хочу, то другое. Или скушает пару ложек и всё, хоть ты тресни. Джонни с трудом, но приходилось на старости лет учиться терпению, которого ему обычно так не хватало по жизни. Самым же неприятным, наверное, была та рана у мамы на ноге, которая упорно не хотела заживать, как он ни старался и не обрабатывал это место антисептиками. Вероятно, здесь негативно сказывались возраст и неподвижность парализованной конечности, усугублявшие нарушения кровообращения.

Тогда же стали возникать серьёзные, очень негативные моменты, связанные с его собственным здоровьем. Так, однажды, когда он ездил с товарищем в Ашан за памперсами для мамы и прочим, ему стало как-то совсем не по себе, начала кружиться голова. Кроме того, даже в более «благополучные» годы ночью, перед сном у него не раз возникали мысли о том, что вот сейчас он уснёт и не проснётся. Появлялась сильная тревога, страх, мешавшие ему уснуть. Он не высыпался, и на следующий день чувствовал себя ещё хуже, что давало ему дополнительные основания для тревоги. И теперь у него также возникали такие моменты, однако они стали дополнительно усугубляться страхом перед тем, что если он уснёт и не проснётся, то он-то просто не проснётся, а его мама умрёт ужасной смертью от обезвоживания. Правда, на какое-то время он немного успокоился, когда прочитал в википедии, что безнадежные больные, умирающие от обезвоживания, уходят из жизни без особых мучений. Тем не менее, сама мысль об этом не давала ему покоя.

В интернете Джонни также узнал тогда подтверждение тому, о чём догадывался в общих чертах на основании общих представлений из анатомии и физиологии. А именно, что сосудистая деменция прогрессирует приступами, связанными с возникновением значительных нарушений мозгового кровообращения. Это, в свою очередь, вызывает необратимую потерю всё большего количества функций центральной нервной системы. Поэтому нужно было готовиться к тому, что в любой момент может наступить ухудшение.

Это случилось 12 июня. В тот день Джонни собрался с товарищем в Ашан за памперсами и прочим. Он знал, что мероприятие, включавшее длительную процедуру собственно шоппинга, займёт несколько часов. А потому хотел хорошенько накормить маму, дабы она не была голодной в его отсутствие. Однако мама упорно не хотела есть, отворачивала голову. В связи с этим процедура заняла неожиданно много времени. Товарищ уже приехал за ним, стоял у него под окнами и сигналил ему: время – деньги. Растерянный Джонни, не знавший уже как упротить маму скушать ещё ложечку, принялся кричать: неужели ты не понимаешь, что если ты не будешь есть, ты умрёшь?! И тогда случилось то, от чего он впоследствии был в стыде и в шоке всю свою оставшуюся жизнь. Мама, обычно объяснявшаяся в лучшем случае короткими фразами, совершенно отчётливо сказала ему: думаешь, если ты будешь кричать на меня, станет лучше?!

А когда он вернулся через несколько часов, у мамы остались подвижными фактически только руки. Речь пропала полностью. И этими самыми руками она начала в те дни совершать ужасную саморазрушительную активность. Даже несмотря на то, что Джонни подстриг ей ногти, она буквально пальцами стала растирать, раздирать себе кожу на руках и на ногах. Хрупкая, лишённая адекватного

кровообращения кожа её быстро разрушалась, на ней образовывались незаживающие раны. Джонни потом ещё винил себя в том, что с его жутко плохой наблюдательностью и общим подавленным в связи с происходящим состоянием, он далеко не сразу понял смысл происходящего и чем это грозит. Он мыл маму каждый день, но это только усиливало чесотку. Джонни пытался даже надевать ей варежки. Однако стоило ему лечь спать или просто отойти, как она снова расчёсывала себя. В результате, через неделю на руках и, особенно, на ногах у неё образовались жуткие язвы. Нужно было срочно с этим что-то решать. Не зная, что делать дальше, Джонни собирался вызвать скорую помощь. Однако в итоге принял решение, которое впоследствии никогда не мог себе простить и за которое обоснованно считал себя убийцей своей мамы. Он подумал о том, и, словно в подтверждение своих мыслей, прочитал в интернете, что язвы эти, особенно при плохом кровообращении, заживают очень долго, если вообще заживают. Джонни прекрасно видел это на примере старой раны у мамы на ноге, которая так и не зажила. А потому, как он думал, когда маму выпишут из больницы, ему всё равно придётся с этим иметь дело. А потому нужно в любом случае искать эффективное решение сейчас.

Примерно в то же время у него был разговор с соседкой из квартиры напротив, вспоминая который впоследствии, он укреплялся в восприятии себя как бессердечного монстра, погубившего свою мать. Соседи не любили его, считая никчёмным раздолбаем и бездельником, который был ещё к тому же замкнутым и необщительным. Джонни же просто отвечал взаимностью этим людям, которые, как он считал, были просто не в состоянии его оценить. Однако время от времени соседи всё же обращались к Джонни за компьютерной помощью, благо ему они давали на порядок меньше денег, нежели им пришлось бы платить компьютерному «мальчику по вызову».

В этот раз, пока он сидел у них, соседка Наташа поинтересовалась: как там мама твоя? Что-то её давно не видно. Джонни рассказал. Потом, в процессе разговора, Наташа как-то сказала: ты измельчай ей пищу. И Джонни вдруг осознал: ведь у мамы же вставная челюсть! С ужасом и нестерпимым стыдом он думал о том: почему, почему он был всегда настолько погружён в свои долбанные мысли, что ни разу не подумал о маме: а каково ей жуётся? Конечно, он её в любом случае кормил кашами и прочей мягкой пищей. Однако всё же он был уверен, что после измельчения пищеварение было бы лучше, и мама кушала бы больше! Он не мог себе этого простить!

Вскоре после разговора с Наташей Джонни разжился блендером. Однако было уже поздно. Спустя несколько дней наступила трагическая развязка. Джонни понимал, какой у измельчённой пищи был серьёзный недостаток: её надо было есть сразу, т.к. в мелкодисперсных продуктах микроорганизмы размножаются особенно быстро. А потому пищу надо съедать сразу или выбрасывать. Для него же сама мысль о выбрасывании продуктов, особенно если на их приготовление уходило столько времени, была мучительной, вызывая сильную тревогу. Вечером 24 числа Джонни сидел, как обычно, около мамы, кормя её измельчённой едой с ложки. Однако мама ела очень медленно. У него почему-то возникло ощущение, что еда словно стоит у неё в горле, и она не может её проглотить. Исчерпав остаток моральных сил, Джонни выбросил недоеденную пищу и стал давать маме кефир, чтобы у неё в рационе были хоть какие-то белок и калории. Которые, как он знал, были очень важны для заживления нанесённых ею себе язв, которые не становились меньше даже несмотря на активную обработку. У него была также непростая дилемма: если хранить кефир в холодильнике, то его нужно каждый раз греть. Если нет, то он быстро портится. И Джонни выбрал, как ему казалось, компромиссный вариант, отливал порцию и подогревал, оставляя большую часть в холодильнике. Он ставил себе будильник на два часа вперёд, постоянно вставая и давая маме всё новые порции кефира.

На следующий день, измотанный этой процедурой, он проснулся уже поздно днём. Попытался покормить маму, однако она лишь отворачивала голову. На какое-то время он отвлёкся, чтобы сделать срочную работу. После чего попытался снова покормить маму. И с ужасом заметил, как она тяжело дышит. Первая мысль была: немедленно вызвать скорую. И вдруг он почувствовал также явные признаки кишечного расстройства у мамы. Менять памперс? Но мама тяжело дышала. А если она умрёт?! Надо было срочно принимать решение, а он метался. Наконец, в ушах у него зазвенело: почему у Вас пациент в таком состоянии?! Мало того что с расчёсанными язвами, так ещё и...

Джонни потащил маму на руках в ванную. Посадил там на ванну. Помыл. И тут он заметил, как она дышит ещё тяжелее, что ей совсем плохо, и она вот-вот умрёт. Ему нужно было сбежать 2 метра до кухни за новым памперсом. Он неуверенно отпустил маму, которую перед этим всё время удерживал в процессе мытья, в надежде на то что она сможет просидеть несколько секунд, однако её состояние было настолько плохим, что она завалилась набок и даже немного ударилась головой. Джонни был в отчаянии. Одев новый памперс, он отнёс маму в комнату и уложил. В процессе мытья и при одевании он также не мог не заметить с ужасом, какой мама была горячей. Вызвал скорую. Мама дышала ещё тяжелее. Джонни подумал о том, что у мамы, наверно, обезвоживание, раз даже памперса не хватило. И попытался напоить её минералкой. У мамы началась рвота. Джонни попытался посадить её, чтобы она не захлебнулась рвотными массами, но было поздно. Мама уже не дышала. У неё начали синеть губы. Он попытался даже перевернуть её, чтобы вытряхнуть жидкость из дыхательных путей, делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца, однако очень скоро понял полную бесперспективность этого занятия. Мама умерла. Ему предстояло с этим смириться.

Бригада скорой состояла из двух душевных женщин. Они покачали головой: «вторая смерть за сегодняшний день». Заметив состояние Джонни, они даже предложили дать ему успокоительное. Джонни вежливо отказался и пояснил: как он может успокоиться, чувствуя свою вину в том, что не уберёт свою маму. Добрые тётушки, однако, не собирались поддерживать его самообличительный порыв. Они считали угасание его мамы печальным, но естественным и неотвратимым процессом, в котором вряд ли что-то можно было радикально изменить. Они так и сказали ему: Вам не в чем себя винить. Что Вы могли сделать?

Следующие визитёры оказались Джонни значительно менее приятными. Первым пришёл похоронный агент, и практически сразу же за ним полицейские. Джонни при этом почему-то сразу вспомнилось, как Клуша, призывая его навести дома порядок, говорила: когда всё закончится (Джонни прекрасно понимал смысл этого эвфемизма: когда умрёт твоя мама), к тебе придут, и они будут спрашивать, чем ты занимаешься и почему у тебя дома такое.

Как и следовало ожидать, после вопросов, относящихся к маме и её уходу из жизни, полицейские спросили у него: где работаете? Формальный вопрос, для протокола. Ничего личного. Джонни не любил и никогда не умел врать, но в данном случае деваться было некуда. Так как за ответом «временно не работаю» неизбежно последовала бы вереница неприятных вопросов типа «как давно?» и «на что живёте?». Которые, в свою очередь, могли бы повести к серьёзным последствиям в виде различных разбирательств. Поэтому Джонни ответил уверенно, что работает лаборантом в институте околосвященных наук. Конечно же, лаборант в занюханном институте в 40 лет – не гламурно. Это всё равно, что повесить себе на шею плакат: Я НЕУДАЧНИК! Однако комплексовать перед ментами и тем подставлять себя под криминал или как минимум административную ответственность было тем более глупо, и потому он сказал то, что сказал. Рассудив таким образом, что если его сейчас ни в чём не обвинят, то про эту бюрократическую бумажку – протокол все забудут, а потом вообще никто про неё и не вспомнит. Если же обвинят, то это обвинение будет в любом случае серьёзнее, нежели его враньё для протокола.

Тем более, он фактически назвал своё последнее место работы. Просто почти пять лет назад его выперли из этого института за бездельничество. Впрочем, сам Джонни смотрел тогда на эту ситуацию с несколько иной стороны. Да, он приходил на работу в несколько раз реже, нежели его коллеги и проводил на ней меньше времени. Но он ведь и денег получал в несколько раз меньше! И плевать, что у них были учёные степени! Он не виноват, что не поступил в своё время ни в один долбаный институт! И Джонни не считал себя хуже или глупее их.

Череду воспоминаний, вызванную вопросом полицейских о месте работы, прервал звонок в дверь. Следующие посетители вызвали у Джонни дополнительные негативные эмоции, которые и без них были у него слишком сильны в те трагические часы. Сотрудники перевозки после длительного пристального изучения нарушений кожного покрова, вызванных расчёсами, долго совещались между собой и с полицейскими. Потом звонили куда-то, словно уточняли. После чего, как они сказали, «потому что такой порядок», забрали тело его мамы в судебный морг.

Но из всех людей, с кем довелось ему общаться в тот печальный вечер, наибольшее впечатление произвёл на него похоронный агент от социальных служб по имени Геннадий. Он стал представляться для Джонни воплощением успешного человека. Но успешного не в том смысле, как олигархи, эксплуатировавшие и обкрадывавшие послушный и доверчивый народ на миллиарды долларов. А как простого, обычного, по сути, человека, умеющего эффективно решать стоящие перед ним задачи. То, как он выполнял свою работу, напоминало Джонни о происхождении слова агент: активный, приводящий в движение. Джонни также быстро понял, что, помимо деятельного характера помогало Геннадию решать стоящие перед ним задачи. Геннадий прекрасно умел общаться и находить общий язык с людьми. Практически всюду, где это требовалось, у него были нужные связи. Джонни заметил, как он общался с полицейскими, словно со старыми друзьями. Конечно же, это были не те друзья, за которых можно в огонь и в воду. Но здесь в этом и не было необходимости. Люди просто по-товарищески помогали друг другу решать профессиональные задачи с наименьшими затратами времени и сил и с наибольшей пользой для себя.

В разговоре с Джонни он первым делом представился и показал свою ксиву. Мол, Вам же сказали обо мне. Джонни стал вспоминать телефонный разговор, в котором его предупредили, кому нужно доверять, а кому нет. Джонни тогда ещё тогда неприятно удивился, как много у нас находится желающих нажиться на чьей-то смерти. Наконец, он вспомнил, как та женщина упоминала именно агента Геннадия как «своего человека». Геннадий терпеливо выждал, пока Джонни перестанет тупить и извинится: «я сейчас в таком состоянии... плохо соображаю». Геннадий ответил: я понимаю. Я здесь, чтобы Вам помочь. После чего изложил опции: Можно похоронить маму Джонни где-то за Шереметьево, к северу от Москвы, для Джонни часов 5 на общественном транспорте. И Джонни тогда будет всё оформлять сам. Зато обойдётся это всего где-то в районе 20 тысяч. Другой вариант – похоронить на Домодедовском кладбище, всего 1,5 часа езды «своим ходом». Джонни поинтересовался максимальной общей суммой. Мотивируя это своим желанием знать, хватит ли ему денег. Услышав сумму, семьдесят пять тысяч, из которых десять пойдёт лично агенту, Джонни поинтересовался, как скоро он должен дать ответ. Однако на самом деле и сам он знал, и Геннадий, вероятно, уже понял, какой вариант Джонни выберет.

При других обстоятельствах Джонни бы задумался о том, как кто-то вот получит фактически меньше чем за день работы десять тысяч – сумму, на добывание которой ему самому требовалось порядка

недели. И его бы «жаба задушила». Конечно же, другой вопрос, что у него на тот момент не было ни физических, ни моральных сил заниматься этим самому. И получается, кто-то об этом знает и пользуется этим обстоятельством, строя на нём свой бизнес? Да собственно, Геннадий этого и не скрывал.

Джонни знал за собой такое, что, наверное, даже если бы он помирал, он не стал бы обращаться к платным врачам. Для него было слишком обидно, когда кто-то за десятиминутную консультацию получает деньги, за которые ему нужно трудиться, не разгибаясь, целый день. Он считал это вопиющим нарушением социальной справедливости, когда кто-то наживается на людях, пользуясь их беспомощностью, страхом, стремлением любой ценой сохранить здоровье и т.д. Конечно же, они были специалистами, получившими образование. Однако, как полагал Джонни, за такие деньги ему было проще самому изучить эту долбаную медицину. Ну разве что операцию он не смог бы себе сделать, это факт. И он действительно время от времени предпринимал попытки разобраться в каких-то вопросах. Однако, к сожалению, бесплатные материалы, которые он находил на эту тему в интернете, были какими-то «для бедных»: мало картинок, фиг поймёшь, или просто откровенно плохо написано, и это было заметно даже ему. А когда он встречал знакомые слова, чаще всего в описании симптомов, он непременно начинал искать и находить признаки разных страшных болезней у себя. И тогда им одолевал такой страх и тревога, что он не мог не то что дальше продолжать читать, но и просто как-то сносно функционировать по жизни. После чего, естественно, он забрасывал свои около-медицинские занятия. Единственное, пожалуй, что он вынес в результате всех этих потуг, так это какие-то отдельные слова, термины, врезавшиеся в его память. Смысла их он особо не понимал, однако время от времени пытался вернуть в светском разговоре, дабы завоевать, за отсутствием у него в глазах собеседников других преимуществ, репутацию «очень умного». Обычные офисно-планктонные девушки от этого, однако, как правило, были не в восторге, говоря ему презрительно что-то вроде: «ну ты ж не врач, откуда ты это можешь знать?» И Джонни уходил обиженный: эти дуры его опять не оценили!

Последние же годы, в связи с повальным увлечением психологией, по крайней мере, в практических аспектах, Джонни стал мнить себя знатоком человеческих душ. Конечно же, у него практически не было возможности общаться с реальными людьми – они этого особо не хотели. Зато он мог теперь вволю читать в инете откровения мыслителей примерно такого плана, как и он сам, писавших кто-то о своих идеях, кто-то о своём неврозе. Вот только в реальной жизни его идеи не хотели слушать, считая их бредом. Самые вежливые, правда, говорили: Да-да, это очень интересно... А теперь извини, я очень тороплюсь, мне пора. Но Джонни прекрасно понимал, что ему на самом деле хотели сказать. И только Леночка, когда он познакомился с ней, слушала его и проявляла интерес. Точнее, делала вид. Чтобы привязать его к себе эмоционально. И использовать. Сука! При воспоминаниях о ней Джонни буквально нутром чувствовал, как внутри у него клокотала злора и жажда мести. И он думал о том, как сделать так, чтобы патологическая мразь начала искать пятый угол в своей никчёмной жизни.

Впрочем, обдумывая предложенные Геннадием варианты с похоронами, Джонни вспоминал не только это. Ему также почему-то вспомнилось, как когда-то, будучи в последнем классе средней школы уже в самые что ни на есть горбатые годы, он просто из любопытства листал учебник обществоведения. Не горбатый, но старый, добрый, махровый советский. И ему представлялось, как люди при коммунизме работают по четыре часа в день. А остальное время посвящают самообразованию, культурному и прочему своему внутреннему развитию. Утопия? Да, несомненно! В полном согласии с буквальным значением этого слова, такое сейчас действительно нигде не имеет места. Но это не означает, что такого не может быть никогда! Что бы там нынче ни предрекали продажные экономисты, поведение которых хорошо описывается схемой «знает осёл ясли господина своего». Ведь в своё время и куда более порядочные, достойные, а главное, образованные люди драматически ошибались. Так, в 1895 году выдающийся физик, президент Лондонского Королевского общества по развитию знаний о природе Уильям Томсон (лорд Кельвин) заявил: «Летательные аппараты тяжелее воздуха невозможны». И ничего, летают же теперь! Ну разве что самолёты бьются иногда...

Если бы только все трудоспособные люди действительно работали ради общего блага, то реальные потребности человека можно было бы удовлетворить даже не за 4 часа в день, а при 8-часовой... рабочей неделе! Но, увы, допустим, в столице, где жил Джонни, на пользу общества фактически работали в основном гастарбайтеры. Местный же офисный планктон, все эти старшие помощники младших менеджеров, от зари до зари по большей части помогали своим хозяевам развести на деньги такой же, по сути, планктон, как и они сами; втюхать ему товары и услуги, о потребности в которых он не знал, пока ему её не внушили.

Джонни также вспоминал, при каких обстоятельствах он тогда, в далёкой юности, впервые прочитал об этом в учебнике обществоведения. Это случилось, когда его класс слушал нудную вступительную речь директора Учебно-производственного комбината (УПК) Долбянского. Джонни безумно хотел там учиться на «оператора ЭВМ», однако на эту специальность и без него было слишком много желающих, и более ловкие заняли все места. Его же распределили туда, куда никто не хотел – в самый младший медперсонал. Когда же Джонни попытался робко сказать Долбянскому о том, что однозначно не видит себя в будущем на такого рода работе, он не встретил понимания. Долбянский ответил: ничего, будете учиться милосердию, выносить судно за пациентами.

Теперь, много лет спустя, вспоминая тот неприятный инцидент, Джонни думал о том, какой безмолвной, покорной овцой сделало его тогда бабкино воспитание. Он представлял себе, как сейчас сказал бы тому наглому бюрократу примерно так: «Вы так хорошо рассуждаете о милосердии, зная, что отправлять его будут другие,- ведь не Вы же будете судно выносить». И пусть бы его выгнали тогда из школы – всё равно сейчас ему нет никакой пользы от полученного когда-то общего среднего образования! Но другие бы по крайней мере видели на конкретном примере: он себя уважает. Да и не выгнали бы его за это из школы! Вон, была тогда в соседнем классе такая Ольга Губина. Тянулась за ней в старших классах сомнительная репутация (по тогдашним, ещё советским меркам; это сейчас такое типа очень круто!) что она яхшается с взрослыми молодыми людьми из высокопоставленных семей. Так Ольга эта пререкалась с Долбянским тогда на равных, даже немного презрительно. И ничего, не выгнали же её из школы! Так что же получается: этой шлюшке, которая сосала у мажорных парней, было можно, а ему нет?!

Джонни ещё тогда, в юности, начал понимать, к чему это приводит. Эта проститутка забирала от жизни все блага, а он – объедки. И не только. У Губиной была подруга по фамилии Ракова. Она в итоге была в УПК в одной группе с Джонни среди обучавшихся на «продавца продовольственных товаров» (Джонни кое-как в итоге сумел избежать обучения на медбрата). И однажды Джонни пришёл в класс УПК раньше и сел на то место, которое Ракова выбрала для себя. Казалось бы, ничего особенного, ведь все остальные также садились на удобные для них места, кто первый занял. Эта же подошла к его парте, и сбросила его вещи на пол.

Джонни думал тогда обиженно: даже если даже ты считаешь, что занимала это место раньше, а потому у тебя на него право, так подойди ты и скажи: извини, я тут раньше сидела. Ты не мог бы, пожалуйста, пересесть? Так зачем, сбросить проще. И он будет ползать на четвереньках, собирать свои вещи, а потом безмолвно пересядет. А всё почему? Бабка приучала его подчиняться и терпеть! В результате чего он рос «терпилой», подчинявшимся всем, кому не лень было им командовать. Когда ему надо было нагнуть эту суку раком, чтобы она сама ползала, собирала его вещи, раз посмела их сбросить. А стала бы сопротивляться – так дать ей по наглой роже, не пощёчину, а хорошо так по носу, чтобы юшка потекла. И пофиг, что у неё парень старше и здоровый. Пусть имеет дело с последствиями того, кого себе выбрал! И если что, врезать и ему, в случае чего кастетом или чем тяжёлым, но не мириться. А иначе, как жизнь показывает, будут вообще пинать тебя все желающие! Не за какие-то провинности, а просто в своё садистское удовольствие, или чтобы продемонстрировать свой долбаный статус за счёт тебя.

Однако, коль скоро Джонни уж так воспитала бабка и он не смел открыто возразить Долбянскому, он хотя бы безмолвно саботировал его выступление. Прячась за спиной у впереди сидящего одноклассника, Джонни читал учебник обществоведения. И думал о том, что при коммунизме, когда всё будет по справедливости, пусть вот такой бюрократ Долбянский служит полный рабочий день. А младший медицинский персонал, выполняющий всю чёрную работу, выгребая дерьмо за тяжелобольными, пусть будет занят всего два часа. Даже меньше, чем врачи, которые хотя бы могут получать моральное и познавательное удовлетворение от своей деятельности. Но меньше всех, по мнению Джонни, в том несбыточном светлом будущем, должны были бы работать те, кто постоянно имеет дело с покойниками. Просто когда Джонни, с его постоянной экзистенциальной тревогой (он постоянно собирался помирать, ещё начиная с ранней юности) примерял это на себя, ему становилось дурно. Каждое упоминание о смерти, даже незнакомых, совершенно посторонних людей, выводило его из равновесия. Он хорошо, прямо-таки нутром, душой своей чувствовал слова Джона Донна: «Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе».

Руководствуясь этими соображениями, Джонни не стал делать для себя драму из того, что Геннадий заработает себе денег, используя его беспомощность в похоронных вопросах. Джонни дал Геннадию согласие на вариант с похоронами на Домодедовском кладбище. Впрочем, Геннадий практически тут же дал ему повод ещё раз поразиться тому, насколько у него, Геннадия, всё схвачено в плане связей с людьми. И как Геннадий умеет заставить работать эти связи. Геннадий сказал: ну Вы же будете после похорон собирать родственников, друзей и знакомых мамы на поминки, верно? И Вам, наверное, будет неудобно принимать их у себя? (Было ясно, что Геннадий намекает на чудовищную обстановку в квартире у Джонни). Поэтому я могу Вам порекомендовать хорошее кафе, куда Вы сможете пригласить бабушек... Джонни ответил, что подумает насчёт кафе. И подумал о том, что кафе, где люди платят за пищу значительно дороже, чем она и её приготовление реально стоят, наверное, перечисляет ощутимый процент Геннадию, который систематически приводит к ним посетителей справлять поминки.

А ещё, у Джонни почему-то возникла неприятная мысль о том, что, если бы не Геннадий, кто знает, возможно, его эти полицейские или кто там ещё могли обвинить если не в убийстве его собственной мамы, то в доведении её до такого состояния. И кому какое дело, какая позиция в этом вопросе была у врачей скорой помощи – единственных среди их всех, что имели дело с живыми людьми. Ведь если бы его реально хотели обвинить... А впрочем, это было всего лишь его предположение, которое он не имел возможности проверить. Да и не то чтобы он очень хотел проверять... Так или иначе, полицейские ему ничего плохого не сказали. Лишь поинтересовались на прощание, не нужна ли ему помощь психолога.

Джонни, естественно, ответил резко отрицательно. После чего какое-то время его разум был занят рассуждениями типа: интересно, сколько это стоит? И если менты продают услуги психолога, в каком размере он с ними делится? А если психолог бесплатный, то это всё делается, не иначе, с той целью, что

если кто-то, например, замочил своего больного родственника, он потом сознается психолуху, а тот уже донесёт ментам... Однако, поскольку у Джонни не было фактического материала, чтобы получить информированный ответ на эти вопросы, он перестал об этом думать.

И на него вдруг, словно впервые, всей тяжестью опустилось осознание того, что мамы нет, и больше никогда не будет. Он остался в этой жизни один, совсем один. Джонни беспокойно ходил взад-вперед, не находя себе места. У него не было моральных сил даже сидеть в интернете. И ложиться спать в таком состоянии он тоже не мог. Он вспомнил слова Геннадия, сказанные тем ему на прощание: Вы бы тут прибрались немного у себя, что ли. А личные вещи нужно будет выбросить через 40 дней.

Однако когда Джонни попытался прибраться, он постоянно стал наткаться на мамины вещи, и это было для него просто невыносимо. В итоге единственное, что он сделал, – это разломал её диван в щепки, после чего вынес по частям на улицу. После чего лёг спать, когда на улице уже светало.

Проснувшись на следующий день уже поздно днём, Джонни вспомнил, что надо заниматься организацией похорон. Но тут же понял, что у него на это не было совершенно никаких моральных сил. Он отчётливо вспомнил, как однажды, около месяца назад, мама взяла в руки свою записную книжку. Видимо, уже не соображая толком, что она делает, Ирина принялась тогда выдирать из книжки по листочку и разбрасывать. Джонни ещё подумал в тот момент о том, что старики в таком безнадёжном и беспомощном состоянии, в котором пребывала тогда уже его мама, – словно дети. И он так расчувствовался тогда, что не мог, не пытался даже её остановить, как-то воспрепятствовать.

В его сознании тогда почему-то всплыло одно из самых ранних воспоминаний его детства. О том, как его посадили на стол, и он слышал разговоры взрослых о том, как он бьёт посуду. (Видимо, речь шла о какой-нибудь чашке или тарелке, которую он сбросил со своего стола). Вероятно, эта сцена запомнилась ему с тех ранних лет по той простой причине, что он сильно боялся тогда одновременно высоты (тогда Джонни, будучи всю жизнь маленького роста, ещё пешком ходил под стол, за которым он сидел) и наказания. Джонни находил очень показательным, что уже в те младенческие годы, к которым относились его первые воспоминания, жизнь его была наполнена страхом и тревогой.

Тогда, ещё в мае, когда мама закончила рвать свою записную книжку и потеряла к ней интерес, Джонни собрал листочки. Конечно же, он их не выбросил. Как уже отмечалось, выбросить даже какую-то ненужную вещь требовало от него огромных моральных усилий, а потому у него всегда царил такой бардак. Джонни засунул выданные листочки между какими-то предметами, просто чтобы не валялись на виду. Теперь же, чтобы найти эти бумажки, ему бы потребовались многие часы, дни сосредоточенных поисков, а времени до похорон оставалось очень мало. Да и смысл? Он представил себе, как он бы обзванивал этих бабушек и говорил им: завтра, к 8 утра или во сколько там приезжайте к м. Домодедовская, поедем на похороны моей мамы. Как они будут рыдать, прощаясь с его мамой...

А ведь были у него ещё родственники, которые с наглым мещанским представлением о собственной «правильности» и соответственно правоте по отношению к нему пытались его наставлять на путь истинный, учить жить. С ними Джонни и вовсе не хотел никак общаться! Конечно, смерть его мамы могла бы стать хорошим поводом для того, чтобы отложить на время даже разногласия, не подлежащие урегулированию. Увы, Джонни прекрасно понимал, как это будет в реальности. Он хорошо помнил похороны бабки 15 лет назад. Они выпьют, начнутся разговоры за жизнь и про «расскажи нам Джонни, как твои успехи по жизни». Потом будут сетовать на то, как из ребёнка, в котором бабушка и мама просто души не чаяли, выросло такое ЧМО! Да пошли вы все на х**!*- злобно думал Джонни.

Конечно же, он будет чувствовать себя ужасно виноватым, если мамины подруги с ней не простятся. Но ведь, с другой стороны, ещё неделю назад мама была хоть в ужасном состоянии уже, но *живая*! И кто-то пришёл с ней проститься? Просто взглянуть на неё? Конечно, они все люди пожилые, им тяжело далеко идти, тем более кому-то из них ехать к ней. Допустим. Но разве м. Домодедовская ближе? Туда проще добраться?! Руководствуясь такими мыслями, Джонни сообщил Геннадию по телефону, что хоронить маму никто кроме него не придет. От такого был в шоке даже Геннадий, связанный с социальными службами, а потому stalkившийся, вероятно, не раз с алкоголиками и прочими маргинальными элементами.

Так или иначе, на следующий день Джонни стоял в белых тапочках (когда утром в 7 утра его разбудил своим звонком Геннадий, другой обуви под рукой не оказалось, а предшествующим вечером Джонни об этом, конечно же, не подумал) перед могилой мамы, наблюдая, как её засыпают землёй. Морально он чувствовал себя просто ужасно. Это тягостное ощущение значительно усугубилось, когда Геннадий сказал ему, что у Ирины кожа от расчёсов была в ужасном состоянии, там чуть ли не гангрена началась. Геннадий, видимо, сказал это, просто чтобы обосновать дополнительные расходы по подготовке тела к погребению. Однако Джонни принял это на свой счёт. И это значительно усилило его и без того сильное чувство вины. Ведь кто знает, если бы Джонни действовал грамотно или хотя бы более решительно и ответственно, возможно, его мама даже в таком своём полубессознательном состоянии, прожила бы ещё несколько месяцев.

Но маму уже не вернуть. Соответственно, ему уже не загладить никак свою вину перед ней. И что ему теперь делать? Покончить с собой? Так ему не хватит смелости! да и какой смысл? Тем более что ему с таким слабым здоровьем всё равно недолго осталось. И раз уж не хватает решимости своевременно закончить свою никчёмную жизнь, надо хотя бы постараться провести её остаток с пользой для людей. Но кому и какая может быть от него польза? Причём не в бредовых фантазиях, время от времени посещавших

его, а в реальной жизни? Джонни мучительно размышлял над этим по дороге в Москву, когда Геннадий вёз его с кладбища обратно на своей машине.

Беспросветное одиночество

Постепенно ответ стал всё чётче оформляться в сознании Джонни. Ему предстоит крестовый поход против зла. Того самого зла, которое день за днём совершается повсюду, и которое принесло столько бед и страданий людям, включая его самого. Источник этого зла – люди. С одной стороны – те, что носят зло в себе. Это больные люди. Однако в общении с другими они практически постоянно носят маску вменяемости. Которая не только позволяет им выглядеть вполне адекватными в глазах окружающих, но и придаёт неотразимое обаяние. Из-за этой маски жертва начинает понимать, с кем она имеет дело в действительности лишь тогда, когда уже слишком поздно. Этим людям нужно уметь распознавать. Совершенствоваться в этом и учить других, дабы помочь им выбраться из или избежать вовсе опасной, деструктивной ситуации. В идеале, хотелось бы научить самих патологических хищников осознать свой порок и помочь им справиться с ним.

Другие люди изначально не носят порочный потенциал в себе. В их поведении зло возникает как механизм адаптации к неблагоприятной окружающей среде. Оно представляется им естественной реакцией на царящие повсюду насилие, обман, несправедливость. Джонни горел огромным желанием организовать людей доброй воли, чтобы вместе разорвать этот порочный круг и тем самым открыть для всех путь к лучшей жизни. Таков, в общих чертах, был план крестового похода, который задумал Джонни.

Но в этот поход ему предстояло отправиться, по крайней мере, начать его, в одиночку. Ситуация усугублялась тем, что Джонни был один не только в этом походе, но и вообще по жизни. И никаких изменений к лучшему в этом вопросе для него не предвиделось. Он был изгоем. Безнадёжным.

В самом начале весны, ещё когда его мама могла ходить, Джонни сделал последнюю, отчаянную попытку познакомиться с какой-нибудь женщиной. Как обычно, он рассылал море сообщений на сайте знакомств, предлагая с ним пообщаться. Однако ответом ему была либо полная тишина, либо односложная реплика, в ответ на которую уже сам Джонни не мог придумать, что написать, и разговор прекращался, не успев начаться.

Впрочем, бывали и исключения. Так, однажды Джонни написал девушке по имени Евгения, которая показалась ему достаточно интересной. На его удивление, она ему даже ответила. После чего он попытался задать ей несколько вопросов о ней, на которые, однако, она ответила очень кратко, написав номер своего телефона. Вначале Джонни подумал, что это какая-нибудь злонамеренная приезжая. На всякий случай, решив попытать шанс выяснить о ней хоть что-нибудь, Джонни вбил её номер в гугл. К его изумлению, поиск не оказался пустым. Она на каком-то форуме или ещё каком-то ресурсе лет пять назад писала о том, что приобрела себе квартиру и интересовалась какими-то связанными с этим вопросами. Так, это уже интересно, – подумал Джонни. Даже если она не коренная москвичка, сам факт, что у неё 5 лет назад, когда ей ещё не было 30, были средства на новую жилплощадь... Джонни набрал её номер. После короткого разговора с Евгенией особо ни о чём, договорились встретиться в кафе после её тренировки. Она была вся такая из себя спортсменка, каждый день много бегала и к тому же регулярно ходила в тренажёрный зал.

Из разговора с Евгенией выяснилось, что по специальности она психолог. Тем не менее, при встрече она продемонстрировала удивительно низкую культуру общения. Конечно же, она была отнюдь не первым профессиональным психологом с этим свойством, встреченным им (Джонни хорошо помнил свою встречу три с лишним месяца назад с детским психологом Никой, которой он рассказал про своё детство), и всё равно ему было неприятно. Евгения сразу же бросила на него (особенно на его живот) критический взгляд и сказала: по тебе видно, что ты не спортсмен. А также неврастеник, т.к. у тебя руки трясутся. Разумеется, то и другое было правдой, но и что с того? Зачем ей было ему это сообщать? С какой целью? Отомстить ему за то, что она ожидала найти в его лице интересного мужчину, а встретила то, что встретила? Но зачем? Какой смысл? Чтобы он осознал свою неадекватность и перестал с кем-либо знакомиться? Так он давно уже это осознал, и всё равно не хотел сдаваться, надеясь на чудо, ибо одиночество было ужасно.

А главное, ей-то самой легче будет от этого? Конечно, в некотором смысле Джонни мог понять Евгению. Она каждый день бегала до тех пор, пока у неё на руках не начинали синеть пальцы. Джонни не знал точно значения этого с точки зрения медицины, однако полагал, что это может быть не очень хорошо, если сердечнососудистая система не справляется с адекватным кровоснабжением самых удалённых участков конечностей.

И вообще жизнь Евгении была словно сплошное состязание: Citius, Altius, Fortius! Она постоянно покоряла какой-то воображаемый олимп. И она была женщиной! Поэтому ничего удивительного, если она так реагировала, видя перед собой нечто, номинально считавшееся мужчиной, реально же представлявшее из себя такую безобразную размазню.

Эти мысли так деморализовали Джонни, что он не знал даже, о чём он может поговорить с этой амбициозной женщиной. Но раз уж он приехал туда, за тридевять земель, на Молодёжную (не удержавшись для себя отметить, что район там неплохой, погламурней будет, чем его родное Чертаново), то надо было о чём-то говорить. И Джонни не придумал ничего лучше, чем рассказать ей про Леночку. К его немалому

удивлению, Евгения его внимательно выслушала. Даже несмотря на то, что в процессе рассказа Джонни ужасно опозорился. Когда Евгения спросила его, есть ли у него фото Леночки в телефоне, ему пришлось сказать правду: у него такой телефон, которым можно только звонить и отправлять смс. Конечно, Джонни и не хотел делать что-то ещё на своём телефоне, а потому приобретать соответствующий телефон. (Лучше было деньги Леночке отдать – они же ей нужнее!) Тем не менее, отсутствие у него нормального телефона всё равно ощущалось им как нечто позорное.

Впрочем, когда уже всё было доедено и пришло время прощаться, Евгения указала ему на ещё более позорную вещь с его стороны, нежели отсутствие приличного телефона. Джонни практически всё время говорил сам. Не задавал Евгении никаких вопросов. Неужели я тебе настолько неинтересна? – с какой-то уничижительной для него иронией, как ему показалось, вопрошала она. Правда, Евгения немного всё же повысила в итоге его настроение, когда сказала: ну ничего, в нашу следующую встречу, я расскажу тебе о себе. Однако Джонни знал, что больше у них встреч не будет...

После такого общения с Евгенией Джонни подумал о том, что пора с этим завязывать и больше не ходить на подобные встречи. Однако всего через три дня он уже договорился о встрече с Надеждой. К огромному удивлению Джонни, Надежда сама написала ему. Мол, он её заинтересовал. Джонни был заинтригован: интересно, что же она такого во мне увидела, – недоумевал он. В ходе встречи с Надеждой он очень скоро понял, что именно: ей нужен был лох.

Сначала Надежда рассказала о себе. О том, как она приехала покорять Москву. Встретила здесь мужчину. К сожалению, он оказался не очень хорошим человеком. Но ей повезло: в итоге всё обернулось очень даже неплохо для неё. Когда её теперь уже бывший муж получил большой срок, она поселилась в его квартире. А теперь она искала себе нового мужчину.

После такого вдохновляющего вступления Надежда перешла непосредственно к делу. Начала она в стиле характерного бабского развода на деньги. Упомянув снова свой прошлый опыт, отметила, как важно для женщины быть уверенным в своём мужчине. (От суммы да от тюрьмы не зарекайся, – цинично подумал Джонни про себя). А потому настоящий мужчина должен быть уверенным в своём будущем. Но как можно обеспечить себе такую уверенность? В такой ситуации мы хотим застраховаться «на случай чего». И для этого существует услуга страхования. А она, Надежда, как страховой агент, помогает людям сделать для себя разумный выбор в этом вопросе.

От услышанного у Джонни перехватило дыхание. Стало быть, эта приезжая сука пришла жрать за мой счёт в ресторане, чтобы втюхать мне какую-то страховку? – в ярости подумал он. Да х** тебе по всей твоей наглой роже! Но его злобные мысли это одно, нужно же было ещё с этим что-то делать! И тут он неожиданно остро осознал, что к прямой конфронтации с Надеждой он не был готов. Вероятно, она как-то это могла предвидеть ещё до того, как позвала на встречу. И теперь этим пользуется! Тварь! Проходимка! Лимитчица грёбаная! У Джонни внутри всё прямо-таки кипело от злости.

Наверное, Надежда заметила в какой-то мере происходящее с ним, словно поймала волну его настроения. И с наигранным, фальшивым участием: что с тобой? Ты в порядке? Джонни вдруг осознал, что пока он придумывает наказание для Надежды, ему нужно что-то ей говорить. И очень желательно при этом ещё и выглядеть, как ни в чём не бывало, а это пока у него не очень получается. Наконец, Джонни собрался с моральными силами и натянуто улыбнулся в ответ Надежде: я просто думаю о страховании. И принялся ей объяснять, почему страхование вообще – лажа. Джонни заявил, что страховать имеет смысл, только если только ты обладаешь тайным знанием о том, что у тебя непременно или по крайней мере с большой вероятностью наступит страховой случай. Естественно, эта информация должна быть скрыта от страхующей организации. Кроме того, при фактическом наступлении страхового случая нужно ещё доказать, что этот случай действительно имел место. Во всех остальных случаях страховать просто глупо и невыгодно – уж лучше хранить деньги в виде купюр в стеклянной банке. Конечно же, при этом есть некий минимальный риск потерять все эти деньги в результате ограбления или пожара, но он невелик. Платя же деньги за страховку, потеряешь их практически гарантированно. И страховщики (он это говорил с особым удовольствием, презрительно глядя на Надежду) это фактически социальные паразиты, которые хлеб не расстят, сталь не выплавляют и всё такое.

Надежда попыталась в качестве возражения пример своей подруги, которая очень даже выгодно использует модное нынче добровольное медицинское страхование, используя свои связи в среде медиков. Джонни было неприятно всё это слушать. Его, как сторонника справедливости, к тому же лишённого волей судьбы всего этого, просто бесили такие, которые везде пролезут, у которых всюду связи. Надежде же Джонни лишь раздражённо ответил, что у него, к сожалению, таких связей нет, а потому ему лично предлагаемые ею варианты не подходят. Жаль, – презрительно прокомментировала Надежда тираду Джонни.

И обоим стало совершенно ясно, что разговор их не сложился. Джонни даже не стал пытаться требовать от Надежды оплаты её части счёта. Она была в тот вечер в центре по делам. Он же, как джентльмен, специально добирался более часа в удобное для неё место. Теперь ему предстоит столько же переться обратно. Сидел здесь с ней трепался целый час. И всё ради чего? Чтобы она разводила его заключить с ней сделку? И теперь препираться с ней из-за трёхсот рублей, на которые она что-то там сожрала и выпила?! Да подавись ты, тварь, – озлобленно думал он. Ок, раз уже не подавилась, то пусть у тебя будет несварение! Да настигнет тебя лютая диарея в очень неудачное время в самом неподходящем месте, – мысленно формулировал он свои пожелания Надежде. В это время у Надежды зазвонил телефон, и она

принялась говорить подруге, что познакомилась с молодым человеком и сидит сейчас с ним в ресторане. После чего извинилась и предложила подруге созвониться позже. Причём, как показалось Джонни, это рассказывалось в таком стиле, словно у Надежды с ним вовсю развивались отношения. Джонни даже не сильно удивился, когда на прощание Надежда сказала ему: до новых встреч! Обалдевший Джонни едва нашёл в себе силы прошептать сквозь зубы: всего хорошего! И по дороге домой ещё долго недоумевал: Какие такие ещё новые встречи? Неужели она действительно надеется на приобретение им этих её долбаных страховок?!

После встречи с Надеждой Джонни зарёкся ходить с девушками в рестораны, словно опасаясь повторения в той или иной форме этой глупой и унижительной для него истории. Тем не менее, в воскресенье, всего через три дня после встречи с Надеждой, он виделся ещё с одной девушкой. Вероятно, этой встречи бы не случилось, если бы не одно случайное обстоятельство. В разговоре с Леной (так звали девушку) Джонни упомянул своё ковырание с компьютерами. Лена же в ответ призналась, что у неё с техникой «всё сложно», и сейчас она не может никак разобраться с программой для пения караоке. Джонни спросил, что за программа, поковырялся немного, после чего объяснил всё подробно Лене. Она была довольна и очень благодарна ему. Разговорились. Выяснилось, что Лена работает репетитором английского, занимаясь с учениками индивидуально. У него это уже была не первая такая знакомая, начиная с Даши, с которой он познакомился менее трёх лет назад и время от времени продолжал общаться. Джонни связывал то, что ему частенько попадались такие девушки, с тем, что им, не работающим в офисах, просто больше негде знакомиться, кроме как в интернете. А они были ещё к тому же культурные, интеллигентные, а потому им сложно было общаться с молодыми людьми, в первом же сообщении предлагавшим «вылизать» или что-нибудь в этом роде.

Джонни подумал также, что, наверное, Лена получает денег больше, чем он, если у неё ученики богатенькие. И, зная все английские буквы и даже несколько слов, он тоже мог бы кого-нибудь учить. Вот только у него не было соответствующего диплома. И где его купить? И на какие средства? И сколько времени понадобится, чтобы его «отбить»?

Впрочем, эти бесплодные размышления не помешали Джонни продолжить виртуальную беседу с Леной, и в итоге пригласить её на выставку фотографий дикой природы в Новом Манеже. К его удивлению, она проявила радостный интерес и охотно согласилась.

Однако, придя практически точно в назначенное время в условленное место, Джонни понял, как он облажался. Очередь из желающих посмотреть на дикую природу уходила далеко за угол выставочного комплекса. Подумав обречённо: «опять облом», Джонни стал судорожно придумывать, есть ли разумные пути выхода из этой неприятной ситуации. И тут пришла смс от Лены: «Я только выезжаю из Люберец, извини». Джонни отправил ей смс, чтобы не торопилась. Он простоял минут сорок, время от времени привставая на цыпочки, чтобы согреться и не затекали ноги, когда Лена присоединилась к нему в уже подходившей к входу в музей очереди. «Извини. Спасибо, что стоял в очереди. Я бы, конечно, столько не выдержала», - призналась Лена. Около касс Джонни с изумлением отметил для себя, как долго Лена не могла понять, что он купит билет и ей тоже, после чего спросила: ты меня приглашаешь?

Выставка понравилась им обоим. Вскоре они общались уже, словно старые друзья, весело обсуждая приглянувшиеся фотки. Джонни при этом вспомнил почему-то, как более года назад он примерно вот так же ходил, словно давний друг, с журналисткой-вегетарианкой Мариной. Он с тоской думал о том, каким интересным человеком была Марина и что зря он тогда, в пылу своего увлечения Леночкой, прекратил с ней общаться.

После примерно полуторачасового хождения по залам Лена и Джонни поняли, что посмотрели вроде всё, вышли из музея и стали собираться по домам. Джонни проводил Лену до её автомобиля, припаркованного неподалёку, и по пути признался ей, что он пешеход. Что, естественно, не прибавило ему авторитета в её глазах. Ещё какое-то время посидели у неё в машине. Здесь, не будучи увлечённой фотками с милыми зверюшками, Лена не могла не заметить, как его одежда, неуклюжие манеры и рассказ о себе были словно громкий крик: я раздолбай, бездельник и неудачник по жизни! К тому же ещё со странностями. Джонни угораздило рассказать ей о своих творческих планах, связанных с людьми с патологией личности. Вероятно, ей было неприятно констатировать такую неадекватность в человеке, несомненно заинтересовавшем её.

Для Джонни же Лена теперь казалась слишком обычной. Чересчур нормальной для того, чтобы принять его таким, какой он есть. Он словно носом почувствовал, как пластиковая отделка внутренности её характерно офисно-планктонного автомобиля нестерпимо воняет мешанством. Впрочем, несмотря на непреодолимые разногласия, они расстались по-дружески, договорившись, что Лена ему покажет фотки из Великобритании, куда она собиралась вылететь через несколько дней.

Второй и последний раз Джонни встретился с Леной чуть более чем через месяц после первой встречи. И опять благодаря её ноутбуку. Она переустановила на нём Windows, после чего музыка играла, однако микрофон не работал. В результате чего у Лены не было ни караоке, ни нормально работающей веб-камеры в скайпе. Джонни сначала попытался помочь ей удалённо, рассказав, что нужно делать. Однако Лена не справилась и сказала, что приедет к нему.

На крыльце его дома произошла неприятная сцена, словно ткнувшая его носом в полную бесперспективность для него дальнейших знакомств. По крайней мере, знакомств с нормальными

женщинами. Выйдя из машины, Лена направилась к его подъезду. В ответ на удивлённый вопрос Джонни «ты куда?» она ответила: «я думала, ты меня к себе пригласишь...» Джонни, который ожидал такого поворота событий, тем не менее, чувствовал себя при этом ужасно. Он даже не мог пригласить девушку домой! Джонни принялся сбивчиво объяснять, что у него тяжело болеет мама и так далее. Однако по взгляду Лены было заметно: она прекрасно понимала, что истинная причина такого негостеприимного поведения со стороны Джонни заключалась не в его маме. Джонни не мог, конечно же, знать точно, догадывалась ли Лена, что на самом деле ему мешало позвать её к себе, но ему сразу же стало одно: общение между ними закончено раз и навсегда, и больше они друг друга не увидят.

Но пригласил – не пригласил, а ноутбук исправлять надо было, и они уселись на переднем сидении Лениной машины. Джонни подключил к её ноутбуку предусмотрительно взятую из дома флэшку со звуковым драйвером, Лена – специально взятый с собой для проверки микрофон, и – о чудо! – теперь Лена могла петь караоке и общаться по скайпу. Естественно, она была очень довольна. Потом они посидели ещё какое-то время в машине. Лена показала ему фотки, сделанные ею в Великобритании. На какие-то минуты они снова общались, как старые друзья. Даже несмотря на то, что Джонни приходилось отходить на несколько минут к себе домой, т.к. к нему приезжал его постоянный клиент Ваня. Которого (как с ужасным стыдом думал об этом сам Джонни, пробовавший представить себе, как всё это воспринимает Лена) Джонни без малейших колебаний пригласил к себе домой, ничуть не стесняясь своей мамы и её состояния (тем более что мама всё равно располагалась в изолированной комнате). Но время было уже позднее. Лене, как и практически всем нормальным людям, на следующий день надо было рано вставать, и пришло время прощаться. И Джонни, с каким-то чувством нового, отчётливого осознания печальной реальности своего бытия и того, как он опустил, попрощался не только с ней, но и с мечтой найти себе кого-то в реальной жизни.

Конечно, теперь, когда всеми вещами в его квартире мог фактически распоряжаться он один, казалось бы, он мог бы сделать попытку навести хоть какой-то порядок у себя дома. Но у него, увы, не было мотивации. В самом деле, зачем? Какой смысл? Он реально оценивал свои силы. Как бы он ни старался, какие бы ни прикладывал усилия в этом направлении, для нормальной женщины он станет в лучшем случае лишь дефективной подделкой самого захудалого представителя офисного планктона. Он был как двоечник по жизни, который, если будет стараться, сдаст экзамен не на 1 балл из десяти, а, скажем, на 3. А проходной балл 7. И ради чего тогда все усилия?

Раньше у него была мечта, что он когда-нибудь встретит особенную, чудесную девушку, которая примет его таким, какой он есть. Со всеми его косяками. И в то же время сумеет оценить его неординарность. Ведь должно же быть у него что-то такое, за что его ценить, не за косяки же! Однако годы шли, а девушки всё не было. И на его душу тяжёлым грузом всё больше опускалось гнетущее ощущение, что и не будет. Никогда.

Эта последняя встреча с Леной стала для него своего рода моментом истины в этом вопросе, показав ему, что пора завязывать. И он более не пытался встретиться с девушкой «в реале». Оставив пока свои анкеты на сайтах знакомств «просто так, картинки посмотреть и всё такое». Была и ещё одна важная причина, по которой Джонни пока не удалял свою анкету с самого большого сайта знакомств – «Кобра». Он уже пару месяцев писал свои мемуары про Леночку, и ему нужны были критики, была нужна обратная связь. Джонни мечтал, что кто-нибудь из тамошних девушек когда-нибудь прочитает и оценит его творчество. Впрочем, как то и дело случалось у него в жизни, это опять-таки были всего лишь мечты. Единственным приятным исключением в этом плане, пожалуй, было лишь знакомство с Марией – жертвой психопата, история которой изложена в рассказе «Я есть хочу».

С другими же, как правило, у него не клеился даже виртуальный разговор. Джонни, как это у него обычно случалось, и слова-то нужные не мог найти, не зная, что сказать девушке, чтобы разговор сложился.

Значительно дальше ему удалось продвинуться с Верой – одной из девиц, с которыми он переписывался той весной. Когда Джонни признался ей, как сильно его интересуют закономерности поведения и внутреннего мира, понимание других людей, Вера ответила, что её эта тема тоже очень волнует. И предложила продолжить разговор в скайпе.

Там Джонни попытался посвятить Веру в круг идей, которыми он безумно увлёкся последнее время. Он рассказал, как долгие годы тщетно пытался понять плохих, злых людей. Начиная с придурков, обижавших его в школьные годы. Но лишь совсем недавно понял: самые ужасные среди них таковы вовсе не потому, что сделали для себя осознанный выбор, как долгое время утверждали религиозные деятели и прочие нравоучители. По словам Джонни, согласно современным представлениям, мы имеем здесь дело с большими людьми. Их делает плохими и злыми их расстройство личности, патология характера.

По репликам Веры стало ясно, что её настораживал и даже несколько напрягали подобные наклонности нового знакомого. Она поинтересовалась: откуда у тебя такой интерес? Я надеюсь, ты не один из них?! В ответ Джонни изобразил усмешку, насколько это было возможно средствами скайпа в отсутствие у него веб-камеры. И сказал, что ну какая же у него деструктивная патология личности, если он практически полная противоположность – тихий невротик, который мухи не обидит. Почитав последовавшие за этим объяснения Джонни касательно невротиков, Вера неожиданно заявила, что она, получается, тогда тоже невротик.

По словам Веры, её постоянно преследовала тревога, необъяснимый страх быть оставленной друзьями, оказаться в одиночестве. Чтобы обезопасить себя от такого поворота событий, Вера постоянно окружала себя скромными, робкими, ужасно неуверенными в себе молодыми людьми – теми, кого в народе называют «задротами». Благодаря её усилиям, их всегда вилось вокруг неё достаточно много. Поэтому она могла выбрать среди них кого-нибудь с более-менее презентабельной внешностью и встречаться с ним всерьёз. Таким образом, её избраннику уже не было необходимости оправдывать упомянутый выше термин в прямом смысле. Остальных же Вера держала на расстоянии в «друзьях», не ленись, впрочем, при этом подавать им ложные надежды. На тот случай, если избранник от неё куда-нибудь слиняет. Или, скорее, просто чтобы он постоянно был в тонусе, помня о конкуренции и о достаточном количестве претендентов на его место рядом с ней.

Джонни не рассматривал такое её поведение как бессердечность, сравнимую с наблюдаемой у психопатов. Скорее, он видел в поведении Веры банальный эгоизм. Вера была слишком погружена в свои старания сделать свои отношения с мальчиками как можно более уютными для себя, чтобы думать о том, каково при этом кому-то ещё. Сам этот её нездоровый, болезненный подход чем-то напоминал Джонни глупый антисоветский анекдот про чукчу и билеты на автобус:

- А если ты и второй билет потеряешь?

- Э-э-э, чукча не дурак, однако, у чукчи ещё и проездной есть!

Джонни знал и за собой такие мысли. Ему тоже очень хотелось, чтобы к нему была равнодушна даже не одна, а сразу несколько девушек. На тот случай, если одна, та самая, вдруг решит его оставить. Просто у него не было таких возможностей в этом плане, как у Веры: его и так все оставили!

А ещё, Джонни не мог не думать и о том, что не уделял другим достаточно внимания. Конечно же, он обычно не забывал сообразить придержать дверь в метро, чтобы она не проломила голову и не разбила лицо идущей сзади женщине. И в то же время было много моментов, в которых ему явно не хватало той предупредительности, которая словно была у других мужчин в крови. А главное – он всё больше осознавал с горечью, что безвозвратно упустил множество возможностей помочь своей маме, в первую очередь в плане здоровья.

Но, как бы ни был сам Джонни порой невнимателен к людям, даже самым близким; как бы остро он сам это ни осознавал, ему был неприятен подобный стиль общения со стороны других. В частности, многое из того, что писала ему Вера. Хотя, казалось бы, его это мало должно было беспокоить – ведь Вера ему никем не приходилась – так, случайная знакомая.

Вначале Джонни был исполнен энтузиазма поделиться с ней своими творческими замыслами и первыми набросками в своих мемуарах о Леночке во всех, как говорится, интимных подробностях. Он начал свой рассказ с большим эмоциональным подъёмом. Сообщив Вере, что хочет написать необычную историю о жизни необычных людей. Эта история, по его словам, будет частично основана на реальных событиях, происшедших с ним и одной удивительной девушкой. После такого вступления Джонни вкратце поведал Вере о том, что происходило между ним и Леночкой. К его огромному разочарованию, однако, Вера не выказала и тени восторга от его истории. Лишь сказала ему презрительно: и кому это надо? Если ты просто понял что-то для себя, другим-то это зачем? Обиженный до глубины души и даже в чём-то оскорблённый Джонни вначале даже не нашёлся что сказать.

Но потом, немного собравшись с мыслями, попытался объяснить. По его словам, о нормальных людях, обычном офисном планктоне, пишут многие. Но мир населён не только нормальными людьми. И он глубоко убеждён: необычные люди также заслуживают внимания. Чтобы другие узнавали об их внутреннем мире и пытались их понять. Неожиданно Вера оживилась: кажется, я понимаю, о чём ты говоришь, прокомментировала она. И принялась описывать ему, как однажды она прочитала очень заинтересовавший её рассказ о таком человеке. Насколько она помнила, история называлась Зверь или что-то в этом роде. Вера сказала Джонни, что хочет познакомить его с этим рассказом, однако, к сожалению, уже не может найти его в интернете. Джонни был заинтригован. Ему очень хотелось почитать, что же там такого в этом рассказе и в первую очередь его главным героем, который, по словам Веры, был маньяком. Тем более, у него почему-то складывалось впечатление, что этот маньяк напоминал ей самого Джонни.

К своему собственному удивлению, опираясь на Верино описание, Джонни нашёл рассказ всего за несколько минут. Рассказ повествовал о жизни одинокого полоумного педофила, жившего в лесу. Каждый день выходил он на охоту. Однако объектами его интереса были не только животные, но и две девочки среднего школьного возраста, наблюдая за которыми, маньяк занимался онанизмом. Эти девочки стали для него самым настоящим наваждением. Он уже не мыслил своей жизни без ежедневного подглядывания за ними и совершения своих ежедневных извращённых ритуалов. А потом то ли невыносимо стало ему винить себя за такое поведение, то ли ещё что, но герой покончил с собой.

Рассказ показался Джонни любопытным, но не более того. Хотя он очень любил разглагольствовать о том, что смотрит на содержание, а не на то, кто сочинитель, Джонни не поленился и вскоре разыскал блог автора. Последний произвёл на Джонни неизгладимое впечатление внушительностью короны на голове. Хотя о заслугах этого автора из его блога было известно в основном лишь то, что он несколько лет назад закончил факультет журналистики МГУ и теперь работал более-менее по специальности, Джонни был впечатлён тем, как держался этот молодой писатель. Словно излучавший что-то вроде: я талант, а вы все быдло.

Конечно же, Джонни и сам о себе был неслабого мнения, однако такая презрительная позиция в отношении автора к своим читателям (среди которых волей случая оказался и он сам!) показалась ему неприятной. Впрочем, надо отдать этому молодому дарованию должное – писал он увлекательно. По крайней мере, Джонни без усилия дочитал рассказ до конца. Но главный вывод, который сделал для себя Джонни после прочтения рассказа о звере, состоял в том, что хорошо ты пишешь или хреново, имеет смысл держаться с достоинством. Как говорится, если сам себя не похвалишь, то кто ещё это сделает?!

Что же касается Веры, то для Джонни было очень неприятно, как она фактически уподобила необычность, неординарность, ошущавшуюся им в себе, психопатологии педофила, подглядывавшего за маленькими девочками и онанировавшего в лесу. Хорошенькое же у неё сложилось впечатление обо мне, - обиженно – раздражённо думал Джонни. Самой же Вере он сказал, что рассказ, конечно, занятный (Джонни не мог не отметить для себя, как удивлена была Вера тем, что ему удалось – таки найти этот рассказ), однако он считает сравнение с его историей про Леночку совершенно некорректным. По его словам, он ставит перед собой серьёзную образовательную задачу: наглядно продемонстрировать широкому кругу читателей удивительную аномалию человеческой личности и чем она грозит тем, кому доведётся сталкиваться с таким человеком.

В ответ Вера сказала, что её также очень интересуют различные возможные вариации человеческой личности. И упомянула своё увлечение соционикой. Когда же Джонни поинтересовался у неё, что такое соционика, Вера вначале отреагировала несколько презрительно (мол, как же так: говорит, что серьёзно интересуется психологией, но даже не знает, что такое соционика!). После чего несколько смягчилась, однако заметила, что этого в двух словах в скайпе не расскажешь. Дескать, если тебе интересно – поищи и почитай в инете. Джонни ответил: ок, и углубился в чтение соответствующей статьи в Википедии. А примерно через полчаса решил поделиться с Верой впечатлениями от знакомства с соционикой. Они были таковы, что соционика – это что-то вроде типологии Юнга для бедных. Таким образом, вооружившись соционикой, практически любой нормальный человек – офисный служащий, старший помощник младшего менеджера, может рассуждать о человеческой личности как знаток, не влезая глубоко в дебри. Таким образом, возможность анализировать личности других людей получают не только работники кадровых служб, которым это положено по роду деятельности, но и практически все желающие: читательницы женских журналов, посетители интернет – форумов и т.д.

Такая характеристика со стороны Джонни совершенно не понравилась Вере. Ещё около получаса назад она всячески пыталась показать Джонни, что её увлечение соционикой не очень серьёзно, что она подходит к этому своему интересу обдуманно, не бросаясь в эту сферу с головой. Словно кто-то собирался осудить или низко оценить её по причине чрезмерной рьяности этого увлечения. Теперь же она ринулась на защиту соционики: «Да как ты можешь так огульно судить о том, чему ты посвятил всего полчаса своей жизни?!»- отчитывала Вера Джонни. «Значит, я, по-твоему, такая дура, что всерьёз занялась такой ерундой?! И раз тебе понадобилось всего полчаса, чтобы заклеить соционику, ты и про меня, небось, там себе уже подобные нелестные выводы сделал! Хоть ты меня также знаешь всего без году неделю». Почитав эту гневную тираду со стороны Веры, Джонни не мог не подумать о том, что она тоже в некотором роде невротик. Он так хорошо знал это из личного опыта: способность увидеть жуткий негатив для себя и стремление унижить со стороны других в объективно нейтральной, казалось бы, ситуации. Джонни поспешил (впрочем, без особого энтузиазма в этих своих усилиях) успокоить Веру, что у него ничего такого и в мыслях не было. Однако по её реакции на его заверения было совершенно очевидно, что осадок у неё остался.

Подтверждение такому своему ощущению Джонни получил на следующий день, когда написал Вере. Она снисходительно ответила ему, что уже чуть было на него не обиделась (это, разумеется, предполагало, что тогда они уже больше никогда бы не общались) за вчерашний отзыв о соционике. Теперь пришла очередь Джонни продемонстрировать свой невротический характер. Ему представлялось всё более оскорбительным то, как Вера держалась в общении с ним. У Джонни всё больше складывалось ощущение, что она с ним разговаривает, как с самыми ущербными из её «задротов». Но он-то, в отличие от них, себя уважал. И у него было мнение о себе ого-го! При этой мысли Джонни почему-то вспомнил того молодого писателя, автора «Зверя» и то, какой у него был апломб. А Джонни считал себя не хуже. И он теперь был тоже в некотором роде писатель, рассказывающий своим (пока только воображаемым) читателям о Леночке и о себе, так что нужно было держать марку.

Конечно же, Веру можно было бы пожалеть – столько у неё было комплексов, некоторые из которых просто пёрли наружу. Джонни вспомнил, как специально тащился на Нагатинскую в компьютерный магазин, чтобы купить веб-камеру, дабы иметь возможность совершать видеозвонки Вере по скайпу. Однако когда он подключил и настроил веб-камеру на показ своего лица окружающему миру, Вера (всего пару недель назад так активно агитировавшая его приобрести камеру, чтобы они смогли, наконец, увидеть друг друга) заявила, что стесняется передавать своё изображение. И предложила просто поговорить, только звуком, как при обычном телефонном звонке. Однако стоило только им начать говорить, как выяснилось, что Вера и этого стесняется, испытывая труднообъяснимый дискомфорт по поводу собственного голоса и того, каким он представляется другим. Джонни такая стеснительность Веры вначале показалась очень подозрительной. Ему стало казаться, что Вера таким образом пытается скрыть тот факт, что на самом деле она живёт не в Москве (как она указала на сайте знакомств Кобра), а в Клину (как

Джонни выяснил, забив в поисковик её имя пользователя в скайпе). Джонни представлялось, что в Клину ширина каналов связи должна быть значительно ниже, чем в Москве, соответственно видео могло тормозить, и Вера на этом могла проколоться. Впрочем, вскоре Джонни вынужден был оставить это объяснение как слишком мудрёное и технически продвинутое для Вериного ума. Наверное, она действительно искренне стесняется,- пришёл к выводу он.

Но, как бы там ни было, у Джонни тоже были свои комплексы в плане того, какое отношение к себе он мог терпеть, а какое не очень. Хотя Джонни, конечно же, предпочитал называть это всё не комплексами, а статусными соображениями, самоуважением и т.д. Впрочем, как их не называй, именно эти его заморочки не позволяли ему спокойно относиться к презрительно-снижательному стилю общения с ним этой приезжей девицы. Именно приезжей. Джонни прекрасно понимал, что, несмотря на свою клинскую прописку/регистрацию, Вера наверняка паслась здесь, в столице. И именно в его славном городе она собиралась себе в принципе искать уже не мальчика, но мужа. С московской пропиской/регистрацией, разумеется. Дабы он поделился с ней своим жильём. А как же иначе?

По крайней мере, такими представлялись Верины мотивы для Джонни, когда он задумывался о том, зачем она скрывает своё немосковское происхождение. У него же самого был пунктик относительно её прописки. Джонни сразу злобно вспоминал всяких родственничков, а также маминых подруг и знакомых. Которые практически все его ни во что не ставили. Джонни отчётливо представлял себе, как они ободряюще шипели его маме на ухо относительно его незавидных личных перспектив: ничего, Ира, может быть, какая-нибудь приезжая... Когда его воображение в очередной раз рисовало ему такую картину, он сжимал кулачки и клялся себе, что никогда-никогда не ляжет в одну кровать с девушкой, которая родилась за пределами МКАД. Хотя Джонни, естественно, был готов сделать исключение, скажем, ради девушки, которая родилась в Лос-Анджелесе, Париже или Лондоне. Впрочем, ему в любом случае было очень просто демонстрировать верность своему принципу, т.к. к нему в кровать в любом случае никто не стремился ни из Подмосковья, ни из самой что ни на есть Мухосрани.

Дополнительно накрутив себя такими «географическими» мыслями о Vere, после очередной её реплики, которая ему не понравилась, вместо ответа Джонни просто удалил её из своих контактов в скайпе. Теперь ни одна злонамеренная приезжая ему точно не угрожала! Он больше ни с кем не общался, даже виртуально, оставшись фактически один-одинёшенек, если не считать его умирающей мамы. Осознание этого печального факта тяжким грузом давило на его многострадальную психику. В частности, подталкивая его совершать бессмысленные, абсурдные, иррациональные поступки. Один из таких поступков состоял в том, что Джонни то и дело навязчиво проверял электронную почту. Словно постоянно ждал, что кто-нибудь ему напишет. Хотя было совершенно очевидно, что ждать писем ему решительно не от кого.

Но вот однажды, снова проверяя корреспонденцию, Джонни обомлел: ему пришло письмо с до боли знакомого адреса...